

В. И. Хрисанфов

**Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
И З. Н. ГИППИУС**

Из эмиграции в эмиграции.

В. И. ХРИСАНФОВ

**Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И
З. Н. ГИППИУС
ИЗ ЖИЗНИ В ЭМИГРАЦИИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005**

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Х93

Хрисанфов В. И.

Х93 Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 164 с.
ISBN 5-288-03623-3

ISBN 5-288-03623-3

© В. И. Хрисанфов, 2005
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус написано уже немало, в том числе и изрядное количество монографий, но книга доктора исторических наук, профессора В. И. Хрисанфова выделяется совершенно особым образом на фоне уже существующего корпуса исследований. Она посвящена наименее изученному, эмигрантскому периоду жизни двух замечательных людей, причем автор, ничуть не пренебрегая интерпретацией их творчества, акцентирует внимание на биографических пертурбациях, на так называемых персоналиях, чьи свершения часто не близки ему.

Эта увлекательная и провокативная, короткая, но емкая, энергичная и концептуальная книга состоит из предисловия, введения и трех глав: «Польский период жизни в эмиграции», «Парижский период жизни» и «Годы войны».

Во введении мотивированы актуальность и объект исследования, перечислены его разнообразные источники (мемуарное и эпистолярное наследие Мережковских, воспоминания их современников, эмигрантская пресса тех лет, работы современных ученых и т. д.), отмечена его полемичность к традиционным гипотезам, сформулированы его основные цели: раскрыть всю сложность и неоднозначность Мережковского и Гиппиус как личностей, составить целостную картину их длительного пребывания в эмиграции. Здесь упомянута и вполне сознаваемая автором, ничуть не легкая задача — демистифицировать те наиболее распространенные мифы, которыми обросли имена Мережковского и Гиппиус.

В трех основных главах книги в хронологическом порядке Хрисанфов исследует пребывание знаменитой литературной пары в Польше, во Франции, в Италии и опять во Франции, тщательно соединяя изложение их творческой деятельности с реальными че-

ловеческими биографиями, с чисто человеческим измерением, даже и прежде всего неблагоепным. Автор комментирует такие чисто человеческие «грехи» Мережковских, как их слишком меркантильные интересы (рассматривает вопрос о чешских, сербских и французских государственных пособиях), их слишком утилитарное отношение к знакомым. Особое внимание уделено претензиям известной четы на водительство: литературно-художественное, религиозно-философское, общественно-политическое. Специальное место отведено развенчанию мифа о парижском салоне Мережковских как центре русского интеллектуального Парижа и мифа о покровительстве Мережковских начинающим литераторам. Вдумчивый и чуткий исследователь, Хрисанфов обнаруживает скрытые пружины многочисленных конфронтаций Мережковских: с И. Буниным (дело Нобелевской премии), с В. Ходасевичем, с папой римским Пием XI, с Гербертом Уэллсом (политический дискурс). Обстоятельность прорисовки идеологического контекста связана с комментарием интервенционалистских настроений Мережковских по отношению к Советской России, «рандеву» Мережковского с Муссолини и его восславления Гитлера. Желая представить на суд потомства не очередную версию, а полное и объективное свидетельство о жизни Мережковского и Гиппиус в эмиграции, автор многое договаривает до конца, не боясь «испортить» их биографии.

В заключение можно отметить, что книга замечательна еще и тем, что, реконструируя парижский период жизни Мережковских, она предлагает читателю совершенно не традиционный взгляд на русский Париж начала 1920-х годов.

Фактурная насыщенность книги, авторская установка на конкретику, раритетные цитаты и императив доказательности, если прибавить к этому и раскованность изложения, мастерство сюжетной подачи биографического ряда, филологическую риторичность, то понятно, почему и у нас книга может быть встречена с интересом как строгими профессионалами, так и любопытствующим читателем.

Кристина Арбова
Пловдивский университет
Болгария

ВВЕДЕНИЕ

Уходит XX век, а вместе с ним уходят в небытие многие события, факты (большие и малые) и люди. Но есть события, а также люди, чьи имена еще надолго сохранятся в памяти потомков.

Среди них — Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус. Их имена тесно связаны с историей Санкт-Петербурга — Петрограда, его литературной и общественной жизнью начала XX столетия. Основной вклад в русскую литературу оба внесли, находясь еще в России. С именем Д. С. Мережковского неразрывно связана судьба символизма. До революции 1917 г. в стране вышли его сочинения в 17 и 24 томах. Пользовалась большой известностью и З. Н. Гиппиус, у которой было много поклонников ее таланта (особенно поэтического).

Эта первая половина их жизненного и творческого пути, относящаяся к петроградскому периоду (жили они много лет в громадном доме на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской (ул. Пестеля), известном как «дом Мурузи»), получила достаточное освещение. Менее всего изучена вторая половина их жизни, проведенная в эмиграции. Почти 25 последних лет жизни З. Н. Гиппиус и 20 лет жизни Д. С. Мережковского за границей — это особая глава их биографии, еще ожидающая внимательного и поэтапного изучения.

Обращение к жизни и творчеству этих двух интереснейших людей, которые не расставались в течение всей своей жизни ни на минуту и о которых поэтому можно и нужно писать и говорить только вместе, важно и по другой причине.

В начале 90-х годов XX в. началось возвращение в историю культуры России забытых имен, особенно тех, кто оказался по разным причинам в эмиграции, переиздание их трудов. В их числе оказались Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна

Гиппиус, хотя к числу совсем забытых их вряд ли можно отнести. Тем не менее появились новые публикации их трудов, которые сопровождались вводными статьями, посвященными творческой деятельности того и другого¹. В них, естественно, высказывались благие пожелания устранить существующие перекосы в оценке творчества известных литераторов и одновременно предостережения не впасть снова в односторонность. Но, к сожалению, сами авторы подобных предостережений не удержались на объективных позициях. И в статьях, и в монографических исследованиях того периода, посвященных культурной жизни русской эмиграции, оценки даются односторонние, тенденциозные, не позволяющие непредубежденно оценить жизнь и творчество данных писателей.

Среди всех этих трудов особенно выделяются работы В. Костикова и В. Акимова². Появившиеся на перестроечной волне, эти авторы взяли на себя неблагоприятную роль общественных защитников политической эмиграции. Их работы привлекают внимание своей необъективностью авторских оценок, желанием проследить «подвиг» эмиграции, сохранившей, по их мнению, русскую литературу для будущих читателей-россиян.

К сожалению, при всем обилии фактического материала, рассказывающего о жизни российской эмиграции, в том числе и литературной, их оценки, выводы неприемлемы своим субъективизмом, конъюнктурным подходом. Они противоречат даже тому материалу, который приводят сами авторы. Больше того, они пытаются даже доказать, что и современники Мережковских, критикуя их, были не правы. Эти работы оказывают самое негативное воздействие на современного отечественного читателя, вводя его в заблуждение. Так, В. Костиков предлагает оценить вклад этих литераторов в русскую культуру, абстрагируясь от политических симпатий Д. Мережковского и З. Гиппиус, «по тому литературно-критическому наследию», которое они оставили после себя. Все вроде правильно. Однако уже здесь мы наталкиваемся на противоречивость его суждений. С одной стороны, свою лепту в русскую литературу оба внесли, еще находясь в России. Именно это и сделало чету Мережковских известными личностями. С другой стороны, сложнее оценить их творческую деятельность в эмиграции, ибо трудно отделить их литературно-критическое наследие от политической направленности. Понимает это и В. Костиков, по мнению которого поэтическое наследие З. Гиппиус эмигрантского периода

невелико, а ее критические статьи носят отпечаток «личных пристрастий». А ведь это и есть политические симпатии, абстрагироваться от которых предлагает В. Костиков. Так как же тогда оценивать их вклад? На наш взгляд, прав Г. Струве, который считает, что для понимания эмигрантского периода жизни Мережковских, в том числе и литературного, необходимо иметь в виду, что для них на первом месте все время стояла борьба с большевиками и этой задаче было подчинено все остальное³. Их тезис: «Кто не против них (т. е. большевиков. — В. Х.), тот за них»⁴.

Еще одна причина, по которой автор взялся за данную тему, возникла после знакомства с дневниковыми записями З. Н. Гиппиус. 30 мая 1940 г. Зинаида Николаевна записала в своем дневнике, что ей хотелось бы написать историю эмиграции, но не всей эмиграции, как утверждают исследователи ее творчества, упоминая об этом факте, а только историю их (Мережковских) окружения⁵.

Появление данной работы и будет в какой-то степени выполнением желания З. Н. Гиппиус. В ней использованы разнообразные источники, опубликованные в разное время, в первую очередь литературное наследие Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Большую ценность представляют дневниковые записи З. Н. Гиппиус, такие как «Варшавский дневник», «Польша 20-го года», «Год войны. 1939. Дневник», «Серое с красным. Дневник 1940»⁶.

Одним из основных источников является эпистолярное наследие Мережковских, частично изданное в двух книгах. Первая — «Зинаида Гиппиус. Письма к Берберовой и Ходасевичу (из личного архива Н. Берберовой, хранящегося в библиотеке Йельского университета, США), 1978». Книга включает 25 писем Н. Берберовой и 50 писем В. Ходасевичу, написанных в период с 1925 по 1931 г., когда у В. Ходасевича окончательно пропал интерес к окружению Мережковских и к тому «делу», которым они занимались. Вторая книга — «Дмитрий Мережковский. Маленькая Тереза. Эрмитаж, 1984» (под редакцией Т. Пахмус), в которой опубликованы письма Д. С. Мережковского его секретарю В. А. Злобину, написанные в Италии и Швейцарии в середине 1930-х годов.

Личность З. Н. Гиппиус привлекает внимание зарубежных исследователей, в том числе и в США, даже больше, чем Д. С. Мережковского. Среди них в первую очередь нужно отметить имя Тамары Пахмус (США). Ее роль в сохранении эпистолярного наследия З. Н. Гиппиус весьма значительна. Она является известным

биографом З. Гиппиус и хранительницей основного архива Мережковских. Среди использованных источников важное место занимают два сборника писем З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, подготовленные Т. Пахмус⁷.

Помимо мемуаров самой З. Н. Гиппиус «Дмитрий Мережковский» в данной работе использован широкий круг воспоминаний, написанных современниками Мережковских, близко знавших или встречавшихся с ними в разное время. Среди них воспоминания Н. Берберовой «Курсив мой» (в 2 томах), И. Одоевцевой «На берегах Сены», Ю. Терапиано «Встречи», М. Вишняка «Современные записки: Воспоминания редактора» и «Годы эмиграции» и многие другие — в общей сложности их несколько десятков. Отдельные яркие штрихи к портрету наших героев, их характеристики приводятся в воспоминаниях С. Маковского, Б. Зайцева, Г. Адамовича и некоторых других.

Отдельно отметим книгу В. Злобина «Тяжелая душа» — нечто среднее между мемуарами и исследованием. В. Злобин долгие годы не расставался с четой Мережковских, оставаясь рядом с ними до самой последней минуты их жизни. Поэтому его свидетельство заслуживает особого внимания. Но, несмотря на то что он лучше всех остальных современников чувствовал и понимал Мережковских, В. Злобин использовал их слабости, часто действуя в собственных интересах, правда не афишируя это, о чем свидетельствуют вырезанные странички из военных дневников З. Гиппиус, первоначально доставшихся ему в наследство вместе со всеми архивами Мережковских. Поэтому даже его оценкам и выводам не следует доверять в полной мере. Определенное недоверие вызывают и материалы сборника «Дальние берега», задуманного с целью познакомить российского читателя с эмигрантской литературой, которую составитель сборника Вадим Крейд (литературовед, окончивший Ленинградский и Мичиганский университеты) считает «классикой XX века». Оставим пока эту оценку без комментария, но заметим, что, к сожалению, те выжимки из воспоминаний современников, которые должны были, по мнению В. Крейда, осветить те или иные стороны личности или жизни Мережковского и Гиппиус, на самом деле, вырванные из контекста, искажают их образы и не дают достаточно правильного представления о них.

После В. Злобина, на наш взгляд, лучше всех понял Мережковских Георгий Адамович, запечатлевший свое понимание и отноше-

ние к ним в книге «Одиночество и свобода» (1955). Не случайно Г. Иванов, рецензируя в свое время эту книгу, отметил ее «замечательные страницы, как бы воскрешающие Мережковского и Гиппиус и всю окружающую их, навсегда погибшую атмосферу и незабываемый, какой-то особенный свет “Зеленой лампы”»⁸.

Вместе с тем приходится констатировать, что в мемуарной литературе накопилось множество мифов и легенд, сопровождающих повсюду имена Гиппиус и Мережковского. В 90-е годы XX в., в период ренессанса эмигрантской литературы в России, они вновь выплеснулись на страницы многочисленных работ, посвященных истории эмиграции.

Самым распространенным мифом, появившимся сначала в мемуарной литературе, а затем перекочевавшим и в научные публикации, стало утверждение о том, что в 20–30-е годы XX в. квартира Мережковских в Париже, или, как ее еще называли, «салон Мережковских», была главным центром литературной и вообще общественной жизни парижской эмиграции.

По этой причине автор данной работы попытался не только представить общую картину культурной жизни русской эмиграции в Париже, но и восстановить одну из интереснейших страниц истории, общественно-литературной деятельности Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, связанную с созданием и существованием «салона Мережковских» (включая «воскресники» и «Зеленую лампу»).

Данный вопрос получил некоторое освещение как в зарубежной (в работах Г. Струве, П. Ковалевского, Т. Пахмус и др.), так и в отечественной (в трудах Н. Соколова, В. Костикова и др.) литературе.

Однако во всех исследованиях практически повторяются одни и те же сведения. Кроме того, в них имеется много неточностей фактического характера, что отразилось и на обобщающих выводах исследователей. В опубликованных работах не дается целостное представление и об истории «Зеленой лампы» за все время ее существования. Мы имеем наиболее развернутую картину того, что и как обсуждалось и говорилось только на первых четырех заседаниях «Зеленой лампы» в 1927 г., и то лишь благодаря сохранившимся материалам в журнале «Новый корабль». К сожалению, сам журнал уже недоступен для читателя. Он стал библиографической редкостью, сохранившись лишь в четырех российских библиотеках, но ни в одной из них не имеется полного комплекта.

Основными источниками информации по рассматриваемому вопросу служат воспоминания Ю. Терапиано, Ю. Фельзена, И. Одоевцевой, оставивших потомкам наиболее полные зарисовки многих заседаний воскресных встреч и «Зеленой лампы». Правда, в памяти первых двух современников Мережковских, на наш взгляд, перемешались и воскресные чаепития, и последующие встречи в «Зеленой лампе», что негативно отразилось в исследованиях, посвященных творческой деятельности известных литераторов. Более объективна в этом отношении И. Одоевцева, которая впервые появилась в доме Мережковских в Париже, когда уже «загорелся» огонек «Зеленой лампы». Являясь постоянной участницей встреч, И. Одоевцева, по ее собственным словам, бывала в доме Мережковских «почти каждое воскресенье». В то же время она была там как бы «сторонним наблюдателем», не принимавшим идей Мережковских. И все же и с ее некоторыми выводами и оценками трудно согласиться. Остальные заседания «Зеленой лампы» приходилось восстанавливать с трудом.

Обросла легендами и история взаимоотношений Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус с И. А. Буниным, особенно в период их «соперничества» за Нобелевскую премию по литературе. Один из таких мифов прослеживается в воспоминаниях В. Сухомлина, журналиста, прожившего за границей около 50 лет, а после Второй мировой войны вернувшегося на родину. Автор воспоминаний передает содержание разговора Бунина с Мережковским от лица одного из собеседников — И. Бунина, рассказывающего неизвестно когда и неизвестно кому следующее: «Несколько лет тому назад Мережковский ездил в Варшаву, где Философов издавал газету. Был принят Пилсудским. “Ну, что, как?” — спрашиваю. “Когда я вошел в кабинет, — говорит Мережковский, — я сразу почувствовал присутствие Христа”. Год спустя на мой вопрос о Пилсудском ответил: “Обманул, сукин сын!” Ездил Мережковский и к Муссолини. Встречались в Венеции. После этого целый год жил в Италии на счет Муссолини. Через год вернулся и говорит: “Обманул, сукин сын. Денег-то больше не дает”»⁹. В изложении В. Сухомлина получилась красивая легенда, в которой соединены воедино различные по времени, хотя и реальные, но не совсем верно изложенные факты встречи Мережковского с Пилсудским и с Муссолини. В данной работе этим сюжетам посвящены две главы.

Нет полной картины последнего периода жизни Мережковских в оккупированной нацистами Франции, поскольку те, кто прикасался к этой теме, обходили «неприятные» моменты, боясь повредить их репутации. Те же, кто вспоминал об этом периоде их жизни, делают много оговорок, смягчающих негативный фон. Увлечение Мережковских фашизмом, не только теоретическое, но и практическое принятие его называется «простым любопытством», правда в то же время «не украшающим их авторитет»¹⁰.

Итак, можно констатировать, что многие страницы жизни Мережковских за границей для массового читателя до сих пор неизвестны. Многие из того, что известно, в значительной степени мифологизировано. Возникло много легенд, связанных с их именами. Исследователи творчества Д. Мережковского и З. Гиппиус продолжают использовать разрозненные высказывания их современников, часто вырванные из контекста и дающие весьма противоречивые представления об этих удивительных, кажущихся благодаря мифам какими-то таинственными, людях. Не предпринималось до настоящего времени даже попыток составить целостную картину их длительного пребывания в эмиграции.

Учитывая эти обстоятельства и используя самые разнообразные источники (эпистолярное наследие Мережковских, мемуарную литературу, эмигрантскую прессу тех лет, специальные исследования, а также литературно-критические статьи, посвященные творчеству известных литераторов), автор попытался дать целостную картину их жизни за границей и устранить имеющиеся в опубликованной литературе фактические неточности или односторонние суждения некоторых исследователей, вызванные в первую очередь их не критическим отношением к эмигрантской историографии, и тем самым дать возможность читателю увидеть всю сложность и противоречивость З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского как личностей, а также их жизнь и творчество в эмиграции.

Предпринятая попытка вовсе не означает, что автору полностью удалось раскрыть все тайны жизни знаменитой четы. Это далеко не так, да такой цели и не ставилось. Быть может, в результате лишь приоткрылась завеса над таинственностью этих людей.

Автор выражает благодарность всем, кто знакомился с рукописью книги, высказывая свои критические замечания.

ПОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ В ЭМИГРАЦИИ

Из Петрограда в Варшаву

Мережковские покинули Петроград в самом конце 1919 г. Еще находясь в Советской России, они строили различные планы бегства за границу. Новую власть, установившуюся в октябре 1917 г., они не приняли (считая революцию величайшей трагедией), хотя «подоить» ее успели. Об этом свидетельствуют, в частности, дневниковые записи К. И. Чуковского. По его словам, с одной стороны, они ругали с утра до вечера большевиков, а с другой стороны, обращались к советской власти за помощью через того же К. Чуковского, который устраивал все, что они просили, включая «охранную бумагу», которая спасла их от уплотнения квартиры. С подобными просьбами они обращались неоднократно и в 1918 г., и в 1919 г. Так, при очередном визите К. Чуковского к Мережковским 9 июля 1919 г. между ними состоялся разговор, во время которого Дмитрий Сергеевич высказывал идею послать наркому Луначарскому телеграмму о том, что он, Мережковский, умирает с голоду и требует, чтобы у него купили его сочинения. А между тем, как пишет Чуковский, «не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому 56 тыс., полученных от большевиков за “Александра”, да 20 тыс., полученных Зинаидой Николаевной Гиппиус. Итого 76 тыс. эти люди получили две недели назад. И теперь он готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто»¹¹.

Так они и жили, одновременно строя всевозможные планы бегства за границу. Наконец, летом 1919 г., узнав о поражении Колчака в Сибири и Деникина на юге, Мережковские уже не видели другого выхода из создавшегося тупика, кроме бегства из России. Не желая приспособляться к большевистскому режиму, они решили, как считает биограф З. Гиппиус Т. Пахмус, искать в Европе ту свободу, которая, по их мнению, была попрана на родине¹². (О том, нашли ли они эту «свободу», будет сказано в последней главе нашей работы.) Приняв такое решение, Мережковские в конце концов выбрали

план перехода польской границы. Официально Д. Мережковский и З. Гиппиус отправились в турне для чтения лекций в красноармейских частях. Вместе с ними находились Д. В. Философов, их давний и близкий друг, и начинающий поэт В. Злобин, тогда еще студент Петроградского университета.

Разрешение на поездку было получено благодаря хлопотам А. М. Горького (которого они «отблагодарили», бежав за границу). Расставание с родиной, по всей вероятности, не было для них тягостным. По словам того же К. Чуковского, который за неделю до их отъезда виделся с Дмитрием Сергеевичем, тот выглядел весьма импозантно, «помолодевшим и подтянутым»¹³. Правда, сам отъезд, судя по записям Чуковского, был несколько омрачен по независящим ни от кого обстоятельствам. Вот как описывает этот эпизод на вокзале К. Чуковский: «...раньше всего толпа оттеснила их к разным вагонам — разделила. Они потеряли чемоданы. До последней минуты они не могли попасть в вагон... Мережковский кричал: “Я — член Совета... Я — из Смольного”. Но и это не помогло. Потом он взвизгнул: “Шуба!” — У него, очевидно, в толпе срывали шубу»¹⁴.

После недельной подготовки (в это время они проживали в Жлобине в семье одного еврея) в январе 1920 г. все четверо нелегально перешли границу в районе г. Бобруйска. Здесь после перехода границы их задержали и целый день продержали на пограничной станции. Затем еще 10 дней они пробыли в самом Бобруйске¹⁵, после чего отправились дальше. В Минск они прибыли с разрешения польских властей в воинском эшелоне. Остановились Мережковские в гостинице «Париж». В Минске они оказались в центре внимания городской общественности, и у Дмитрия Сергеевича родилась мысль выступить здесь с рядом лекций о большевизме¹⁶. А тут еще весьма кстати редактор местной газеты «Минский курьер» Гзовский (поляк, недавно вернувшийся из Москвы) предложил им сотрудничество. Они читали лекции, писали политические статьи, принимали участие в митингах, на которых поднимались вопросы борьбы против большевиков¹⁷.

Вместе с тем З. Гиппиус обратила внимание на отношение русскоязычного населения Минска к польским властям. Ее поразила их «ненависть к полякам», чего она никак не могла понять. Да, З. Гиппиус была согласна, что польские власти (чиновники) вели себя по отношению к русским некорректно, даже грубо, подчас как

завоеватели. Но это, по мнению Зинаиды Николаевны, «была мелочь». Главное для нее было то, что поляки освободили Минск от большевиков¹⁸.

Через некоторое время они перебрались в Вильно (о причинах, заставивших «беглецов из России», как они себя называли, покинуть Минск, будет сказано ниже). И, наконец, 3 марта все четверо прибыли в Варшаву. И здесь Д. Мережковский оставался самим собой. Будучи самого высокого мнения о себе, Дмитрий Сергеевич вечером того же дня встретился с журналистами и дал интервью. В самом начале беседы он посетовал на то, что встретили их в гостинице, где они поселились, плохо, несмотря на предупреждение о приезде, а затем стал жаловаться на «страдания», которые ему приходится переживать вследствие отсутствия удобств¹⁹. Тем не менее именно в этой гостинице прожить им пришлось больше двух месяцев.

В своем интервью Д. Мережковский заметил, что собирается пробыть в Варшаве около месяца, но в то же время планы его были обширны. Во-первых, он заканчивал книгу под заглавием «Русский большевизм и Европа» (по сути дела, это был сборник статей всех четырех «беглецов»), которую собирался издать на шведском, немецком и английском языках. Далее он предполагал прочитать лекцию на тему «Россия, Польша и Мицкевич» на французском языке, так как, по словам Мережковского, польского языка он не знал, а на русском не хотел. Действительно, через неделю польское литературное общество пригласило Мережковского прочитать лекцию «Нынешняя Россия об идее Мицкевича»²⁰. Говоря о польско-русских отношениях, Д. Мережковский всюду подчеркивал, что он «сторонник уничтожения обид, нанесенных польскому народу разделом 1772 г., и поэтому за возвращение земель, отторгнутых от Польши в 1772 г.»²¹. Оказавшись на территории Польши, Мережковские объявили себя политическими беженцами и заняли, как мы уже видели, активную антисоветскую позицию. Об этом З. Гиппиус прямо пишет в своих мемуарах, хотя сегодня некоторые исследователи пытаются утверждать обратное (например, В. Костиков²²). В другую крайность впадает Т. Пахмус (США), которая хотя и согласна с тем, что в Польше Мережковские «погрузились с головой в антикоммунистическую деятельность среди русских эмигрантов и польской аристократии», но утверждает, что не они начали ее, а якобы их литературная известность привлекла к ним внимание

польской шляхты и русской эмиграции. Таким образом, получается, что их лишь использовали. Однако это противоречит собственным убеждениям Мережковских, которые, как уже выяснилось, еще при переходе границы объявили себя политическими эмигрантами. Правда, Т. Пахмус далее признает, что и сами Мережковские искали себе новых соратников в борьбе против большевиков.

В Варшаве и других городах Мережковские выступали с публичными лекциями, излагая свои взгляды, которые не всегда принимались русскоязычными кругами местной общественности. Это стало очевидно уже в Минске, после двух первых открытых выступлений, состоявшихся в помещении городского театра. Организатором лекций был заведующий «русской пушкинской библиотекой» доктор Болоховец. На их первую лекцию народу пришло очень много, поэтому было решено ее повторить. И хотя вторая лекция, по словам Зинаиды Николаевны, также прошла с успехом, все же она вынуждена была признать, что «минское общество начало уже косяться на них за “полонофильство”». Поэтому «беглецы» стали чаще общаться с поляками; генерал Жилиговский становится другом З. Гиппиус. Перед второй лекцией жили они уже не в гостинице, а в женском монастыре, в доме игуменьи.

А третью лекцию библиотека отказалась устраивать, и Мережковские при ее организации опирались на польские власти. Лекция была устроена частным образом, на этот раз в присутствии представителей польских властей, после чего вся четверка вынуждена была покинуть Минск от греха подальше.

Но и в Вильно, где они остановились на пути в Варшаву, ситуация повторилась. Там, как вспоминала З. Гиппиус, с ними произошел «казус». Они попали под бойкот местных евреев. Все билеты на лекцию были заранее раскуплены, а зал в итоге был «полупустой»²³.

И в Варшаве не все принимали их взгляды. Так, в газете «Варшавское слово» появилась критическая заметка о двухчасовой лекции Д. С. Мережковского под названием «Распятый народ (Польша и Россия)». Автор статьи журналист А. Вольский назвал лекцию «мистической макулатурой», а самого Мережковского «очень плохим политиком, не только реальным, что тот и сам признавал, но и теоретическим, в чем он не желает сознаваться»²⁴. Журналист назвал бестактным и заявление стремившегося доказать необходимость иностранной интервенции в Россию «для борьбы с Ан-

тихристом» Мережковского о недопустимости польским властям вступать в переговоры с советским правительством. Что касается Мицкевича, то, по мнению А. Вольского, великий поэт оказался притянут к этому вопросу, как говорится, «ни к селу, ни к городу». «Не проще ли было бы, — рассуждает журналист, — сказать прямо и откровенно, без всяких антихристов и т. п. мистических благоглупостей: «Господа! Я — гонимый дикарями старик. Жить в Советской России невозможно.

Тяжело на старости лет скитаться по свету... За мной имеются несомненные литературные заслуги. И я, либерал, автор "Будды", вынужден давать свою "фирму" обломкам всероссийской черной сотни, оказывающей мне на чужбине мелкие услуги, без которых мне трудно обойтись... Не обращайтесь меня в политического "оракула"»²⁵.

Нельзя не обратить внимание также на одну встречу Мережковского с представителями еврейской печати. Видимо, учтя негативную реакцию еврейской общины на свои прежние высказывания, Д. Мережковский на этот раз излагает свое мнение очень осторожно и даже пытается уверить журналистов в том, что он — не противник социализма, но лишь убежден, что социальный вопрос, к решению которого призывали большевики, может быть разрешен «только на почве религиозного сознания»²⁶.

Но все это были благие намерения. Ничто не могло остановить Мережковских в их борьбе с большевиками. Перебирая в памяти имена тех, кто мог бы быть им помощниками в этой борьбе, они остановились на Б. Савинкове, которого знали еще до революции и контакты с которым были установлены еще по пути в Варшаву. Как отмечала З. Гиппиус, только Савинков мог быть их единомышленником²⁷. Правда, встречались они и с Булак-Балаховичем, о котором Зинаида Николаевна отзывалась весьма положительно как о борце с большевизмом, величая его «генералом с "изюминкой"».

Сама Зинаида Николаевна начала в эмиграции также с публицистики — статьями на злободневные темы в варшавской «Свободе», хотя это не мешало ей выступать и в качестве поэта. Так, 9 апреля 1920 г. состоялся литературно-художественный вечер, на котором в числе других участников выступлений были З. Гиппиус и В. Злобин²⁸. Газета «Свобода», созданная совместными усилиями Б. Савинкова, Д. Мережковского и Д. Философова, печатала ее сти-

хи, правда старые, из петербургского и петроградского циклов²⁹. К сожалению, пребывание З. Н. Гиппиус в Польше не нашло отражения в поэзии или художественной прозе. Только один томик стихов «Походные песни» вышел за подписью «Антон Кирша» в 1920 г. В их числе была и «Песня без слов». Сама эта песня была написана для русского отряда, который, по мысли Мережковских, должен был находиться в авангарде польской армии при походе на Москву³⁰.

Несбывшиеся ожидания

Касаясь пребывания Мережковских в Польше, В. Костиков хотя и признает, что они были одними из самых непримиримых в борьбе с большевиками, в то же время оправдывает их, утверждая, что их непримиримость не шла далее «лингвистической остроты и злой иронии в литературных журналах»³¹. На самом деле он лукавит. Уже 6 апреля в переполненном зале Гигиенического общества выступила вся четверка «беглецов» из Советской России. Первым выступил Д. Философов с докладом «Монгольский социализм большевиков». В нем речь шла об участии в российской революции интернационалистов (китайцев, корейцев и др.), которых Философов назвал «авангардом Красной Армии». Вторым докладчиком был В. Злобин, которого представили как «известного русского поэта», хотя за душой у него еще ничего не было. Тема его выступления была посвящена подготовке бегства от «кровожадных большевиков».

Выступившая затем З. Гиппиус читала отрывки из своего дневника, где «давала "картину переживаний в России" и описывала "ужасы", не забыв оболгать и М. Горького, благодаря поддержке которого они получили командировку в провинцию. И в заключение выступил Д. Мережковский, призывавший к интервенции: "Пусть Европа окажет немедленную помощь русскому народу, ибо русский народ сам возродиться не может" — вещал он»³².

20 мая была прочитана еще одна такая же по содержанию общая лекция и две отдельно Мережковским. Кроме того, за 10 месяцев пребывания в Польше Мережковские, настроенные враждебно к новой власти на родине, деятельно поддерживали все акции Б. Савинкова против Советской России, вели интенсивную пропагандистскую работу. Поскольку единственная русская га-

зета «Варшавское слово» (редактор Горвиц) им не нравилась — по словам Гиппиус, она «большевитничала», — возникла мысль издавать собственную газету³³. И такая газета появилась. Сам Д. Мережковский вместе с Д. Философовым и М. Арцыбашевым участвовал в издании и редактировании газеты «Свобода». В сентябре в ней была опубликована статья Д. Мережковского «Смысл войны» (под псевдонимом «Юлиан Отступник») с очередным призывом к интервенции. Активно работала в газете и З. Гиппиус.

Вскоре после приезда в Варшаву Мережковских пригласили в Русский комитет на торжественное заседание (правда, неизвестно по какому поводу). Зато известно, что Русский комитет в это время находился в стадии кризиса. Русских здесь было не так уж и много, и отношение к ним было неважное — так считала З. Гиппиус. По данным газеты «Сегодня», на январь 1920 г. в Польше насчитывалось около 30 тыс. русских беженцев³⁴. Цифра близка к реальной, что подтверждают данные Министерства иностранных дел Польши, опубликованные после официальной регистрации русских беженцев 12 октября 1920 г. Директор департамента МИД господин Урбанский называет цифру 20 тыс.³⁵ Поэтому основными задачами Комитета, возникшего в начале 1919 г., были оказание материальной и помощи в трудоустройстве русским, защита их юридических прав и религии. До конца 1919 г. Комитет выполнял функции русского представительства. С прибытием в Варшаву Б. Савинкова и созданием в июне 1920 г. Политического комитета Русский комитет стал заниматься только культурно-просветительной, благотворительной деятельностью.

Комитет в период своего создания получил от польского правительства 500 тыс. марок в счет будущих расчетов с Россией, а также субсидии от Политического Сопровождающего в Париже³⁶. Этими значительными суммами правление комитета бесконтрольно распоряжалось по своему усмотрению. И когда 31 марта 1920 г. на заседании Русского Комитета был заслушан доклад уже третьего по счету с момента создания Комитета председателя правления, выяснилась «странная раздача денег не по назначению». Разразился скандал. После долгой и упорной внутренней борьбы состоялись (уже после прибытия в Варшаву Мережковских) выборы председателя вновь избранного правления. Борьба велась между двумя кандидатами — князем Мещерским и Д. Философовым, который и победил, так как его кандидатура была поддержана поль-

ской общественностью³⁷. Забегая вперед, заметим, что в конце концов именно этот шаг Д. Философова послужил поводом к разрыву его отношений с Мережковскими после 17-летнего сотрудничества и личной дружбы, хотя трещина в их взаимоотношениях появилась еще в России, но там он находился под полным контролем Мережковских. Как выяснилось позднее из писем З. Гиппиус 1930-х годов, оказывается, Мережковский насильно увез Д. Философова за границу, так как тот уже после Февральской революции «впал в полное отчаяние, был инертен и безучастен»³⁸. Д. Философов и за границей больше тянулся к русским, а Мережковские тяготели к кругам, близким к польскому правительству.

Окунувшись в активную политику, Мережковские не желали слушать и предостережения Б. Савинкова, уверявшего их в том, что Пилсудский не хочет гласности насчет их «дела». Мережковских это очень раздражало, и начались трения. Они все реже встречались с Савинковым, перенесли свою деятельность в польскую среду.

Начался второй, «самый важный», по словам Зинаиды Николаевны, этап в их варшавской жизни, когда они в основном перестали общаться с русскими эмигрантами. Мережковские даже перебрались на новую квартиру (ул. Крулевская, 29-а, напротив Саксонского сада)³⁹. Квартира состояла из двух изолированных комнат. Посредине большой комнаты, которая служила одновременно гостиной и спальней Зинаиды Николаевны, стоял ломберный стол, в углу — «маленькая проваленная кровать с красной периной, покрытая ковром». Весь день комната была полна солнца. Здесь Мережковские принимали посетителей, которые не покидали их целыми днями. Дмитрий Сергеевич жил напротив, через переднюю, в небольшой и темной комнате. У него была такая же кровать, оттоманка и письменный стол.

Целыми днями, с утра до вечера, они были заняты. Теперь главную ставку Мережковские сделали на иностранную военную интервенцию, ибо Савинков, по их мнению, для этого дела оказался непригодным. Д. С. Мережковский обратился с открытым письмом к Ю. Пилсудскому, в котором предлагал свои услуги в борьбе с русскими большевиками и просил о личной встрече⁴⁰. Такая встреча состоялась 3 июля и продолжалась 1 час 20 мин.⁴¹, после чего Мережковский берет за формирование русского отряда при польских войсках. 5 июля появляется приказ Пилсудского по армии и

воззвание Совета государственной обороны Польши, где подчеркивается, что польская армия сражается не с русским народом, а с большевиками. В ответ появляется «Воззвание к русским людям» — с призывом не сражаться против поляков — за подписью Б. Савинкова, Д. Мережковского, генерала Глазенапа и Родичева, бывшего министра Временного правительства по делам Финляндии. Все они — активные сторонники военной интервенции. Таким образом, считала З. Гиппиус, была снята «крыша» (Эвакуационного комитета) с организации эмигрантского воинского формирования.

Теперь Мережковский, по словам Зинаиды Николаевны, стал «бредить» Пилсудским. В Варшаве он пишет восторженную статью о Пилсудском, «избраннике Божьем», избавителе России от большевиков⁴², которая при содействии адъютанта Пилсудского была напечатана брошюрой. Это вызвало в столице политический скандал. Один из депутатов польского сейма внес запрос в адрес правительства относительно источника денежных средств и их количества, истраченного на издание «произведения» Мережковского, посвященного восхвалению маршала Пилсудского⁴³.

В этих условиях Зинаиде Николаевне был поручен отдел пропаганды в новой газете «Свобода». Одним ее помощником стал В. Злобин. Опьяненные несбыточными мечтами Д. Мережковский и З. Гиппиус потеряли чувство реальности, о чем свидетельствуют дневниковые записи Зинаиды Николаевны. Как они радовались, видя проходивших мимо окон их дома польских новобранцев после начала польско-советской войны. «Ведь они идут бороться не с Россией: идут “за свою и нашу вольность”», — убеждала себя З. Гиппиус⁴⁴. Но когда войска Красной Армии подошли к Варшаве, Мережковские поспешили уехать в Данциг и возвратились лишь в начале сентября. К этому времени, как пишет З. Гиппиус, «все успокоилось»⁴⁵. Они устроились в гостинице «Виктория» и опять попытались заняться активной политической деятельностью. Но ненадолго. В конце октября 1920 г., после подписания советско-польского перемирия, когда Мережковские потеряли всякую надежду на организацию новой польской интервенции, Зинаида Николаевна пишет письмо Б. Савинкову. В нем она выражает свое неудовлетворение деятельностью Савинкова, осуждает его за то, что он привлек их друга Д. С. Философова к своей работе и тем самым «расколол их трио». Как считает Т. Пахмус, с этого момента

Б. Савинков перестал существовать для З. Гиппиус как личность⁴⁶, хотя Зинаида Николаевна и признавала его вклад в «дело».

Сами Мережковские (Дмитрий Сергеевич вместе с Зинаидой Николаевной, которая во всем поддерживала своего мужа), оставаясь на прежних, непримиримых по отношению к Советской России позициях, навсегда покидают Варшаву и перебираются в Париж.

Итоги же этого этапа деятельности «непримиримой» эмиграции (в том числе и Мережковских) в Польше подводились без них. 11 февраля 1921 г. на заседании образованного осенью 1920 г. в Варшаве «Союза возрождения России» был заслушан доклад Д. Философова «Задачи русской эмиграции», в котором он констатировал: «Период вооруженной борьбы окончился неудачей»⁴⁷, а 30 апреля 1921 г. «Свобода» сообщила и о ликвидации самого Российского эвакуационного комитета.

Итак, крах надежд на польскую интервенцию заставил Мережковских сменить местожительство. Произошло это в ноябре 1920 г. (Т. Пахмус считает, что они покинули Варшаву 20 октября). Началась новая страница их жизни за границей, наполненная не только политикой, но и литературным творчеством, хотя и не в такой степени, как это было на родине.

ПАРИЖСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ (1920–1930-е годы)

«Русский Париж» 1920-х годов

Что представлял собой «русский» Париж начала 1920-х годов, куда переехали Д. Мережковский и З. Гиппиус, покинув «негостеприимную» Польшу? Прежде всего нужно сказать, что здесь не было сотен тысяч русских эмигрантов, как отмечают исследователи, занимающиеся изучением истории российской послереволюционной эмиграции. В огромной массе противоречивых и неправдоподобных цифр как-то потонули данные, которые, на наш взгляд, выглядят более реалистично. Так, еще в самом начале эмиграции в газете «Голос России» была опубликована статья Д. Денисова «Парижское житье», написанная в ответ на шумиху, поднятую французской прессой по поводу того, что «русские запердели Париж». Опровергая эти утверждения, автор приводит цифру 23 тыс. русских, проживавших в тот период в Париже⁴⁸. Примерно в то же время прозвучал и голос К. Бальмонта, находившегося уже семь месяцев в столице Франции. В статье «Среди чужих» К. Бальмонт упоминает о различных оценках численности русской диаспоры и подчеркивает, что лично он — на стороне тех, кто считает, что в Париже находится 30 тыс. русских⁴⁹. Эта цифра близка к официальной французской статистике, которая давалась на 1921 г. (хотя и не признавалась русской политической эмиграцией), — 31 347 человек⁵⁰.

Косвенным подтверждением того, что никаких сотен тысяч русских эмигрантов в Париже не проживало, служит заметка в газете «Новое время» (Белград). Французский корреспондент газеты сообщал из французской столицы: «Если вы хотите увидеть всю или большую часть русской колонии в Париже — надо в воскресенье пойти в русскую церковь на рю Дарю»⁵¹. Да и «Городок», так красочно Н. Тэффи описанный, больше всего соответствовал данной информации.

Эта достаточно стабильная и компактная колония, конечно же, пополнялась приезжими, большей частью из провинции, реже —

из-за границы, но незначительно. Газета «Возрождение» сообщала в 1925 г., ссылаясь на неназванное политическое лицо, ведающее регистрацией трудового беженства, что в Париже с 1 января по 1 июля было зарегистрировано свыше 800 русских, прибывших в город, в том числе 300 человек — из-за границы⁵².

И все же русскоязычного населения здесь было много. Публика собралась весьма оригинальная. Любопытную деталь, характеризующую русскую эмиграцию в Париже, привел в беседе с корреспондентом газеты «Свобода» К. М. Вендзягольский (общественный деятель Польши), побывавший в Париже и беседовавший там с русскими эмигрантами. По его словам, «русские люди там производят впечатление, словно они все предназначены в министры иностранных дел»⁵³. В справедливости этого наблюдения можно убедиться, ознакомившись с высказыванием Дон-Аминадо, которого И. А. Бунин считал одним из самых выдающихся русских юмористов. Но на этот раз он писал совершенно серьезно. Говоря о быте русской эмиграции начала 1920-х годов, Дон-Аминадо вспоминает «Городок» Н. Тэффи, а сравнивая русскую эмиграцию и французскую времен революции XVIII в., он пишет: «Французы шли в гувернеры, в приживалы, в любовники... а русские скопом уходили в политику и философию, а главным образом в литературу»⁵⁴.

Практически все исследователи творчества Мережковских едины в том, что в парижскую жизнь они вошли «сравнительно спокойно», если иметь в виду их материальные условия и положение во французском обществе, где их, особенно Дмитрия Сергеевича, знали хорошо как известного русского писателя. Представляя своим французским знакомым Зинаиду Николаевну, Д. Мережковский неизменно говорил: «Познакомьтесь с моей женой — известной русской поэтессой».

Действительно, Мережковские оказались лучше других эмигрантов приспособленными к жизни в Париже. Здесь у них была еще с довоенных времен квартира, обставленная мебелью, с хорошей библиотекой. Они могли позволить себе даже держать приходящую горничную-француженку.

Что касается положения в эмигрантской среде, то здесь все было иначе. Какие же уроки извлекли Мережковские из своего польского опыта? Об этом мы узнаем из книги З. Гиппиус «Дмитрий Мережковский». «Мы знаем, — писала Гиппиус, — что свергнуть большевиков можно (и даже не трудно) только:

1) вооруженной борьбой серьезной армии с лозунгами новой России (не с лозунгами одних «не», как у Савинкова),

2) при неременном условии участия и опоры на регулярную армию другого самостоятельного воюющего государства»⁵⁵.

Как просто и «гениально» и, главное, никаких сомнений в своей правоте и победе. Эта самоуверенность и привела Мережковских в число поклонников Муссолини и Гитлера.

Но Париж — это не Варшава, и здесь Мережковские почувствовали себя изолированно. Парижская эмиграция неприветливо приняла знаменитую чету, и прежде всего за непримиримую интервенционалистскую позицию, занятую ими с первых же дней своего пребывания во Франции. Первое время Мережковские вынуждены были сотрудничать только с Бурцевым, редактором русской газеты «Общее дело», что располагалась на бульваре Сен-Мишель, хотя в Париже были уже и другие газеты, например «Последние новости», одна из самых крупных эмигрантских газет межвоенного периода. Ее первый номер вышел 27 апреля 1920 г. Первым издателем (вскоре разорившимся) был некто Залщупин. По словам Дон-Аминадо, «особых знаков отличия за ним не числилось, но дензнаков было у него, очевидно, много»⁵⁶. А первым редактором газеты стал бывший присяжный поверенный из Петрограда М. Л. Гольдштейн, а затем с марта 1921 по 1940 г. редактором газеты был П. Н. Милюков.

Но именно в «Общем деле», в двух ее январских (8 и 9 января) 1921 г. номерах была напечатана статья Д. Мережковского под претенциозным названием «О белой и красной нечисти». И это не было случайностью, ибо и Бурцев занимал непримиримую позицию, также призывая к единству всех антибольшевистских сил.

Выступал Д. Мережковский и с открытыми лекциями, которые затем публиковались в прессе. На первой же своей публичной лекции 16 декабря 1920 г., направленной против большевиков, Мережковский осудил западные державы за «невмешательство во внутренние дела России»⁵⁷. Лекцию в зале Gall Danfon, где было много народу, Мережковский читал по-французски. Потом она в виде статьи вошла в книгу «Царство Антихриста» под заглавием «Европа и Россия»⁵⁸. Другая лекция — «Большевизм, Европа и Россия», прочитанная им в январе 1921 г. и опубликованная в четырех номерах «Общего дела»⁵⁹, привлекла внимание и иностранной прессы. Так, в одной из польских газет появилась статья, в которой Мережковский назывался «русским интеллигентом-патриотом», горячо лю-

блещущим родину (не за то ли, что в своей лекции он высказывался за интервенцию против Советской России?). Газета выражала также сочувствие русской эмиграции и призывала всех поддержать ее⁶⁰.

Однако у Мережковских было свое мнение о русской эмиграции. В одном из первых писем Н. Бердяеву после их приезда в Париж Зинаида Николаевна, рассказывая о своих делах и о положении в эмигрантской среде, сообщала ему, что «Париж, в русском смысле, — пустыня. Эмигранты — одичалые единицы или замкнутые старые кружки, как старые эсеры, сухая и тупая группа Миллюкова. Все это неподвижно и непроницаемо. Есть еще церковный кружок, но это и все: окружение его неинтересно — “остатки” русской бюрократии, с которыми просто нам нечего делать и не о чем говорить»⁶¹. Вот такой приговор вынесла З. Гиппиус «борцам за свободу России» и добавляла: «Остается одно — уйти каждому в себя, в собственную работу».

В силу этих причин Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус были вынуждены больше общаться с французскими литературными кругами. Другая причина такого общения — чисто меркантильная: нуждались в заработках. Поэтому они начали печататься во французских издательствах, на страницах французских газет. Сначала с помощью переводчиков, но, когда увидели, что половина получаемого гонорара уходит на переводчиков, стали писать сами и по-французски, отдавая свой материал профессионалам лишь для правки.

В некоторых французских кругах, интересовавшихся духовными вопросами и метафизикой, Д. Мережковскому удалось найти союзников и последователей⁶². И это неудивительно, поскольку еще с 1907 г. Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна подолгу жили в Париже и принимали у себя не только русских писателей и поэтов, но и представителей иностранных литературных кругов.

Тогда же Дмитрий Сергеевич завязал связи с молодым французским издательством «Роше-Босар». Там был издан прежде всего сборник «Царство Антихриста», затем — «14 декабря» и другие книги Мережковского, а также роман З. Гиппиус «Чертова кукла».

Затем наступила нужда в деньгах, и Дмитрий Сергеевич стал продавать «за что попало» свои книги другим издательствам, а Зинаида Николаевна в газетах зарабатывала «гроши»⁶³. Видимо, в этот период Мережковский пытался, но неудачно, связаться и с издательством З. И. Гржебина в Берлине, куда временно (из-за

нехватки бумаги и топлива в России) перенес свою издательскую деятельность известный российский предприниматель. Но оказалось, что книги, которые печатались им в Берлине, в продажу за границу не поступали — все они отправлялись в Россию. И это, видимо, задело Мережковского, который затеял в эмигрантской прессе «скандал», характеризовавший весьма негативно прежде всего самого Мережковского.

Постепенно обустроившись в Париже на улице Колонель Боннэ, 11-бис, где у них, как мы уже знаем, была квартира еще с дореволюционной поры, «хотя и очень скромная и безвкусно обставленная, но с многотомной библиотекой»⁶⁴, Мережковские стали проявлять большую активность на литературно-общественном поприще.

28 ноября 1922 г. состоялся вечер с участием талантливой балетной пары Сахаровых, организованный Мережковскими совместно с «Беагшей», подругой Зинаиды Николаевны в Париже, оказывавшей финансовую помощь русским эмигрантам. Народу собралось довольно много. Среди присутствовавших был и известный французский политик Э. Эррио. Вечер прошел успешно, единственное, что беспокоило тогда З. Гиппиус, так это то, что «мало получили денег за этот вечер»⁶⁵.

Европейская известность Д. Мережковского, как справедливо отмечают некоторые исследователи⁶⁶, безусловно, облегчала их существование в эмиграции, особенно на первых порах. Они активно участвуют в литературной жизни французских писателей. У них даже были сторонники и последователи в некоторых французских литературных кругах⁶⁷.

Но Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, как отмечали их современники, в эмиграции не довольствовались своими литературными и поэтическими достижениями. Они претендовали на большее: «на водительство — литературно-художественное, религиозно-философское, общественно-политическое»⁶⁸. В то же время их взаимоотношения с эмигрантской средой были весьма сложными. В политических кругах парижской эмиграции у них с самого начала почти не было единомышленников. После краха политических планов в Польше в жизни З. Н. Гиппиус, как считает ее биограф Т. Пахмус, религия снова заняла главное место. В 1921 г. она попыталась организовать Религиозный союз. Кроме нее и Д. Мережковского членами Союза стали Н. В. Чайковский⁶⁹, в прошлом народник, бывший глава правительства Северной области,

созданного при поддержке интервентов, И. П. Демидов, член левого крыла кадетской партии, Н. Карташев и Н. Вакар (кадет). Сначала согласились войти в Союз И. Фондаминский и Н. Руднев (редактор «Современных записок»), но потом оба отказались.

Вскоре у Зинаиды Николаевны появилась новая идея — преобразовать Религиозный союз в политическую организацию праволиберальной ориентации, для того чтобы противостоять влиянию большевизма.

Религиозный союз был переименован в «Союз непримиримых». Члены Союза собирались по-прежнему на квартире Мережковских⁷⁰. Конечно, «Союз» — это звучит громко, если учесть, что в него входило всего пять человек. Никто в среде парижской эмиграции не поддерживал их экстремизм. Не случайно сами Мережковские называли себя чуть ли не единственными «хранителями белизны эмигрантских рядов». Их кредо, которому они остались верны до конца, изложено в статье З. Гиппиус «О верности», опубликованной в газете «Общее дело» от 1 января 1922 г. Называя себя членом «Союза непримиримых», З. Гиппиус цитирует первую заповедь «Союза»: «Что бы Россия ни переживала (и я лично), где бы я ни был и где бы и в каком положении ни были большевики, я не способен ни на какое внутреннее принятие, ни на какое примирение с ними». Всю свою жизнь они оставались активными сторонниками иностранной военной интервенции, что и привело их к поддержке сначала итальянского фашизма, а затем Гитлера в его войне против Советского Союза.

26 января 1922 г. в газете «Общее дело» была опубликована статья З. Гиппиус «Чашка чая» в связи с Генуэзской конференцией. Бросается в глаза ее антисоветская направленность.

И все же они оставались почти в одиночестве, с чем согласен Г. Струве, отметивший данный факт в своем исследовании⁷¹. Единомышленников, если не считать В. Злобина, около них почти не было. А один из тех, кто достаточно часто общался с четой Мережковских, Г. Адамович, писал по этому поводу следующее: «Влияние Мережковского, при всей его внешней значимости, оставалось внутренне ограниченным. Его мало любили, мало кто за всю его долгую жизнь был близок к нему...»⁷².

По мнению Т. Пахмус, З. Гиппиус чувствовала себя потерянной в русской колонии в Париже, которая была безразлична к ее религиозным и политическим взглядам и даже враждебна ей⁷³. Еще в

1923 г. в письме Н. Бердяеву Зинаида Николаевна писала: «Здесь, в Париже, мне абсолютно нечего делать»⁷⁴. И новый, 1923, год Мережковские встречали вдвоем: на столе горела одна свеча, стоял букет ромашек, купленных Зинаидой Николаевной, и бутылка старого вина⁷⁵.

Даже В. Злобин (у которого произошел конфликт с Мережковским) в это время бросает их и уезжает в Берлин. Зинаида Николаевна вынуждена была вести с ним интенсивную переписку, пытаясь «потушить» этот конфликт. Чувство одиночества не покидает З. Гиппиус и в 1926 г. Отвечая на письмо Н. Бердяева, она пишет: «Вы правы, я и “литературна”, и отвлеченна, и нахожусь в большом одиночестве»⁷⁶.

И все же в 1920-е годы и отчасти в первой половине 1930-х годов Мережковские играли заметную роль в жизни эмигрантского Парижа, оказывали определенное влияние на молодое поколение русской литературной эмиграции. Тем не менее это вовсе не означало, что вокруг них собирался весь русский литературный мир Парижа, как это принято считать. Действительно, после чтения многочисленных статей и газетных публикаций о Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус невольно складывается впечатление, что в Париже, кроме «салона Мережковских», больше нигде было и собираться.

Между тем косвенно из этих же публикаций выясняется, что и Мережковские куда-то ходили. А ходить действительно было куда. Как писал позднее Марк Алданов, вспоминая 1920-е годы, в Париже были гостеприимные «салоны», были русские «кофейни», был кабачок на улице Пасси (владелец Д. Кнут), славившийся устрицами и белым вином. Встречались часто, некоторые чуть ли не каждый день. Бывали даже чтения вслух (раз М. Алданов подчеркивает: «даже» — это означает, видимо, что для конца 30-х годов, когда он вспоминал о прошлых годах, все это было уже в прошлом)⁷⁷. Но и до того, как стали собираться у Мережковских, такие встречи имели место у Н. Тэффи, М. Винавера или М. Цетлина. Пытался собрать вокруг себя молодежь и А. Ремизов, проводивший воскресные чтения с обсуждением литературных вопросов.

Дон-Аминадо, который появился в Париже в феврале 1920 г., считает, что первый литературный салон там был организован Н. Тэффи. Об одной из встреч в салоне Тэффи, расположенном в небольшом номере гостиницы, недалеко от церкви Мадлен, вспоминает он сам. Среди присутствовавших на вечере были граф

П. Н. Игнатьев, бывший военный атташе, рассказывавший о годах войны, проведенных в Париже; Саломея Андреева, петербургская богиня, А. Н. Толстой (только что получивший аванс от «Грядущей России»⁷⁸), его жена Н. Крандиевская, Т. И. Полнер, земский деятель, зачинатель первого зарубежного книгоиздательства «Русская земля».

Здесь были также А. А. Койранский, Екатерина Нерсесовна Дживилегова, жена известного московского профессора, «львица большого света... с общественным уклоном», В. П. Носович, бывший прокурор Сената; А. Е. Яковлев, Мустафа Чокаев, С. Судейкин, Татьяна Павлова. Рядом с Н. Крандиевской, перелистывавшей первый номер «Грядущей России», только что вышедший в Париже, находились барон Нольде и актер С. А. Балавинский, вполголоса поддерживавшие разговор, касавшийся нового эмигрантского литературного детища. В первом номере журнала были стихи Л. Н. Валькиной, посвященные парижскому метро. По поводу этого стихотворения С. Балавинский рассказал, что, прочитав строки:

По бело-серым коридорам,
Вдоль черно-желтых Дюбоннэ,
Покачиваясь в такт рессорам,
Мы в гулкой мчимся глубине,

Зинаида Гиппиус пришла в такую ярость, что тут же разразилась в адрес бедной супруги Н. М. Минского весьма недружелюбным экспромтом:

Прочитав сие морсо,
Не могу и я молчать:
Где найти мне колесо,
Чтоб ее колесовать?..

На это Н. Крандиевская отреагировала так: «Пристрастная и злая»⁷⁹. Первая встреча удалась на славу — так Дон-Аминадо комментировал ее итоги⁸⁰.

Существовал также «литературный салон Полонских», где, например, И. А. Бунин прочел свое первое стихотворение, написанное в эмиграции⁸¹.

Еще одним из таких салонов, где в 1925–1926 гг. собиралась почти вся элита русской эмиграции в Париже, была гостиная Винаверов⁸². Здесь бывали Милюков, Маклаков, приходили Мережковские, Бунин, сотрудники еженедельной газеты «Звено», издателем и редактором которой был М. Винавер. Вероятно, бывал в доме Винаверов и Георгий Адамович, заведовавший в то время отделом литературной критики в «Звене». В огромной квартире Винаверов собиралось, по словам Н. Берберовой, человек тридцать, которые приглашались «на доклады». Здесь, например, В. А. Маклаков читал свои воспоминания о Льве Толстом⁸³.

И в гостиной Винаверов, и в гостиной Цетлина Д. С. Мережковский и И. А. Бунин были «главным украшением»⁸⁴. Не меньшим влиянием пользовалась и Зинаида Николаевна. Вспоминая об этом, Н. Берберова пишет: «А как она властвовала над всеми, когда... ее чуть скрипучий голос покрывал другие голоса, или когда говорил Дмитрий Сергеевич, а она выжидала момент, чтобы вступить в разговор...»⁸⁵ Однако есть и другие суждения. Один из отечественных литераторов приводит высказывание И. А. Бунина о вечере Мережковских в салоне Цетлиных, состоявшемся в начале января 1922 г.: «9/10 взявших билеты не пришли. Чуть не все бесплатные, да и то почти все женщины еврейки. И опять он им о Египте, о религии! И все сплошь цитаты — плоско и элементарно донельзя»⁸⁶.

Все это не могло не отразиться на душевном состоянии Мережковских. В этот период у Зинаиды Николаевны, видимо, произошел психологический надлом (или стресс), о котором упоминает В. Злобин, на чьи слова почти никто из исследователей не обратил внимания. 6 января 1922 г., видимо, после неудачного вечера, о котором упоминалось выше, З. Н. Гиппиус обрывает свою дневниковую запись и красным карандашом ставит внизу страницы большой крест. На следующей странице дневника, через месяц, она пишет огромными буквами: «Конец всем моим дневникам: отсюда, от дня, которого не будет более ста лет, -2-2-22 — начинается мое заключительное слово»⁸⁷. В. Злобин назвал ее поступок «попыткой духовного самоубийства». Но эта попытка «потушить душу», как говорила сама З. Н. Гиппиус, не удастся. Она слишком полна сил, которые, впрочем, так и не найдут, по словам В. Злобина, себе применения. С ним не согласен один из современных почитателей творчества З. Гиппиус, С. Савельев⁸⁸, хотя и не объясняет почему.

Но жизнь в Париже так или иначе продолжалась. К этому времени был известен еще один литературный салон, хозяйкой которого была София Григорьевна Пети, урожденная Балафовская, жена секретаря французского посольства в Петербурге до 1917 г., позже генерального секретаря в кабинете Мильерана (1920–1924 гг.). Она любила русскую литературу и покровительствовала русским писателям и деятелям искусств в эмиграции, устраивала приемы, концерты, литературные вечера в пользу русских писателей во Франции. С. Г. Пети была близкой подругой З. Н. Гиппиус⁸⁹.

В 1921–1922 гг. Д. Мережковский и З. Гиппиус тесно и активно сотрудничали с П. Б. Струве, с которым они впервые встретились в эмиграции на вечере 23 ноября 1920 г. у Пети. В январе 1921 г. у П. Б. Струве возникла идея издавать «Русскую мысль» в Софии. Заведующим литературным отделом журнала становится И. А. Бунин. Он-то, видимо, и привлек Мережковских к сотрудничеству (Бунина и Мережковских в тот период объединяли общие интересы — политика).

Уже через месяц после возобновления журнала З. Гиппиус прислала в портфель редакции свой «Петроградский дневник 1919 г.», который она привезла с собой за границу. Новые опубликованные материалы позволяют утверждать, что П. Струве не сразу напечатал этот дневник, так как ему пришлось преодолевать сопротивление тогдашнего своего сотрудника П. Н. Савицкого. Тот осторожно писал ему 18 февраля: «Творение Гиппиус — очень неровное»⁹⁰.

Тем не менее, видимо, 29 марта было принято окончательное решение о публикации дневников З. Гиппиус. Реакция П. Н. Савицкого на это решение прослеживается в его письме от 5 апреля: «Быть может, я ошибаюсь и заранее готов каяться, но ничего за последние месяцы не вызывало у меня большего отвращения, чем чтение “Дневника” Зинаиды Гиппиус: вот женщина, готовая метать жребий о ризах России — для того, чтобы сделать из них для себя портьеры — старые отняли большевики! (Это не значит, что ее дневник не интересен, но в моральном смысле он подлинно мерзостен!) . . . Ей, так же как и Павлу Милюкову, я не взялся бы писать аполгий!»⁹¹

Публикация «Дневника» З. Гиппиус началась в первой же книжке возобновленной «Русской мысли». 7 мая 1921 г. Зинаида Николаевна жаловалась редактору: «Я уже потеряла надежду уви-

деть “Русскую мысль” и собираюсь, по примеру Бунина, купить ее. Я думаю, скоро уже выйдет следующая книга?» Еще больше претензий у нее вызвала задержка гонорара, случившаяся по вине директора-распорядителя издательства Н. С. Жекулина. Это стоило ему должности⁹².

В это же время П. Б. Струве начал переговоры с Мережковским о напечатании большой его рукописи о Египте, Вавилоне и Греции. Надо сказать, что в тот период это было единственное издательство, согласившееся взять работы Мережковских. Н. Берберова в предисловии к «Петербургским дневникам» по поводу их издания в Югославии писала, что нигде в другом месте она (т. е. Гиппиус) не могла быть напечатана, подразумевая под этим «бойкот» Мережковских со стороны «демократической эмиграции». Югославия и Болгария — это два места, где собралась наиболее реакционная часть эмиграции.

В эти годы Мережковские часто встречались с П. Б. Струве, а 8 февраля 1922 г. даже отмечали у себя день рождения П. Струве, который, приехав из Праги в Париж, вечером пришел к Мережковским. 4 марта Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна посетила Пети, где снова встретили П. Струве в компании с Буниным и Бунаковым-Фондаминским, — все они тогда ждали близкого падения большевиков⁹³.

Именно в этот период П. Б. Струве оказал Мережковским большую услугу, что в конце концов облегчило их дальнейшее существование в эмиграции. Дело в том, что во время одной из встреч с ним Д. Мережковский пожаловался Петру Бернгардовичу на трудное положение русских писателей-эмигрантов, живших в Париже, а затем отправил ему в Прагу письмо для К. П. Крамаржа с просьбой передать это письмо адресату. П. Струве должен был снабдить его своим ходатайством. Вскоре и И. А. Бунин обратился к Струве с такой же просьбой, напомнив о его разговоре с Д. Мережковским и о посланном письме. Петр Бернгардович просьбу писателей выполнил, и 9 февраля жена Крамаржа Наталья Петровна (русская, из купеческой семьи) по поручению мужа ответила на ходатайство Струве на его парижский адрес. Приводим письмо полностью, так как в литературе вопрос о писательской «пенсии» освещается неточно.

В письме она сообщала: «Министр-президент Швегла определил следующие пособия: Мережковскому вместе с женой Гиппиус в ме-

сяц три тысячи чешских крон, Бунину две тысячи и Шмелеву две тысячи чешских крон. При этом министр выразил пожелание, чтобы означенные лица переехали на жительство в Прагу»⁹⁴. Здесь же было примечание самой Н. П. Крамарж: «Но это не обязательно». Однако, радуясь за русских писателей и отдавая должное «русской акции» чешского правительства, не надо забывать, что Чехословакия получила в свои руки часть русского золотого запаса, вывезенного из России во время Гражданской войны чехословацкими легионерами. Вот почему они были так щедры!

В 1922 г. в Берлине вышел из печати сборник стихов З. Н. Гиппиус, озаглавленный «Стихи. Дневник 1911–1921 гг.». В него вошли как старые, дореволюционные, так и стихи, написанные в последние годы перед бегством из России и за границей. Вышедший сборник получил весьма нелестную оценку в эмигрантской прессе тех лет. А как она отличается от современных оценок! Так, Глеб Струве, а вслед за ним и отечественные литературоведы полагают, что политические стихи З. Гиппиус «принадлежат к лучшим в этом роде в русской поэзии»⁹⁵.

Но, по нашему мнению, прав был все же рецензент — современник З. Гиппиус, обративший внимание на то, что «поэзия и не ночевала» в ее стихах, она принесена в жертву политике. Часто, пишет рецензент, это совсем не стих, а рифмованная проза, годная для фельетона, «бледно, тускло». Рецензент в доказательство приводит два четверостишия:

Как ясен знак проклятый
Над этими безумными!
Но только в час расплаты
Не будем слишком шумными.
Не надо к мести зовов
И криков ликования,
Веревку уготовав,
Повесим их в молчании. . .

— и заключает: «Неужели эти грубые, антихудожественные, ядом злости пропитанные строки — это поэзия, которой надо восторгаться?» И он прав, но, к сожалению, есть и другое мнение об этом «шедевре», которое и приводим, чтобы не быть обвиненными в предвзятости. Опираясь на мнение П. Струве, С. Бавин и И. Семибратова

пишут: «Пожалуй, это тот случай, когда яростная злоба не сбивает автора на скороговорку и косноязычие, а придает холодный блеск и без того высокому мастерству умеющего чеканить фразу поэта»⁹⁶. Увы, приходится лишь развести руками, наблюдая явную пристрастность авторов. В действительности эти стихи несколько не лучше «агиток» Демьяна Бедного, так не любимого В. Акимовым. Не случайно первое чисто литературное впечатление Георгия Адамовича о Зинаиде Гиппиус, с которой он познакомился в начале эмиграции и встречался во время отбора конкурсных стихов в журнале «Звенья», было «скорее отрицательное»⁹⁷. Правда, позднее Г. Адамович сблизился с Мережковскими и был в числе самых желанных гостей в их доме.

И все же современники достаточно строго оценивали вклад З. Гиппиус в поэзию. Тот же Г. Адамович считал, что стихи ее при всем мастерстве «лишены очарования», и, ссылаясь на Бунина, называл их «электрическими стихами»⁹⁸. Н. Берберова, вспоминая свои беседы с И. А. Буниным, пишет, что стихи Гиппиус возбуждали в нем злую насмешку⁹⁹. Не нравились ее стихи и Ирине Одоевцевой, главным образом тем, что она писала о себе «в мужском, а не женском роде»¹⁰⁰. Хотя никто не отрицает ее талант, но это не был талант щедрый. И все же за границей ею было написано немало. С. Маковский считает, что она написала более 300 стихотворений, но печаталась сравнительно мало¹⁰¹. В Париже, после издания в Берлине «Дневника (1914–1921)», вышел всего один маленький сборник «Сияние» (1938).

Сборник, написанный от лица «мужского пола», содержит 30 стихотворений, созданных за последние 20 лет ее жизни. Ничего удивительного в этом нет, ибо сама Зинаида Николаевна сию закономерность подтвердила в своих автобиографических заметках: «Стихи я всегда писала редко и мало — только тогда, когда не могла не писать».¹⁰²

Позднее, в июне 1926 г., З. Гиппиус признавалась Н. Берберовой и В. Ходасевичу: «Никогда я не умела писать стихов. Это очень точно: не умела... если и писала, то всякий раз... с большими слезами... Уж когда было не отвёртеться»¹⁰³.

Это не значит, что она не напишет хороших стихов, но не они будут главным в творчестве З. Гиппиус в период эмиграции. Так думает и Ю. Ивасек (США). В отличие от В. Злобина, для которого наследие З. Гиппиус — это ее поэзия, Ю. Ивасек хотя и соглашает-

ся, что Гиппиус большой поэт, но считает, что в эмигрантском Париже «салонную ауру ценили больше ее стихов»¹⁰⁴. С. Маковский также подмечает, что в эмиграции Зинаида Николаевна ничего в плане литературном большого не сделала. «Вспоминается, — пишет он, — острые словечки Гиппиус, ее экстравагантность насмешки, ненависть к большевизму, но стихи — какие из них остались в памяти нового поколения? В этом, отчасти, и ее вина»¹⁰⁵. Конечно, здесь он заблуждается, никакой вины ее нет, так как З. Н. Гиппиус сознательно отказалась от литературной деятельности и практически не печатала стихи, за исключением одного, уже упомянутого сборника «Сияние».

В 1923 г. в эмигрантской среде стало известно, что Зинаида Николаевна готовит для русского и французского изданий книгу портретов, в которую входят этюды о Блоке, Брюллове, Розанове, Горьком, Андрееве¹⁰⁶. Воспоминания З. Н. Гиппиус вышли в Праге в 1925 г. под названием «Живые лица» и содержали яркие, запоминающиеся литературные портреты многих русских писателей конца XIX — начала XX в., с которыми встречались и общались Мережковские.

Однако, когда мемуары появились на свет, реакция на них была весьма неоднозначной. Прочитавшие их сразу же замечали крайний субъективизм оценок З. Н. Гиппиус. Ограничимся одним примером, на наш взгляд, достаточно убедительным. Речь идет о мнении Марины Цветаевой, которое она высказывала в своем письме к У. Цетлиной. Приводим письмо полностью — только так можно увидеть то главное, что составляет внутреннюю суть такой таинственной женщины, как Зинаида Николаевна. Итак, слово Марине Цветаевой: «Гиппиус свои воспоминания написала из чистой злобы, не вижу ее в любви, — в ненависти она восхитительна. Прочтя первое упоминание о “Боре Бугаеве” (уменьшительное здесь не случайно!), я сразу почувяла что-то недоброе: очень уж ласково, по-матерински... Ей пришлось засвежо полюбить Блока, чтобы насолить Белому! И как она восхитительно справилась: и с любовью (Блока), и — с бедным Борей Бугаевым!

Заметьте, все верно, каждая ужимка, каждая повадка, не только не налгано, — даже не прилгано! Но так, по-змеиному видела, что даже я, любящая, знающая, чтящая Белого, Белому преданная! — не могу, читая, не почувствовать к нему (гиппиусовскому нему!)

отвращения — гиппиусовского же. Это не пасквиль, это ланцет и стилет. И эта женщина — чертовка»¹⁰⁷.

Быть может, именно за это цветаевское восприятие личности Гиппиус сама Зинаида Николаевна и невзлюбила ее, хотя внешне эта неприязнь коснулась, прежде всего, политических взглядов М. Цветаевой и «сменовеховцев», повернувшихся лицом к новой России. Здесь эмоциям удержу не было конца. Очередная окололитературная «разборка» произошла в 1926 г., когда «непримиримая» эмиграция в штыки встретила появление журнала «Версты» (под редакцией С. Эфрона, Д. Святополк-Мирского), сотрудниками которого были М. Цветаева и А. Ремизов.

Не могла вынести этого и Зинаида Гиппиус, которая «пустила все свое искусство интриг, чтобы уничтожить шайку Шаховского — Святополк-Мирского, включая Маринку»¹⁰⁸. Из ее письма В. Ходасевичу видно, что Зинаида Николаевна старалась организовать целенаправленную травлю издателя «Верст». Поэтому все исследователи творчества М. Цветаевой считают, что Гиппиус ненавидела М. Цветаеву и при всяком удобном случае говорила о ней плохо¹⁰⁹. Это подтверждает и М. М. Туган-Барановский, решивший в 1925 г., после приезда в Париж, навестить Зинаиду Николаевну, которую он не видел восемь лет. Приняла она его «любезно», а узнав, что он прибыл из Праги, «надула губы и поругала Цветаеву»¹¹⁰, хотя та и не заслуживала такого к себе отношения. Больше того, переписка Марины Цветаевой с В. Ходасевичем свидетельствует о ее почтении к Мережковскому. «Я Мережковского знаю и люблю с 16 лет, когда-то к нему писала (об этом же!) и получила ответ милый, внимательный, от равного к равному, хотя ему было тогда 40 лет и он был Мережковским, а мне было 19 — и я была никто», — писала М. Цветаева¹¹¹.

К концу 1923 г. Зинаида Николаевна сделала окончательный выбор. Она отказывается от собственной литературной деятельности, переключая весь свой талант на борьбу с большевиками, и становится публицистом (литературным критиком с политическим уклоном). «И все это ради политики», — как позднее заметила сама З. Гиппиус¹¹². Поэтому ошибаются поклонники таланта З. Н. Гиппиус, принимая простое переиздание ее дореволюционных работ за живое литературное творчество в эмиграции. Об этом сама Зинаида Николаевна сообщала И. Шмелеву 28 октября 1923 г., объясняя свое решение следующим образом: «Что до меня — я уже

на беллетристику свою махнула рукой, подумала вернуться к литературной критике. В Совдепии литературы не имеется, все “мэтры” наши здесь. Ну вот за них и примусь полегоньку... пора воскреснуть Антону Крайнему»¹¹³.

И он воскрес. Еще 11 августа 1922 г. в «Последних новостях» была опубликована статья З. Гиппиус, посвященная К. Бальмонту, которого она называет «вехой на дороге, которая ведет к очищению и спасению России». А Есенин — это «тупик», утверждала она. Когда в начале 1924 г. появился очередной антисоветский пасквиль Гиппиус (на этот раз с нападками на М. Горького), в среде эмигрантов нашлись люди, попытавшиеся вступить за него. В газете «Последние новости» появилась критическая заметка С. Юшкевича на статью Антона Крайнего (З. Гиппиус). Автор критикует ее за неуважительное отношение к Горькому, называя его «одним из первых русских писателей, с именем которого связана новая полоса русской литературы после Чехова». Он называет Горького писателем не только русским, но и европейским¹¹⁴. И он прав. Этот факт обращает на себя внимание тем, что это мнение эмигранта 1920-х годов. А сегодня, к сожалению, появляются и отечественные хулители великого русского писателя, солидаризирующиеся с З. Гиппиус по этому вопросу.

Не отставал от жены и Дмитрий Сергеевич, который, в частности, очень агрессивно вел себя по отношению к А. Н. Толстому, узнав о его «измене», т. е. отъезде на родину. 9 мая 1924 г. по этому поводу экстренно собрались члены Комитета помощи русским писателям и ученым (созданного в Париже эмигрантами), в состав которого входил и А. Толстой. Здесь Д. Мережковский «обличал» пробольшевистские позиции А. Толстого и призывал исключить его из рядов Союза писателей. Ему удается достичь своей цели: большинство участников собрания (19 членов комитета) высказались за исключение писателя. Куприн был против, а Бунин воздержался¹¹⁵.

Сотрудничество с «Современными записками»

Одной из заметных страниц литературно-критической деятельности Д. С. Мережковского и особенно З. Н. Гиппиус (так как Мережковский хотя и печатался, но его работы не очень нравились редакции из-за однообразной тематики) было их сотрудничество

с журналом «Современные записки», названным так в честь двух журналов — «Современник» и «Отечественные записки». Журнал был задуман И. Фондаминским и Заксом (берлинским книготорговцем) и издавался при участии пяти членов партии эсеров: М. В. Вишняка, А. И. Гурского, В. А. Руднева, Н. Д. Аксентьева и И. И. Фондаминского-Бунакова.

Основанный в 1920 г., журнал в течение последующих 20 лет играл роль культурного центра, объединяющего вокруг себя, по словам М. Вишняка, «почти всех представителей русской интеллигенции в эмиграции». Правда, оценивая таким образом роль журнала, он явно преувеличивает ее. Журнал, по существу, был элитным. Поскольку рассчитывать на самокупаемость не приходилось, так как реальная стоимость журнала была высока и большинству эмигрантов журнал был недоступен, редакция прибегала к разным способам добывания средств: это и коммерческая деятельность, и частные пожертвования «богатых русских и иностранцев»¹¹⁶.

И, конечно, беспокоясь за репутацию журнала, редакция почти не привлекала новых людей, новые литературные имена не часто встречались на страницах журнала. Редакция предпочитала иметь дело с одними и теми же лицами из старой когорты писателей дореволюционной России. Характерно в этом отношении высказывание Г. Иванова о «Современных записках». «“Современные записки”, — писал Г. Иванов, рецензируя очередной номер журнала, — при всех своих достоинствах обладают одним общим недостатком: боязнью новых людей и новых имен, особенно в беллетристике дело обстоит почти что безнадежно»¹¹⁷.

Конечно, появлялась на страницах «Современных записок» и проза «молодых» (если в тот момент в редакторском портфеле не оказывалось рукописи «признанных»). Но всегда редакция тщательно отбирала работы, не стесняясь «правки и урезки», хотя ни один из редакторов (это замечание относится ко всем существующим изданиям) к «собственной литературе касательства не имел».

Более терпим журнал был к стихам, по-видимому, руководствуясь следующими соображениями, как это представлялось З. Гиппиус: «Много места стихи не займут, вещь они всегда безобидная, а старых стихотворцев все равно не осталось». По этому поводу Зинаида Николаевна даже недоуменно вопрошала: «Не потому ли и развилось у нас столько поэтов».

И все же даже такие известные люди, как Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна, попали на страницы «Современных записок» не сразу. Им помог их давний знакомый, один из издателей журнала И. И. Бунаков-Фондаминский. Благодаря его ходатайству сначала появляются стихи З. Гиппиус (в десятом номере) и только в пятнадцатом появилось имя Д. Мережковского. И с этого времени оба «замелькали» в журнале¹¹⁸. Почти все литературно-философское творчество Д. Мережковского прошло через «Современные записки», но не потому, что это были шедевры. Напротив, самой редакции труды его не нравились. Тем не менее их печатали, но при этом стремились, не слишком задевая самолюбие Мережковского, свести к минимуму его «бесконечные все те же религиозно-философские антитезы и мнимо исторические параллели»¹¹⁹. Это был своего рода компромисс ради сотрудничества с З. Гиппиус, которую считали «ценным и нужным сотрудником журнала». Редакция ценила ее, прежде всего, за литературную критику — ее статьи, выходявшие под псевдонимом «Антон Крайний», привлекали внимание эмиграции. Не случайно все современники отмечали «острый язык ее публикаций». Правда, З. Шаховская считала, что «едкие статьи Антона Крайнего били мимо, хотя и обижали попавших под его перо»¹²⁰. Она нападала на всех — на Кускову, Пешехонова, Чернова, Степуна и Керенского, от которого отвернулась, по ее словам, уже в июне 1917 г. и к которому вернулась в 1930-е годы. Редакция журнала часто закрывала глаза на «политические грехи» Мережковских, предоставляя им страницы «Современных записок». Поэтому М. Вишняк считал, что жалобы Зинаиды Гиппиус в ее последней книге «Дмитрий Мережковский», что их не печатали, «неосновательны и несправедливы». Гиппиус же, упоминая о «делах» «Современных записок», видела в этом интриги, в том числе и со стороны И. Бунина¹²¹.

Разумеется, что настоящей близости к журналу у них не было и не могло быть в силу того, что политически и идейно они были далеки от взглядов эсеров и изданий, находившихся под их эгидой. Из-за этого и возникали (особенно у Зинаиды Николаевны) периодические конфликты с редакцией. В частности, летом 1928 г. оказалось, что З. Гиппиус нигде было печататься. «Отовсюду, как вы знаете, исключена, а из паршивого “Возрождения” сама себя исключают», — жаловалась она своему корреспонденту¹²². Каковы же причины случившегося? Если согласиться с тем, что пишут

мемуаристы-апологеты, то окажется, что З. Гиппиус пострадала за свой ум и свои идеи, которые она отстаивала в эмиграции. «Критика Антона Крайнего была остра, беспощадно зла, смела до дерзости, остроумна, идейна», поэтому немногие в эмиграции, убеждает читателя Ю. Терапиано, были способны вести спор с А. Крайним на его уровне.

Вот почему, по его мнению, в эмигрантских журналах и газетах для нее очень скоро не стало места¹²³. На самом деле, конечно же, не за это лишалась она возможности печататься. Часто З. Гиппиус сама прекращала публиковаться из-за своего несогласия с редакторами изданий, которые не принимали резкого тона ее статей и открытой ненависти к большевикам и Советской России, граничащей с паранойей. В таких случаях Зинаида Николаевна информировала своих друзей и знакомых, с юмором сообщая, что она «удаляется в пустыню»¹²⁴. Когда 22 июня 1929 г. И. Фондаминский с дружеским визитом посетил Мережковских, он сочувственно отнесся к ее очередной «безработности», понимая, что в «Современные записки» ей и Дмитрию Сергеевичу в тот период путь тоже был заказан, но помочь ей не мог. На это Зинаида Николаевна, не теряя оптимизма, восклицает: «Буду писать стихи»¹²⁵.

Стихи действительно появляются, но старые. В декабре 1929 г. она договорилась с приехавшим к ним С. Маковским о публикации ее старых стихов. При этом Зинаида Николаевна ехидно замечает: «Как это делал Бунин». Во время беседы с Маковским ей удалось убедить последнего в своей правоте, ее рассуждения весьма логичны: почему Бунин или Тэффи могут печатать свой старый материал, а она нет. И С. Маковский сдался. Рассказывая об этом своим знакомым, З. Гиппиус сообщала, что она согласилась напечатать свои старые стихи по двум причинам: «Сокрушаясь о себе и горя завистью к Тэффи, одновременно и одно и то же печатавшей в двух газетах»¹²⁶.

И все же, находясь в дружеских отношениях еще с дореволюционной поры с И. Фондаминским, Мережковские достаточно плодотворно продолжали печататься в «Современных записках», поддерживали журнал материально, числились в списке его «друзей». В то время существовало «Общество друзей “Современных записок”», насчитывавшее около 60 человек, куда наряду с П. Милюковым, А. Керенским, В. Маклаковым, А. Куприным, Б. Зайцевым и другими входил и Д. С. Мережковский. «Общество друзей “Современ-

ных записок» было в числе организаторов юбилейного банкета, состоявшегося 30 ноября 1932 г. по случаю выхода пятидесятого, юбилейного номера журнала. Празднование получило широкий резонанс в кругах российской эмиграции разных стран.

К февралю 1926 г., после нескольких лет работы, Д. С. Мережковский закончил свой новый роман о жизни Древнего Египта «Мессия»¹²⁷. Роман был задуман еще в Польше, после бегства из Советской России. Основными источниками для написания книги служили Библия и надписи на гробницах, обнаруженных при раскопках столицы фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) в г. Ахетатоне. Обращая внимание на творческую лабораторию Мережковского, исследователи ссылаются на З. Гиппиус, которая писала, что «в работе о Египте ему помогала Германия, где ему из специальной библиотеки привозили на тачках (буквально) громадные фолианты, в которых он нуждался»¹²⁸. Действительно, проведя первую зиму в Париже, Мережковские летом следующего года отправились в Германию, в Висбаден. Там Дмитрий Сергеевич вплотную занялся Египтом: для давно намеченной книги Мережковский посетил местную библиотеку, побеседовал с директором, и по его любезному согласию книги Мережковскому стали присылать на дом. А жили они в отеле, расположенном высоко над Висбаденом, на Нероберге.

О заключительном периоде работы Мережковского над романом вспоминает и М. М. Туган-Барановский, посетивший знаменитую чету в 1925 г. Во время его беседы с Зинаидой Николаевной в комнате находился и Дмитрий Сергеевич, который уже в то время показался М. М. Туган-Барановскому «древним стариком». Вмешавшись в их разговор, Мережковский сообщил, что он в данный момент интересуется Древним Египтом: там, по его словам, происходило то же, что «у нас, но все решалось проще»¹²⁹, т. е., как видим, его интерес был обусловлен современными проблемами.

Тем не менее и современники Мережковского, и ныне отечественные исследователи считали и считают, что в центре романа все же лежала «религиозно-мистическая идея», далекая от повседневной жизни и ее проблем¹³⁰ и представлявшая интерес главным образом для самого Мережковского. Отдельные главы из этого романа печатались на страницах газеты «Последние новости». Правда, литературная критика встретила их публикацию весьма и весьма сдержанно. (По этой причине издатели отказались печатать

эту вещь.) Характерно высказывание Михаила Осоргина о новом произведении Мережковского: «“Мессия” пахнет пылью, но не веков, а просто литературной пылью. Для иностранцев годится, для нас — нет»¹³¹. Самого Дмитрия Сергеевича справедливо упрекали в том, что он искажает перспективу своих исторических романов внесением в них в качестве стержня своих специфических религиозных идей¹³². Так, Б. Зайцев, называя Мережковского «большим литератором», все же считает, что «настоящим художником, историческим романистом (да и романистом вообще) Мережковский не был. Его область — религиозно-философские мудрствования, а не живое воплощение через фантазию и сопереживание. Исторический роман для него — в главном — повод высказывать идеи»¹³³.

К книгам, написанным Д. Мережковским в эмиграции, — к «Тайне трех», «Атлантиде», «Иисусу Неизвестному» и другим — относились даже с некоторой опаской. Ю. Терапиано попытался даже объяснить это тем, что, дескать, культурный уровень эмиграции был недостаточно высок, чтобы понять Мережковского¹³⁴. На самом деле это не так, и все дело в том, что Мережковский жил и мыслил в области отвлеченных метафизических концепций, которые требовали не столько большой культуры и образовательного уровня (этого в эмиграции было не занимать), сколько «специального интереса к ним, специального личного склада души». А этот специальный интерес возникал лишь у определенной группы читателей Мережковских. Такой аудиторией были участники «Зеленой лампы» и «воскресников», где, по мнению одних, чувствовалась жизнь, а по выражению других, здесь было «что-то потустороннее».

Таковыми же таинственными оставались для окружающих и сами Мережковские. Даже Георгий Адамович, который был в числе немногих людей, часто общавшихся с ними и много понявших в характере четы Мережковских, признает, что Дмитрий Сергеевич был и остается для него загадкой. В нем, по словам Г. Адамовича, было что-то, чего не было в других. «Какое-то дребезжание, далекий, потусторонний отзвук неизвестно чего». «С ним наедине всегда бывало “не по себе”», — пишет Г. Адамович, и не один он это чувствовал. «Разговор обрывался: перед тобой был человек с рожденным диковинным оттенком мыслей и чувств, весь будто выхолощенный, немного “марсианин”».¹³⁵

Говоря о Д. Мережковском, современники не могут обойти вниманием и З. Гиппиус, как бы сравнивая и сопоставляя их взгляды. И это привело к своеобразному диспуту на тему «Мережковский и Гиппиус». Современники много внимания уделяют вопросу о том, кто из них на кого оказал больше влияния, чем они отличаются друг от друга и что их сближает. Для Г. Адамовича Зинаида Николаевна, в отличие от Мережковского, была человеком обыкновенным, даровитым и очень умным (с глазу на глаз умнее, чем в статьях), но «по всему своему составу — такой же, как все». Подмечает различие между Мережковским и Гиппиус и Н. Берберова. Отличие одного от другого она видит в том, что «Дмитрий Сергеевич всю жизнь интересовался книгами, идеями и даже фактами (правда, не личными фактами отдельных людей, но фактами общественно-политическими) гораздо сильнее, чем самими людьми»¹³⁶.

Зинаида Николаевна была другой. «Она каждого встречного немедленно клала, как букашку, под микроскоп и там его так до конца и оставляла». «Лежали под микроскопом поэты Петербурга начала столетия и поэты парижской эмиграции. И, страстно любопытствуя о человеке, она, с неостывающим пылом молодости (до 75 лет), вкривь и вкось, часто неверно, часто предвзято, судила его и о нем по принципу «кто не с нами, тот против нас»¹³⁷. «Конец мог быть — ссорой, или расхождением, или вынужденной разлукой, или «изменой» (не ее — своих измен она никогда не признавала, «изменяли ей»)»¹³⁸.

«А иногда она откладывала его (т. е. рассматриваемого ею человека) куда-нибудь далеко от себя и объявляла: «я ничего не понимаю», не догадываясь, что в этом признании заключается нечто гораздо более серьезное, чем кокетливое женское «ах, объясните мне, пожалуйста», что-то глубоко связанное с ее собственными недостатками и ограничениями, с ее неполнотой и эгоцентризмом»¹³⁹. Очень тонко и точно подмечено! Жаль, что современные исследователи не обращают внимания на эту вполне обоснованную и точную характеристику, а пытаются возвеличить Гиппиус, создать вокруг нее ореол непогрешимости.

Много споров в литературе, как уже отмечалось, и о том, кто на кого из четы Мережковских оказал больше влияния. Невольным виновником возникшей дискуссии явился В. Злобин, который все упростил, как бы разложив по полочкам: это принадлежит ей, а это — ему. В дальнейшем и все исследователи жизни и твор-

чества знаменитых литераторов пошли по этому пути вслед за ним, доверившись его мнению, что вполне объяснимо. Ведь именно В. Злобин должен был лучше других знать многие душевные тайны обоих, ибо прожил с ними рядом всю жизнь и, казалось бы, распознал многое. Так, С. Савельев, подготовивший к изданию томик работ Д. С. Мережковского, считает З. Гиппиус гораздо талантливее Д. С. Мережковского, полагая, что основные идеи Мережковского «зарождались в уме Зинаиды Николаевны», а Дмитрию Сергеевичу оставалось только их развивать и разъяснять. Поэтому, признавая ее литературно-поэтический талант «великолепным», С. Савельев характеризует философские взгляды Гиппиус как уникальные¹⁴⁰.

Но пока исследователи ломают копья, доказывая, кто из них прав, обратимся к наследию самой З. Н. Гиппиус, в частности к ее «Автобиографическим заметкам», написанным еще в 1916 г. Именно здесь мы находим ответ на этот «вечный вопрос»: кто на кого оказал влияние. Она пишет: «По совести должна сказать, что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уже потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое: мысль или понимание, которое уже не принадлежало ни ему, ни мне, может быть — “нам”»¹⁴¹. Это взаимное обогащение осталось на всю жизнь. Таким образом, оказываются не правы ни те, кто считает Мережковского ведущим, ни те, кто на первый план выдвигает З. Гиппиус.

«Воскресники» и «Зеленая лампа»

В 1926 г. в жизни «русского» Парижа произошли некоторые изменения, повлиявшие и на жизнь Мережковских. Вернувшись в конце декабря после почти шестимесячного отсутствия, Мережковские обнаружили, что в парижских кругах эмиграции или, как пишет Гиппиус, «в нашем эмигрантском царстве (или курятнике, или болоте)» произошли серьезные перемены. Речь идет о появлении журнала «Версты» и возникновении в эмигрантской среде течения «евразийства», которое Зинаида Николаевна назвала «духовной заразой». По слухам, дошедшим до Мережковских, этой «болезнью» заболел и Н. Бердяев. Поэтому «непримиримая» к любым проявлениям лояльности по отношению к новой России З. Гиппиус в пер-

вом же письме к Бердяеву, написанном после долгого перерыва, спрашивает его, правда ли, что он стал сотрудником «Верст»? При этом для нее было неважно, фактическое это или «духовное» сотрудничество: и то и другое — «грех» большой. Категоричный тон, которым она спрашивала Бердяева, — «отвечайте, а комментарий и выводы я сделаю сама», — вызвали справедливую обиду Бердяева, и Зинаида Николаевна была вынуждена подробно объяснять, почему она так поступила.

В том же 1926 г. произошло еще одно событие, оказавшее не прямое, а опосредованное влияние на жизнь Мережковских, — смерть М. Винавера. Зинаида Николаевна откликнулась на его кончину заметкой в газете, а потом ей было приятно получить от его вдовы «человечески-трогательное письмо»¹⁴². Вместе со смертью Винавера «погас» и его салон. И в этот момент Мережковские, видимо, не довольствуясь редкими встречами в чужих домах, начали реализовывать свою идею стать центром литературной жизни парижской эмиграции. С этой целью они и попытались возобновить проводившиеся когда-то в дореволюционном Петербурге воскресные встречи. Так появился в Париже салон Мережковских, а поводом могла послужить вспыхнувшая в тот период в литературной среде российской эмиграции полемика о месте в литературе «молодых», начавших проявлять самостоятельную активность.

В это время в Париже группа молодых поэтов, до того собиравшихся в кафе «Ла Болле» в Латинском квартале, объединилась и образовала Союз молодых поэтов. Его первым председателем стал Ю. Терапиано. Сам он как поэт дебютировал еще в России в 1919 г., откуда эмигрировал и два года прожил в Константинополе, а затем переехал в Париж. «Союз» устраивал открытые для публики вечера, на которых начинающие поэты читали свои стихи, а иногда и делали литературные доклады. Среди организаторов Союза был и В. Мамченко, учившийся в Париже в 1923 г. в Сорбоннском университете на филологическом факультете, но затем бросивший его. Позднее он сблизился с З. Гиппиус и разделял многие ее идеи. Сама Зинаида Николаевна называла его «друг № 1». Его первый сборник стихов вышел лишь в 1936 г.

Членом Союза молодых поэтов была и дочь К. Бальмонта Мирра, писавшая стихи. Пользуясь этим обстоятельством, молодежь приглашала и самого знаменитого когда-то мэтра на свои вечера. Известно, что он несколько раз читал там свои стихи, а также при-

няли участие в вечере, посвященном Баратынскому. Его манера читать влияла на публику¹⁴³. В апреле 1925 г. Ю. Терапиано читал доклад о книге Д. С. Мережковского «Рождение богов»¹⁴⁴. В июле того же года Союз молодых поэтов и писателей провел в Париже литературный вечер, на котором Лев Шестов читал отрывки из произведений А. П. Чехова¹⁴⁵. 31 января 1926 г. состоялся вечер Союза молодых поэтов и писателей. Стихи читали Ирина Кноринг, Давид Кнут, Семен Луцкий, Виктор Мамченко, И. Сидерский. Присутствовавший на вечере Михаил Осоргин читал отрывки из своего романа «Сивцев вражек»¹⁴⁶. 8 мая 1926 г. подобный вечер состоялся на рю Данфер-Рошер, 79. Участвовали Н. Берберова, Д. Кнут, Галина Кузнецова, Юрий Терапиано, И. Сидерский, С. Луцкий¹⁴⁷. 11 июля 1927 г. состоялся вечер, на котором Г. Адамович читал свои стихи, а П. Муратов — новые рассказы¹⁴⁸. В октябре того же года состоялись перевыборы правления Союза, председателем стал А. Ладинский. Изменился и адрес Союза: если раньше собрания и вечера несколько лет проходили на ул. Данфер-Рошер, 79, то теперь они были перенесены в зал Тургеневского общества (ул. Пигаль, 77). В ноябре 1927 г. состоялись два литературных вечера с участием большого числа начинающих поэтов и прозаиков. На первом из них выступил Б. Сосинский¹⁴⁹.

Одновременно часть членов Союза молодых поэтов стала посещать салон Мережковских, возникший зимой 1925/26 гг. Именно с этого времени квартира Мережковских в Париже в течение 15 лет была своеобразным очагом эмигрантской культурной жизни. Но это не означало, что «весь русский Париж», как пытаются изобразить исследователи творчества З. Гиппиус и Д. Мережковского, ссылаясь на опубликованные воспоминания, собирался у Мережковских. Сначала они привлекли небольшую группу молодых поэтов, собирая их по воскресным дням (так называемые чаепития у Мережковских), а с 1927 г. появился кружок, названный ими «Зеленая лампа». Однако и в том и в другом случае состав участников почти не менялся. Правда, на первых порах салон Мережковских привлек внимание многих видных представителей эмигрантской интеллигенции, так как, по словам Ю. Фельзена, на воскресные чаепития мог приходиться кто угодно. И сама З. Гиппиус отмечала «свободу мысли» как главный принцип воскресных сборов. Единственное условие, которое при этом необходимо было соблюдать, — «чистота в смысле “антибольшевизма”»¹⁵⁰. Поэтому и воз-

ника иллюзия, будто у Мережковских собирался весь русский интеллектуальный Париж¹⁵¹. На наш взгляд, это не соответствовало действительности, и, если внимательно проанализировать всю мемуарику, в этом легко убедиться. Да и в рассуждениях исследователей по этому поводу просматривается явное противоречие, о чем уже упоминалось в предисловии.

К счастью, сохранился рассказ одного из участников первого собрания салона Мережковских, на который ссылаются, используя его материал, все, кто упоминает о «Зеленой лампе». Ю. Фельзен рассказывает о замысле Мережковских, с которым они однажды поделились с ним, — о создании еженедельных «литературных чаепитий» с приглашением молодежи по воскресным дням.

Однако, на наш взгляд, в памяти Ю. Фельзена все смешалось — и «воскресники», и заседания «Зеленой лампы». Хотя не исключено, что это не случайно. И американская исследовательница творчества Марины Цветаевой М. Разумовская, вопреки общепринятой традиции, не разделяет воскресные чаепития и «Зеленую лампу», ссылаясь при этом на Ю. Терапиано. Она пишет: «У них (т. е. Мережковских) по воскресеньям проходили чаепития с философско-религиозными и литературными беседами, которые назывались “Зеленая лампа”»¹⁵². Возможно, она и права, и тогда в рассказе Ю. Фельзена то и другое не случайно сливаются в одно целое. Хотя между «воскресниками» и «Зеленой лампой» все же было одно отличие, на которое обратил внимание В. Крейд, составитель сборника «Дальние берега». Он считает, что «Зеленая лампа» была более открыта для широкой публики, чем воскресные собрания. Но таких встреч, однако, было немного. В основном заседания и «воскресников», и «Зеленой лампы» проходили в узком составе любителей «религиозно-мистических вечеров» на квартире Мережковских, где, конечно же, не мог собираться весь «русский интеллектуальный Париж», как утверждает тот же В. Крейд¹⁵³.

Вместе с рассказом Ю. Фельзена в эмигрантской мемуаристике родился еще один миф — о «доброжелательности Мережковских, об их покровительстве начинающим литераторам, старающихся отыскать среди них “молодые дарования”».

На самом деле в эмиграции сразу же произошло разделение на «старых» и «молодых». Ярким свидетельством того звучат слова Ирины Одоевцевой, которая на себе испытала это деление, а точнее, конкуренцию среди литераторов в эмиграции. Не случайно

И. Одоевцева, которая начала свою литературную карьеру еще в России, здесь, на чужбине, вдруг в одночасье превратилась в начинающего. Да, ее очень задело то, что из «поэта настоящего», каким она себя считала, поэта, возраст которого не играет роли, она превратилась в «молоденькую поэтессу» и «молоденькую романистку», как величала ее эмигрантская пресса¹⁵⁴. А для Зинаиды Николаевны она навсегда осталась «пигалицей». Обижались на такое отношение к себе и другие отнесенные к категории «молодых» литераторы.

Вопреки утвердившемуся в литературе мнению о справедливом отношении З. Н. Гиппиус к эмигрантской молодежи, именно она своими резкими суждениями способствовала тому, что, например, «Современные записки» почти не брали беллетристику «молодых». Как вспоминал позднее Георгий Иванов, как раз в 1926 г. Антон Крайний (т. е. Зинаида Гиппиус) «выбрала» два стилизованных рассказа молодых авторов, которые редакция напечатала. И отзывом этим «спугнула» «Современные записки» надолго¹⁵⁵. Г. Иванов осудил за это Гиппиус, но через год и сам дает отрицательный отзыв на рассказ одного из молодых авторов, назвав его «жалким подражанием Жюлью Верну»¹⁵⁶.

Таким образом, вопрос о смене поколений стоял очень остро. Тем не менее в начале 1926 г., одними из первых откликнувшись на этот злободневный вопрос, Мережковские, уже имевшие петербургский опыт и предшественников в лице того же Винавера, начали активно действовать. Двери квартиры Мережковских оказались открытыми для всех желающих, правда, при соблюдении двух непременных условий, о которых З. Гиппиус сообщала В. Ф. Ходасевичу в своем письме от 1 апреля 1926 г. Для нее было неприемлемо следующее: «Болынизанство, во всех формах, даже легких, и второе — дикость в форме неприличия»¹⁵⁷. В результате и возник салон Мережковских (или воскресные чаепития), где желанными были и «молодые» и «старые». Причем молодых литераторов там даже предпочитали маститым. Как считает Вас. Яновский, один из участников салона, объяснялось это многими причинами: «Тут и снобизм, и жажда открывать таланты, и любовь к свеженькому, и потребность обольстить учеников»¹⁵⁸. Привлекая к себе молодежь, Мережковские действительно старались отыскать среди них дарования, правда, весьма специфические — «с религиозным уклоном». Такова была одна из целей воскресных встреч. Правда, на

первую встречу пришли люди, которых молодыми можно назвать лишь условно, поскольку, по словам Ю. Фельзена, в большинстве своем они были «не моложе 30 лет». Позднее сама З. Н. Гиппиус в одном из своих стихотворений, посвященных «Зеленой лампе», очень точно назовет их «переростками».

Ю. Фельзен всех участников первой встречи разделил на несколько групп. Среди них выделялись «каким-то сплоченным кругом, с переглядыванием, пересмеиванием, с некоторой отчужденностью от других» представители петербургского Цеха поэтов — Г. Иванов, Г. Адамович, Н. Оцуп, И. Одоевцева. Здесь мы можем сказать наверняка, что на первой встрече ни Г. Иванова, ни И. Одоевцевой быть не могло. По воспоминаниям самой Ирины Одоевцевой, их просто не было в это время в Париже. Они жили на юге Франции, в Ницце, и о возникновении зимой 1925/26 г. салона Мережковских узнали сами лишь из письма, полученного от Г. Адамовича¹⁵⁹.

Другая группа — так называемые парижские поэты — Ладинский и Терапиано, впервые появившиеся в печати в эмиграции, держались особняком. В. Ходасевич и Н. Берберова, окончательно перебравшиеся в Париж в апреле 1926 г., лучше других знали хозяев дома и были приняты как старые знакомые. Молодой философ Бахтин все время сидел молча и всем своим видом выражал несогласие с хозяевами. Таким оппозиционером остался он и впоследствии. Были еще М. О. Цетлин-Амари и парижско-петербургский критик Мочульский. Поскольку больше никого Ю. Фельзен вспомнить не смог¹⁶⁰, набирается в общей сложности 12 человек. Они-то и составили ядро будущих участников всех заседаний в доме Мережковских.

То первое собрание хорошо запомнилось Ю. Фельзену. Оно его поразило с разных сторон. По его словам, оно было несколько натянутым и церемонным. Гости сами не разговаривали и ждали вопросов хозяйки салона. По-видимому, это не случайно. И не врожденное смущение гостей было тому причиной. Сама хозяйка салона своей манерой поведения заставляла многих из присутствовавших смущаться. Так произошло с одним «небезызвестным поэтом» (к сожалению, Ю. Фельзен не называет его имени), прочитавшим какое-то свое стихотворение. Все ждали одобрительных слов. Вдруг среди общей тишины Зинаида Николаевна, даже не улыбнувшись, безапелляционно произнесла: «Это вы взяли у меня», подра-

зумеая, конечно, не плагиат, а подражание. Ситуация, в которой оказался поэт, была сложной¹⁶¹. Такие сцены будут иметь место и в дальнейшем. Подобное случилось и с И. Одоевцевой, прочитавшей однажды свою раннюю «Балладу об извозчике». Приговор З. Гиппиус был такой же: «Вы пишете, как Вова Познер», — сказала Зинаида Николаевна¹⁶².

Но вернемся к первой встрече. На ней незаметно инициатива перешла в руки Зинаиды Николаевны. Сделала это она чрезвычайно искусно. Тогда, за чаем, как вспоминает Ю. Фельзен, говорили о символизме. Самому Фельзену показались удивительными быстрота, точность и находчивость ответов З. Гиппиус. Первая встреча поразила его тем, что Гиппиус очень быстро реагировала на вопросы слушателей. Впоследствии когда он освоился, то понял, «сколько за всем этим готового и условного». Однако разговоры и в дальнейшем, по словам Ю. Фельзена, бывали у Мережковских «занимательными и остро-напряженными». Но это требовало интенсивной деятельности (подготовка, репетиции и т. п.).

Что касается «Зеленой лампы», то она начала свое существование 5 февраля 1927 г.¹⁶³ Название было взято в память о «Зеленой лампе», в которой участвовал А. С. Пушкин, и обычно ее заседания исследователи сопоставляют с пушкинской «Зеленой лампой», что не совсем правильно, так как у Зинаиды Николаевны зеленое ассоциировалось с верой в Бога и лояльностью к религии¹⁶⁴.

В день открытия первого собрания «Зеленой лампы» З. Н. Гиппиус, как всегда, поразила всех присутствующих своей оригинальностью. На этот раз она появилась с изумрудом, висевшим на лбу, между бровями, на цепочке¹⁶⁵.

Эта первая встреча состоялась в здании «Русского коммерческого и промышленного союза». Встреча была открыта выступлениями В. Ф. Ходасевича и Д. С. Мережковского, рассказавших о целях и задачах нового общества¹⁶⁶. В частности, В. Ходасевич сделал исторический обзор деятельности первой «Зеленой лампы» начала XIX в. Подробной информации об этой встрече в эмигрантской парижской прессе не было, по крайней мере в «Последних новостях».

Зато эта же газета сообщала, что 31 марта 1927 г. состоялся литературный вечер «Зеленой лампы». В официальном сообщении перечислялись и его основные участники¹⁶⁷. Этим исчерпывалась газетная информация. Однако воспоминания современников поз-

воляют восстановить некоторые детали этой встречи, а в стихотворении З. Гиппиус «Стихотворный вечер в “Зеленой лампе”» называются практически все участники, среди которых были «переростки, и старые, и юные»: Н. Берберова, В. Злобин, И. Бунин, В. Ходасевич, Н. Оцуп, Г. Иванов, И. Одоевцева, Ю. Терапиано, М. Цетлин, А. Ладинский, Д. Кнут, чета Мережковских¹⁶⁸. Ее стихотворный список (кроме Г. Адамовича, которого она почему-то пропускает) дополняет официально опубликованный в печати.

Видимо, это была единственная встреча в «Зеленой лампе» за все время ее существования, посвященная чтению стихов. Во всяком случае, так считают в своем комментарии к стихотворению Зинаиды Николаевны К. М. Азаровский и В. В. Лавров. Они, ссылаясь на Ю. Терапиано, утверждают, что этот вечер был устроен несмотря на противодействие Д. Мережковского¹⁶⁹. Зная проблематику всех последующих собраний «Зеленой лампы», трудно не согласиться с их мнением.

С первых же встреч Мережковскими был выработан особый ритуал, который соблюдался все годы существования «Зеленой лампы», если ее заседания проходили в доме на Колонель Боннэ. В нем все разыгрывалось, как в спектакле. Гостей встречал В. Злобин и вводил в уютную приемную, уставленную книгами и похожую по этой причине на кабинет. Затем появлялась Зинаида Николаевна с лорнетом в руках и обязательно задавала гостю какие-то вопросы, что должно было свидетельствовать о том, что она все помнит, все подмечает, за всем следит. И это создавало ей определенный авторитет. Мережковский всегда выходил из своего кабинета с опозданием и, как обычно, «низко кланялся с какой-то намеренно старомодной вежливостью», и после этого все направлялись в узкую столовую, где рассаживались за длинным столом.

Так рассказывает Ю. Фельзен¹⁷⁰. Несколько иначе эту часть ритуала описывает И. Одоевцева. По ее словам, З. Н. Гиппиус сначала всех гостей рассаживала в столовой, сама занимала свое место за чайным столом, и только тогда появлялся Д. Мережковский¹⁷¹.

Несколько особняком стоит рассказ М. М. Туган-Барановского о его встрече с З. Гиппиус. По его словам, дверь ему открыла горничная¹⁷². Но так бывало, по всей видимости, в будни. А по воскресеньям Мережковский занимал председательское место за большим столом, Зинаида Николаевна — в центре. Чаем и угощениями заведовал В. Злобин. Почетные гости (если таковые были) усажи-

вались около Мережковского, но тогда разговор не всегда был интересным. Обычно на край стола перекочевывали «метафизики»¹⁷³.

О чем только ни говорили на этих собраниях, вспоминал один из их постоянных участников: «Толстой, политика, большевики, религия, русский символизм»¹⁷⁴, т. е. самые разнообразные темы литературного, политического, религиозного, нравственного характера. Обсуждались и такие вечно не устаревающие вопросы, как роль русской интеллигенции в развитии общества. Эта тема развивалась Д. Мережковским еще в 1906 г., ее он продолжал обсуждать и в эмиграции. Тема действительно не устаревающая, ибо и в 90-е годы XX столетия ее продолжали оживленно дискутировать.

За 1927 г. состоялись четыре заседания «Зеленой лампы», со стенографической точностью зафиксированные в четырех номерах журнала «Новый корабль» под названием «беседы». Они дают ясное представление и о содержании бесед, и об общей атмосфере, царившей на заседаниях «Зеленой лампы». Учитывая, что журнал стал большой библиографической редкостью, познакомим читателя с некоторыми из этих бесед.

В мемуарной литературе и эмигрантской историографии упоминается о том, что на одном из первых заседаний «Зеленой лампы» прозвучали слова молодого поэта Давида Кнута¹⁷⁵, заявившего, что «отныне столицей русской литературы нужно считать не Москву, а Париж»¹⁷⁶. Слова эти, как вспоминает Г. Адамович, были произнесены под «символическое рукоплескание Мережковского», причем, на наш взгляд, Д. Кнут лишь озвучил мысль Мережковского, так как уже было известно отношение З. Гиппиус к советской литературе. Не отрицая наличия талантов среди писателей на родине, З. Гиппиус не признавала их только потому, что они жили в Советской России¹⁷⁷.

Это сенсационное заявление одного из «молодых» литераторов эмиграции прозвучало во время третьей беседы в «Зеленой лампе», на которой Зинаида Николаевна делала доклад «Русская литература в изгнании». П. Ковалевский, упоминая данный эпизод, подчеркивает, что выходка Д. Кнута «вызвала бурю негодований» среди писателей старшего поколения и особенно среди представителей общественно-политических кругов, присутствовавших на собрании¹⁷⁸, вероятно, имея в виду себя лично. Комментируя высказывание Д. Кнута, П. Ковалевский резонно заметил, что столицей русской литературы Париж, конечно, не стал, да и не мог

стать. Замечание, на наш взгляд, совершенно справедливое. Оно лишь подчеркивает трагизм положения русской эмиграции, хотя сама эмиграция в большинстве своем старалась не замечать этого. Г. Адамович, также назвавший утверждение Кнута «легкомысленным», подтверждает, что на Западе «не восторгались ею» (т. е. эмигрантской литературой). По его словам, там было равнодушные, причем не только со стороны иностранцев, но и в среде самих эмигрантов, где второе поколение уже стало забывать русский язык¹⁷⁹.

Беседа четвертая, посвященная извечно не стареющей теме, называлась «Русская интеллигенция как духовный орден». Председатель собрания Г. Иванов объявил заседание «Зеленой лампы» открытым и предоставил слово Д. С. Мережковскому. Дмитрий Сергеевич выступил оппонентом на речь И. Фондаминского, которую тот произнес на предыдущем заседании. (На этом заседании Фондаминского не было.) Мережковский согласился с ним, что большевики — типичнейшие русские интеллигенты. Но у него вызвало недоумение то, что Фондаминский, определяя сущность большевизма, назвал его «ложной теократией». По словам Мережковского, «большевизм — явление всемирное». Кроме того, Мережковский ответил и на вопросы, которые задавал в прошлый раз Фондаминский, в частности и на вопрос «почему мы занимаемся литературой?». Ответ Мережковского был таков: «Мы занимаемся литературой, не желая произносить безответственных слов о религии, христианстве и зная, что в русской литературе заключена такая сила подлинной религиозности, что, говоря только словами, мы скажем все, что нужно, и сделаем свое дело»¹⁸⁰.

После Д. Мережковского выступила З. Гиппиус. Она считала, что Дмитрий Сергеевич, отвечая на вопросы И. И. Фондаминского, слишком перегнул все в одну сторону, заявляя, что Фондаминский имел в виду то же, что и они. Не согласна она была и с высказываниями об интеллигенции. Она полагала, что в интеллигенции больше религиозного отношения к свободе, хотя и неосознанного. И сделала вывод, что «интеллигентский орден дал трещину, когда большевики пришли к власти»¹⁸¹.

Далее выступил Г. Адамович, который также вернулся к теме прошлого заседания и обратил внимание на доклад З. Гиппиус «Русская литература в изгнании». Он вспомнил, как на прошлом заседании говорили, что столица русской литературы не Москва, а

Париж, и еще раз подчеркнул, что «русская литература может быть только о русских людях». Язык, сказал он, есть форма духовной жизни народа, он существует только для своего народа, «ни для кого больше». «Русский рассказ о Жаке, гуляющем по Монмартру, — абсурд», — сказал Г. Адамович и далее продолжал: «... сказать, что мы живем в Париже и русская литература переехала сюда с нами и все идет к лучшему, — тут в сущности этих речей есть глубокое неблагополучие»¹⁸². Хотя Г. Адамович говорил и витиевато, но разумно.

Далее выступил Ф. Степун, который по поручению И. Фондаминского стал отвечать на критику и защищать позицию последнего. Он считал, что возникшее разногласие — это недоразумение¹⁸³. Отвечая на вопрос об ордене русской интеллигенции, Ф. Степун согласился с Зинаидой Николаевной, что единства не было и раньше, но что в интеллигенции жила жажда подвига, самопожертвования. Необходимо различать, заметил он, две струи внутри интеллигенции: идущую от славянофильства — народническую, и возобладавшую западническую — марксистскую. Соединить их, по его мнению, нельзя.

В заключение Ф. Степун высказал еще одну, на наш взгляд, самую важную, мысль, которую, правда, этот круг эмиграции принять не желал: «Нельзя делить Россию, как это делает Мережковский, на две России — праведную, эмигрантскую и грешную, советскую. Есть единая Россия, находящаяся сейчас во грехе, во грехе большевизма, — сказал он. — Понять Россию, скорее всего, сможет тот, кто раньше других познает свою вину перед ней. . . »¹⁸⁴

Свое отношение к обсуждаемой проблеме высказал и В. Злобин. Он считал, что вопрос об отношении между русским народом и русской интеллигенцией — один из трагических в истории. «Русский народ, частью уничтожив интеллигенцию, как бы сам себя обезглавил», — заявил В. Злобин¹⁸⁵.

М. Цетлин утверждал, что «быть против большинства своего народа еще беда небольшая, если чувствуешь свою правду». Да и неизвестно еще, утверждал он, за кем большинство в России, известно только, за кем сила. Цетлин призывал не впадать в панику. По его мнению, «и вне родной почвы возможна духовная жизнь и творчество»¹⁸⁶. Последнее, конечно, было сказано для самоуспокоения. Обратим внимание, что все выступавшие говорили о русском народе, о его «вине», а свою вину перед ним никто из них не видел.

В то же время известно, что именно народ «помог» им покинуть страну и весь их разговор на эту тему носил абстрактный характер.

Выступивший затем Н. Оцуп, между прочим, заметил, что цель таких объединений, как «Зеленая лампа», должна быть несравненно более скромной. И в этом он был несомненно прав.

Беседу пятую открыл все тот же Г. Иванов и предоставил слово Георгию Адамовичу, который выступил с докладом «Есть ли цель у поэзии?»¹⁸⁷

Первой в прениях выступила З. Н. Гиппиус, которая подвергла критике основные положения доклада. Правда, позднее Зинаида Николаевна, прочитав стенограмму доклада, напишет Г. Адамовичу письмо, в котором признается, что не смогла в свое время «ухватить линии его выступления и ответила глупо».

Затем свою точку зрения по докладу высказал М. Бахтин. Его поддержал В. Вейдле.

Последним снова выступил Г. Адамович, отвечая на замечания своих оппонентов. Его удивил демагогичный, по его словам, прием Гиппиус в конце ее речи. Не согласен был он и с М. Бахтиным, а следовательно, и с Вейдле, хотя ответил лишь последнему, причем ответил весьма остроумно. Он сказал: «С В. В. Вейдле я почти во всем согласен, кроме его согласия с М. М. Бахтиным»¹⁸⁸.

На этом председатель закончил прения по докладу Г. Адамовича и предоставил слово Д. С. Мережковскому. Последний подчеркнул, что это было заключительное заседание в 1927 г., и подвел общий итог. Говоря о планах работы на будущее, Д. Мережковский заметил, что следовало бы вернуться к главному вопросу — религиозному, и предложил в дальнейшем больше времени уделять именно этому вопросу. Указывая на место «Зеленой лампы» в среде эмигрантов, Дмитрий Сергеевич назвал эмиграцию «духовным болотом», а «Зеленую лампу» — первой кочкой, на которую они взобрались, и призвал «твердо стоять на этой почве», т. е. все свел к религиозному вопросу¹⁸⁹.

Заканчивая краткий обзор этих бесед в «Зеленой лампе», особо следует сказать о роли Д. С. Мережковского на этих встречах. Конечно же, именно Д. С. Мережковский был в центре внимания всех присутствующих, хотя, например, Т. Пахмус считает, что душой всех обсуждений была Зинаида Гиппиус. Она направляла и поддерживала всех собравшихся. Мережковский же был только почетным гостем. Свое мнение Т. Пахмус подкрепляет ссылкой на

слова В. Мамченко, высказанные в одном из его писем к Пахмус¹⁹⁰. И все же именно Мережковский был главным действующим лицом. Мемуаристы подчеркивают при этом большую эрудицию Дмитрия Сергеевича. «С ним, — вспоминал Г. Адамович, — можно было говорить о чем угодно, и беседы неизменно проходили на довольно высоком уровне»¹⁹¹. Но, поскольку у Мережковского был один «пунктик», рано или поздно он сбивался на свою «колею», и все разговоры сводились к одной теме — религиозной.

И тогда он преображался. Как вспоминает И. Одоевцева, сам Мережковский, в особенности в ответах оппонентам, когда он импровизировал, а не произносил заранее подготовленную и продуманную речь, достигал необычной силы. . . . Казалось, он вырастал, поднимался все выше и выше, отдаляясь от Земли. Голос его звенел, широко открытые глаза смотрели куда-то вдаль, как будто сквозь «стену»¹⁹². Ю. Терапиано также подтверждает, что бывали минуты, когда Мережковский вдруг «вдохновлялся и как-то преображался». И когда Дмитрий Сергеевич в таком состоянии начинал говорить, «я не помню, — пишет Терапиано, — чтобы какой-нибудь оппонент мог ему сопротивляться»¹⁹³.

Тем не менее такие оппоненты находились. Одним из них был Георгий Адамович, принимавший активное участие в религиозно-философских спорах с Д. Мережковским, который, как известно, не выносил возражений. Однажды (это было на одном из заседаний «Зеленой лампы», при обсуждении темы «Умирает ли христианство?») дело дошло до того, что Дмитрий Сергеевич даже раздраженно спросил своих слушателей: «С кем же они — с Христом или с Адамовичем?»¹⁹⁴ Видимо, именно этот эпизод вспоминал сам Г. Адамович, когда писал следующее: «Иногда и на публичных собраниях в “Зеленой лампе” угрожал он (т. е. Мережковский. — В. Х.) “отступникам и предателям” — что бывало почти всегда тягостным, несмотря на его несравненное красноречие»¹⁹⁵.

Прислушаемся к мнению и другого свидетеля, одного из патриархов русской литературной эмиграции, — Б. К. Зайцева. Вспоминая выступления Д. С. Мережковского в массовой аудитории, Б. Зайцев называет его «большим оратором»¹⁹⁶, объясняя это тем, что говорил он превосходно, ярко и полупророчески. Эту особую одаренность Дмитрия Сергеевича, трудно поддающуюся определению, отмечал и Г. Адамович, сам, по мнению И. Одоевцевой, «прирожденный оратор и эмигрантский златоуст». «Ораторов таких, —

пишет он, — я никогда не слышал и никогда не услышу. “Арфа серафима”. У Блока в дневнике есть запись о том, что после какой-то речи Мережковского ему захотелось поцеловать его руку — “потому что он царь над всеми Адрианами”. У меня, — продолжает Г. Адамович, — не раз возникало то же чувство»¹⁹⁷.

Но так, видимо, бывало, особенно когда он был «в ударе». Другие современники отмечали, что «вне подъема, вне своего интуитивного дара Мережковский порой бывал даже как-то беспомощно бескрыл, порой — слеп, порой жесток, порой — напоминал начетника»¹⁹⁸. Современники Мережковского часто недоумевали, слушая его: неужели он в самом деле убежден в том, что провозглашает? Оторванность от реальной жизни была полная. Но ни он, ни Зинаида Николаевна не хотели ничего замечать. Русские же слушатели, за исключением небольшой группы близких им по взглядам «воскресников», оставались к проповедям Мережковского равнодушными.

И критика не была благосклонна к ним. Правда, сами Мережковские не обращали на нее никакого внимания. У них уже выработался своеобразный иммунитет, так как они для себя давно решили «не стремиться активно к узнаванию того, что о них пишут». Вначале это был, по словам Зинаиды Николаевны, «инстинкт самосохранения», а потом сделалось равнодушной привычкой. И когда попадалось что-то критическое или «добрые люди» присылали, читали и, если остроумно ругали, смеялись¹⁹⁹.

Во время публичных прений в «Зеленой лампе» Зинаида Николаевна любила с места подавать реплики. На этой почве у нее постоянно возникал спор с Мережковским — к удовольствию публики. Рассказывая об этом, Ю. Терапиано лишь констатирует, что этот спор легко можно было принять за подготовленный прием²⁰⁰. Но, по всей вероятности, так оно и было. Не случайно В. Яновский называл Д. С. Мережковского «артистом». Это предположение подтверждается высказываниями и других мемуаристов. По словам Ю. Фельзена, у Мережковских все заседания «Зеленой лампы», доклады, контрдоклады, прения обсуждались заранее настолько подробно, что иногда казалось, будто происходит репетиция. Однажды А. Ладинский не выдержал и мрачно заявил: «А теперь всей труппой в Копенгаген»²⁰¹. Да и сам Ю. Терапиано вспоминал, что его всегда удивляло то, с каким упорством, с какой настойчивостью Мережковские отстаивали свою «Зеленую лампу», подбирая

докладчиков и не желая примиряться с теми, кто их «Лампой» пренебрегал²⁰². За свое критическое отношение к «Зеленой лампе» многие впали у них в немилость — временную или постоянную, как, например, В. Ходасевич.

Характеризуя З. Н. Гиппиус как полемиста, Г. Адамович пишет, что «она спорила, горячилась, обижалась, но была отходчива»²⁰³. В спорах она почти никогда не сдавалась, изворачивалась, делая вид, что не все сказала. Прислушиваясь к словам Г. Адамовича, все же с одним его положением трудно согласиться — с тем, будто Гиппиус, обижаясь, была отходчива. На самом деле Зинаида Николаевна ничего никогда не забывала и не прощала старых обид. Об этом она сама упоминает в одном из своих писем В. Злобину. «Я так устроена, — пишет Зинаида Николаевна, — что “забытое” вдруг при первом удобном случае просыпается. Глядь — оно тут же, и не прощенное»²⁰⁴.

Обратим внимание еще на один миф, связанный с «Зеленой лампой». На наш взгляд, явно преувеличены утверждения, распространяемые в литературе, о том, что «Зеленой лампой» интересовались самые широкие круги эмиграции. Об этом постарались мемуаристы, особенно те, кто сам участвовал в заседаниях «Зеленой лампы», завышая их численность. Если судить по воспоминаниям И. Одоевцевой, заседания были интересны и многочисленны. Однако она сама вспоминает не больше 10 человек, причем некоторые из названных ею лиц лишь иногда приходили на «огонек»²⁰⁵. А с легкой руки Ю. Терапиано в научную литературу вошло упоминание о «нескольких сотнях» участников. Обратим также внимание на слова Н. Берберовой, на которую часто ссылаются современные исследователи. Она пишет: «К ним (т. е. Мережковским. — В. Х.) ходили все или почти все». Но бывать в доме Мережковских во все не означало быть постоянным посетителем их салона, как стали трактовать эти слова поклонники Мережковского и Гиппиус. Тем более что и сам Ю. Терапиано, говоря о «сотнях» участников, все же подчеркивает, что постоянными участниками встреч были представители младшего поколения. И хотя он перечисляет в общей сложности фамилии 20 человек, современные отечественные исследователи, ссылаясь на него, вновь повторяют о «сотнях», вольно или невольно возрождая миф, созданный Ю. Терапиано. Быть может, первоначально некоторые люди действительно заинтересовались неким ритуалом, установившимся с самого начала суще-

ствования «Зеленой лампы». Речь идет о письменных приглашениях, рассылаемых Мережковскими, которые, правда, по словам И. Одоевцевой, давались без особого затруднения²⁰⁶.

В действительности, на наш взгляд, аудитория была немногочисленная и, что особенно важно подчеркнуть, весьма специфическая. Как писала И. Одоевцева, на первые собрания публика приходила «повышенно нервная», верившая в то, что проповедовал Мережковский, и обсуждавшая все вопросы «чаще всего под свойственным ему “метафизическим углом зрения”»²⁰⁷. Очень сомнительно поэтому утверждение о том, что многие стали даже добиваться чести посещать заседания «Зеленой лампы».

Некритическое отношение к мемуарной литературе отечественных исследователей ведет не только к вольным или невольным возрождениям различных мифов, скопившихся в ней, но и к фактическим ошибкам. Так, К. М. Азаровский и А. В. Лавров²⁰⁸ называют в числе постоянных участников «Зеленой лампы» Ремизова, Зайцева, Вишняка и Алданова. Пример, скажем, самый неудачный, ибо Борис Зайцев, судя по его воспоминаниям, в это время очень редко общался с Мережковскими, а Марк Вишняк, побывав однажды, быстро ушел, потеряв всякий интерес к тематике «Зеленой лампы». Что касается А. Ремизова, то тот вообще в 1920-е годы, не находя общего языка с парижской эмиграцией, стоял в стороне как от политических, так и от всех литературных группировок и, конечно же, не бывал в доме Мережковских. Об этом писал в своих воспоминаниях Вадим Андреев, к такому выводу пришли и некоторые американские исследователи их творчества²⁰⁹. Вместе с тем известно, что в начале 1930-х годов А. Ремизов сам проводит «воскресные чаепития» и как бы в противовес Мережковским старался перетянуть «молодых» на свою сторону, приглашая начинающих прозаиков и поэтов, в том числе и тех, кто являлся активным участником «Зеленой лампы». У него в доме бывал тот же Фельзен, а также Б. Поплавский, С. Шаршун, В. Яновский²¹⁰.

Бывал в доме Мережковских и Марк Алданов. Но он не был, вопреки утверждениям В. Акимова²¹¹, активным участником встреч. Скорее, наоборот. Он не принимал участия в религиозных беседах. К тому же он мало интересовал и Мережковских: с ним им было неинтересно, и это несмотря на то, что Алданов был очень «умен, остер и образован», как охарактеризовал его один из талантливых литературных критиков эмиграции М. Слоним²¹². Зинаида Гиппи-

ус, по свидетельству И. Одоевцевой, говорила об Алданове следующее: «Он — неверующий, атеист (пассивный) и слишком насквозь литературный (абстрактно). Конечно, он умен, чрезвычайно умен и тонок, но ей с ним не о чем говорить, и Дмитрию Сергеевичу тоже скучно»²¹³.

Именно поэтому он был редким гостем на собраниях «Зеленой лампы». По-видимому, М. Алданов приходил к ним из вежливости и даже во время войны неизменно делал комплименты Мережковским. Не случайно В. Яновский подчеркивает, что его (Алданова) ни разу не выругали в печати, за исключением Ходасевича²¹⁴. Факт необычный для эмигрантской среды. Самого же Вас. Яновского, тогда еще начинающего писателя, привел к Мережковским весной 1929 г. Георгий Адамович, с которым он познакомился в 1928 г. Позднее, вспоминая минувшие дни, Яновский напишет, что собирались они у Мережковских за длинным столом в узкой столовой²¹⁵.

Посещал салон Мережковских и С. К. Маковский, бывший редактор знаменитого петербургского журнала «Аполлон», в котором сотрудничала элита Серебряного века русской литературы. Поэт, художественный критик, мемуарист — он был сыном знаменитого живописца Константина Маковского и племянником другого знаменитого художника, Владимира Маковского. «Немного замкнутый, даже высокомерный, эрудированный, знал иностранные языки, вплоть до латыни и древнегреческого», — таким он запомнился К. Померанцеву, правда, уже после Второй мировой войны²¹⁶. По мнению Померанцева, поэт он был средний, хотя и упорный — вышло достаточно много сборников его стихов. Но сам С. Маковский считал себя «настоящим», хотя и чувствовал, что другие (Померанцев называет имя Г. Иванова) таковым его не считали²¹⁷. С июня 1926 г. С. Маковский стал секретарем основанной в Париже А. С. Гукасовым ежедневной русской газеты «Возрождение» и шесть лет пробыл на этой должности²¹⁸.

Именно по этой причине он общался и с Мережковскими. Правда, свидетельства мемуаристов об участии Маковского в салоне Мережковских весьма противоречивы. Так, Ю. Терапиано, вспоминая Маковского, с которым он познакомился лишь во время войны, утверждает, что последний в довоенной литературной жизни (помимо работы в «Возрождении») почти не участвовал. Он, пишет Ю. Терапиано, «не бывал на “воскресеньях” у Мережковских, ред-

ко посещал «Зеленую лампу», почти не участвовал в выступлениях поэтов и не бывал на Монпарнасе»²¹⁹. С. Вербов, который также познакомился с ним в оккупированном немцами Париже, пишет, что тот «рисовал членов религиозно-философского собрания Мережковских» (вероятно, имея в виду «Зеленую лампу»)²²⁰.

Достаточно часто (особенно в 1920-е годы) приходил к Мережковским И. А. Бунин. Правда, это бывало лишь тогда, когда он не жил на юге Франции. В таких случаях, как вспоминают современники, он слушал беседы «чуть-чуть недоверчиво», но все же благожелательно улыбаясь. Так продолжалось до получения Буниным Нобелевской премии, после чего пути Бунина и Мережковских разошлись, хотя иногда и перекрещивались.

Завсегдатаем литературно-мистического салона Мережковских была и Н. Тэффи²²¹, от которой участники встреч всегда ожидали разных «словечек и острот».

Кроме постоянных гостей «салона» бывали там и случайные люди. Ю. Фельзен вспоминает одну «почтенную даму», которая «от умных разговоров» незаметно для себя уснула на одном из заседаний «Зеленой лампы»²²².

Некоторое время постоянным оппонентом Мережковского был молодой философ М. Бахтин. Во время публичных дискуссий он всегда отстаивал свою точку зрения, выдерживая постоянные укоры Дмитрия Сергеевича, а затем «в один прекрасный день перестал бывать у Мережковских»²²³.

Непростые отношения складывались между Мережковским и Гиппиус, с одной стороны, и В. Ходасевичем — с другой, хотя последний, как известно, приходил в их дом с момента возникновения «сообщества».

От «Нового дома» к «Новому кораблю»

Когда Н. Берберова стала издавать журнал «Новый дом», З. Н. Гиппиус выразила согласие с его названием и дала несколько советов относительно содержания нового журнала. В своем письме от 26 июня 1926 г. она обещала Н. Берберовой прислать что-нибудь в его первый номер²²⁴. Согласились участвовать в нем Г. Адамович, М. Алданов, В. Вейдле, Г. Иванов, Д. Мережковский, В. Ходасевич и др.

15 октября 1926 г. «Последние новости» дали краткую информацию о «Новом доме», сообщая, что это ежемесячный литературный журнал и что его редакция находится в Париже, на рю Вивьен, 15. Позднее Т. Пахмус дополнит эту информацию, сообщив, что новый журнал издавали Н. Берберова, Д. Кнут, Ю. Терапиано и В. Фокхт²²⁵. Постоянными сотрудниками его, кроме вышеназванных, были еще Б. Зайцев и некоторые другие. Всего примерно 15 человек²²⁶.

В ноябре 1926 г. Зинаида Николаевна положительно оценивает выход первого номера «Нового дома», хотя все же не могла не удержаться, чтобы «не укусить», заметив, что вот если бы Антон Крайний стал анализировать этот журнал, то, может быть, нашел бы кое-какие недостатки²²⁷. К этому времени вышло уже четыре номера. В последнем номере журнала был помещен ряд статей по поводу некоего спора В. Злобина и Г. Адамовича, стихи З. Гиппиус, Н. Берберовой, Д. Кнута, Ю. Терапиано и Д. Мережковского. Но журнал просуществовал недолго, и уже на следующий год парижская эмиграция заговорила о новом периодическом издании («Новый корабль») как о детище Мережковских. Сведений о том, что случилось с «Новым домом», у отечественных исследователей нет.

В научных трудах журнал «Новый корабль» обычно упоминается как информационный, публиковавший лишь стенографические отчеты о собраниях «Зеленой лампы» в 1927 г. Между тем он возник, на наш взгляд, именно из журнала «Новый дом», к изданию которого ни Гиппиус, ни Мережковский первоначально не имели прямого отношения. Тем не менее постепенно они в нем захватили ведущие позиции: сначала давали ценные советы, а затем и больше — стали открыто вмешиваться в организационные дела. Из-за этого постоянно растущего вмешательства Мережковских журнал «Новый дом» покидает как редактор Н. Берберова²²⁸. Попав под идейное влияние Мережковских, журнал в конце концов изменил не только содержание, но и внешний вид, и само название.

6 августа 1927 г. Зинаида Николаевна уже сообщала Г. Адамовичу о предстоящем 20 августа выходе первого номера журнала «Новый корабль», поясняя, что по содержанию материалов он напоминает «Новый дом», № 4. Т. Пахмус считает, что издателем нового журнала был С. Н. Рязанов, а редакция состояла из трех человек — В. Злобина, Ю. К. Терапиано и Д. Е. Энгельгарда²²⁹. В журнале со-

трудничали З. Гиппиус, Д. Мережковский, Г. Адамович, Д. Кнут, В. Ходасевич, Н. Берберова и др. Формально журнал действительно выходил под редакцией трех названных лиц, но, как подмечает Г. Струве, за ними стоял Д. Мережковский²³⁰. А по утверждению Н. Королевой, «Новый корабль» стал издаваться по инициативе З. Гиппиус²³¹. Мы же придерживаемся точки зрения редакции «Воли России», считавшей, что идейными вдохновителями журнала были Д. Мережковский и З. Гиппиус²³².

Первоначально предполагалось, что журнал будет выходить ежемесячно: 20 августа — первый номер, 20 сентября — второй и т. д. Новое название журнала — «Новый корабль» — давало возможность избавиться кое от кого, ранее сотрудничавшего. Кроме того, перемена названия позволяла сделать кое-какие внутренние изменения, дать другое редакционное «предисловие». Так негласно, чужими руками²³³ З. Гиппиус произвела структурные изменения в журнале. Т. Пахмус считает, что Н. Берберова и В. Ходасевич были в курсе перемен и «не обиделись»²³⁴. Тем не менее удивляет то спокойствие, с которым реагировала Н. Берберова на «агрессию» Мережковских, ни словом не обмолвившись о происшедшем с журналом в своих мемуарах «Курсив мой». Зато Галина Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминает о своей первой встрече с Н. Берберовой, которая и передала ей первый номер уже нового журнала «Новый корабль».

Появление «Нового корабля» было встречено в эсеровских кругах эмиграции с иронией, «как мимолетное возрождение очень древнего мифа об аргонавтах»²³⁵. И действительно, выпустив всего четыре номера (правда, для этого понадобилось два года), журнал угас. Рецензируя в 1929 г. вышедший после долгого перерыва второй по счету номер журнала, «Воля России» дала свою оценку этому детищу Мережковских. Рецензент предупреждал читателя, что, хотя «Новый корабль» и именуется журналом литературным, «литературы в нем очень мало... не больше десятка страниц, а остальное отведено рассуждениям об иудаизме и христианстве, большевизме и тихоновской церкви». И делается вывод: «Новый корабль» — попросту орган кружка, созданного Мережковскими и названного почему-то «Зеленой лампой», хотя ничего пушкинского в нем нет²³⁶.

18 февраля 1928 г. состоялось очередное собрание «Зеленой лампы», посвященное обсуждению доклада Г. Адамовича «Толстой и

большевизм». Однако, как сообщала газета «Дни», в докладе было «очень мало места и тому и другому». В большей части это было изложение основных религиозно-моральных принципов Евангелия. Сам докладчик сделал вывод, что «Толстой и не с большевиками, и не с нами (европейским сообществом). Он с Христом, но и Христос не там и не здесь».

Прения по докладу начались с выступления З. Н. Гиппиус, которая, не соглашаясь с предложенной концепцией, заявила, что Адамович вряд ли как следует изучал Евангелие, раз так утверждает.

Вторым выступил Н. Н. Кульман, который обратил внимание слушателей на то, что все отклонились от темы доклада, и сделал вывод, что «ничего общего между Толстым и большевиками нет».

Далее выступил М. Бахтин. Мы не знаем точно, о чем он говорил, но, принимая во внимание упоминания в мемуарной литературе о его постоянном скептицизме, можно догадаться о направлении его мыслей.

И наконец слово предоставили Д. С. Мережковскому, который признал, что Г. Адамович правильно понял и Толстого, и Евангелие, т. е. подходит к Евангелию с точки зрения разума. На что прозвучала реплика Зинаиды Николаевны: «С рассудка».

После этого Д. Мережковский перешел к своей излюбленной теме — толкованию учения Христа и изложению религиозно-моральных принципов Евангелия. Как вспоминает Г. Адамович, Дмитрий Сергеевич оказался так увлечен и взволнован темой, будто все сразу пытался высказать, все растолковать и объяснить. Адамовичу запомнилось, как читал Мережковский Евангелие. И дело не в том, что, по общему мнению современников, Мережковский — искусный оратор и чтец. Дело в том, что в этой родной ему стихии он мгновенно вспыхивал и своим светом ее озарял. Это был один из тех моментов, когда Мережковский был особенно «в ударе». В других случаях он был неузнаваем. На этот раз все было по-иному. Мережковский, конечно, думал о Евангелии всю жизнь и шел к «Иисусу Неизвестному» через все свои прежние увлечения, издали глядя на него, как в точку и цель. Он видел то, что хотел видеть²³⁷. Поскольку Мережковский затянул свою речь, было уже поздно, и Г. Адамовичу осталось всего несколько минут для заключительного слова, от которого он отказался. Собрание закрылось, когда выключили электричество²³⁸.

Но через неделю, 27 февраля, прения по докладу Г. Адамовича были продолжены. На этот раз, по словам корреспондента газеты «Дни», о теме доклада и вовсе забыли, а занимались лишь разбором Евангелия. Каждый из выступавших «старался перещеголять других своими богословскими познаниями». На собрании не было ни Мережковского, ни Маклакова, не выступала и З. Гиппиус. Но зато явился религиозный профессионал — господин Урбан («воскресный проповедник в местной церкви»). Во время его выступления часть публики перешла в другую комнату, где началась оживленная беседа. Тогда председатель собрания Г. Иванов, почувствовав, что в своем усердии (не ограничил регламент) зашел слишком далеко, попросил оратора держаться ближе к теме, и тот быстро закончил свое выступление.

Другой оратор — Ю. Терапиано утверждал, что нельзя брать Евангелие отдельно от Библии. И. В. Пузын пытался объяснить причины разрыва христианства и культуры. Н. Оцуп, выступивший последним, стал оспаривать утверждение докладчика, что Толстой является лучшим толкователем и проповедником Евангелия.

Г. Адамович кратко ответил каждому из оппонентов, и на этом собрание закрылось²³⁹.

Один из постоянных участников собраний в доме Мережковских — Ю. Терапиано признавал, что не все посетители «Зеленой лампы» были склонны всерьез заниматься идеями, интересовавшими Д. Мережковского и З. Гиппиус и их ближайших последователей. К числу таких посетителей относились не только М. Алданов, но и М. Вишняк. По словам последнего, он, как и многие другие, уже после «двукратного посещения “Лампы” утратил интерес к ней»²⁴⁰.

Примечательно, что уже в апреле 1928 г., т. е. через год после создания «Лампы», другой ее участник, один из тех, на ком, собственно, и держалась «Зеленая лампа», В. Ходасевич, делавший основной доклад на самом первом заседании, писал Марку Вишняку: «Ей богу, одно хорошее стихотворение нужнее и Господу угоднее, чем 365 (или 366) заседаний “Зеленой лампы”»²⁴¹.

Первоначально, когда наметился отход В. Ф. Ходасевича от «дела Мережковских», а произошло это еще в сентябре 1927 г., Зинаида Николаевна не хотела полного разрыва с ним, хотя их отношения были весьма сухие. Она вела с Ходасевичем довольно интенсивную переписку, стараясь сгладить все «шероховатости». Так, еще

5 сентября 1927 г. З. Гиппиус, обращаясь в письме к Ходасевичу, упрекает его в том, что своим отсутствием он «сажает в калашу “Лампу”» и ее выступление об искусстве в земном раю «некому поддержать»²⁴². Д. Мережковский же, напротив, предлагал радикальный способ решения. Он даже советовал Зинаиде Николаевне: «Да не приглашай его, и на “Лампу” не будем ему повесток посылать, вот и все»²⁴³. Это чтобы В. Ходасевич не говорил, что в «Зеленой лампе» все плохо.

В марте 1928 г. В. Ходасевич окончательно объявил о своем уходе из «Зеленой лампы». У него произошел какой-то конфликт с Георгием Ивановым, которого он назвал «общественно-дефектной личностью»²⁴⁴. По этому поводу он пишет в начале месяца письмо Зинаиде Николаевне. В ответном письме от 13 марта З. Гиппиус, признавая убедительными доводы Ходасевича, вынуждена была согласиться, что «с известной точки зрения (которую она признает) отчасти мы (т. е. она и Дмитрий Сергеевич. — В. Х.) делаем, хотя бы с “Зеленой лампой”, со всеми этими “жидовскими” и другими вопросами, — полную чепуху. И разговоры за зеленой скатертью у нас, и все наши заседания — все — чепуха»²⁴⁵. А 12 апреля в очередном письме она сообщает В. Ходасевичу о судьбе «Зеленой лампы». «“Зеленая лампа”, т. е. ее правление, — разрушилось: я из него ушла, за мной другие, и если сама “Лампа” по инерции продолжает существовать, то пока в “беспризорном” виде. Что дальше — сейчас не определено», — писала Гиппиус²⁴⁶.

А дальше — ничего не изменилось. «Лампа» продолжала «коптеть», и В. Ходасевич удивлен: «Правление ушло, а “Лампа” продолжается?»²⁴⁷ Но удивляться было нечему, ибо салон на улице Колонелль Боннэ был «развлечением Мережковских»²⁴⁸, кружком почитателей, на которых могла распространять свои чары Зинаида Гиппиус. И хотя Ходасевич продолжал общаться с Мережковскими, это были уже совсем другие отношения. Иронически, подчас очень зло он высмеивал «Зеленую лампу» и «тайну трех» за чайным столом, предлагая младшему поколению «взамен всей этой болтовни сосредоточить свои силы на какой-нибудь серьезной литературной работе»²⁴⁹. Это свидетельство Ю. Терапиано подтверждается письмом самого В. Ходасевича, о котором уже упоминалось выше. И встречи с Мережковскими не вызывали у него особого восторга. «А сейчас, — писал он М. Вишняку, — пожалейте меня! — Иду к Мережковским». Приглашение пришло после трехмесячного

молчания. Получив его, В. Ходасевич почувствовал, что это неспроста, и, зная уже достаточно хорошо чету Мережковских, он сразу же задался вопросом: «...интересно только, чего им нужно? Не может быть, что ничего...»²⁵⁰.

Судя по содержанию данного письма, В. Ходасевич, видевший в Мережковских раньше если не кумиров, то единомышленников, теперь был разочарован в них. Постоянное общение с ними привело его к «прозрению». Он признает свою ошибку, заявляя, что другие были «прозорливее»²⁵¹. Таким образом, В. Ф. Ходасевич уловил самое главное в их характере — Мережковские ничего не делали просто так. Это проявлялось и в дореволюционной и послереволюционной России (и хорошо описано К. И. Чуковским в его «Дневниках»), продолжалось и в эмиграции. В конце концов В. Ходасевич порывает с Мережковскими. «Отныне, — пишет он, — живу и пишу для себя, а на чужие дела сил и жизни не трачу». Уход его из «Зеленой лампы» привел к очередному конфликту в среде эмигрантов. Многие представители младшего поколения (из тех, кто посещал «Лампу») оказались на стороне Мережковских. Это была первая трещина в их отношениях с Ходасевичем, которого они также уважали. Затем, как всегда бывает, Ходасевич резко задел Мережковского, «Зеленую лампу» и журнал «Числа». Сторонники «Чисел» и Мережковский выступили против Ходасевича — началась «литературная война», которая, по словам Ю. Терапиано, закончилась лишь в 1937 г.²⁵²

Посещая «Зеленую лампу» и «воскресники» у Мережковских, «молодые» не забывали и о собственных интересах, которые часто не совпадали с интересами Мережковских, и содержание их мероприятий в какой-то степени конкурировало с идеями Мережковских. Весной 1928 г. в Париже по инициативе М. Л. Слонима и группы молодых поэтов и литераторов возникла новая литературная организация под названием «Объединение писателей “Кочевье”». Первоначально оно состояло из 18 человек. Организаторы ставили перед собой несколько задач, в том числе задачу стать литературным центром, объединяющим молодых литераторов, не зависимых от чуждых искусству влияний политических споров, кружковщины и «личного момента», которые часто искажали в эмиграции правильную оценку литературных явлений²⁵³.

Организаторы хотели первоначально создать объединение типа «студенческих встреч», но постепенно собрания, проходившие

еженедельно по четвергам, привлекли большое количество гостей. Собрания проходили регулярно в таверне «Дюмениль» на Монпарнасе. К 1929 г. «Кочевье» окончательно оформилось и заняло свое место среди других литературных объединений. Его отличал повышенный интерес к новейшей русской литературе, поэтому были вечера, где обсуждались наиболее значительные произведения, вышедшие в России. Отличал его и дух независимости. В большинстве случаев вечера «Кочевья» проходили чрезвычайно оживленно, и прения после докладов даже перерастали в особые собрания.

С 1928 г. прошло 26 заседаний, в том числе посвященные общим вопросам теории и методике литературы: как разбирать поэтические произведения, как разбирать прозаические (посвященные разбору поэтических и прозаических произведений), собеседования о новых книгах и стихах и т. п. Выделим открытый вечер, посвященный эмигрантской критике (докладчик М. Слоним). В прениях участвовали В. Фокхт, М. Цветаева, В. Иванов, С. Эфрон, Г. Адамович, Г. Иванов и др.²⁵⁴

И в 1929 г. проходили с большим успехом вечера литературного объединения «Кочевье». Несколько встреч состоялось в январе-феврале. Новым моментом в их организации были вечера устных рецензий, проводившиеся в первой половине месяца. На них давался краткий обзор литературных новинок.

Там же состоялся вечер С. Шаршуна, на котором автор читал отрывки из своего романа, вызвавшего оживленные споры о сюрреализме в искусстве²⁵⁵. Вечера «Кочевья», проходившие в марте и апреле, вызвали большой наплыв слушателей, заставивший организаторов перенести их в большие залы. На одном из таких больших вечеров выступил с докладом о «Молодых писателях за рубежом» М. Слоним. Интерес к докладу был еще и потому, что в зале присутствовало большинство «молодых». Докладчик (по оценке современников) справился со своей задачей, хотя ему стоило немало труда быть объективным в оценках, и дал картину десятилетия существования «молодой литературы»²⁵⁶.

На одном из вечеров устной рецензии с анализом книги В. Познера «Панорама русской литературы», вышедшей на французском языке, выступил Г. Газданов. Его выступление вызвало оживленные прения, так как Газданов высказался отрицательно о названной книге. В защиту книги выступили Д. Святополк-Мирский, М. Цветаева, Б. Поплавский²⁵⁷.

Пятидесятая по счету встреча «Кочевья» произошла осенью 1929 г. и была посвящена творчеству А. П. Чехова. Одним из самых интересных четвергов был вечер, посвященный «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина. Докладчик В. Фокхт остановился на философской стороне этого произведения. Возражавший ему Б. Соснинский назвал И. Бунина «последним русским классиком». Интерес вызвало выступление князя Д. Святополк-Мирского, как всегда резко нападавшего на Бунина. Ему возражала М. Цветаева. Обсуждение «Арсеньева» заняло два вечера. В оживленных спорах помимо названных лиц участвовали еще Г. Адамович, Б. Поплавский, В. Андреев, Н. Рейзини²⁵⁸. Еще одна встреча была посвящена разбору последней книги «Воли России». Н. Рейзини обрушился на произведения «молодых», и, наконец, один из вечеров отдыха в «Кочевье» прошел при чтении и разборе рассказов М. Зощенко²⁵⁹.

На съезде писателей-эмигрантов в Белграде

Осенью 1928 г. произошло событие, которое долго обсуждалось в эмигрантских литературных кругах. Речь идет о съезде русских писателей-эмигрантов, в проведение которого оказались вовлечены крупные политические деятели Запада. Хорошо известно, что там было немало политиков, в том числе и главы государств, заинтересованные в том, чтобы активно поддерживать, российскую эмиграцию. Среди них были президент Чехословацкой республики и король Югославии. Югославское правительство с ведома короля, по инициативе Академии наук и ее руководителя профессора А. Белича, жившего когда-то в России, решило начать выплачивать ежемесячное пособие знаменитым русским писателям, оказавшимся в эмиграции.

Этих знаменитостей оказалось восемь человек: Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи, Куприн и Шмелев. Пособие, выплачиваемое русским писателям, было небольшое (примерно 300 франков в месяц на человека), но оно высылалось регулярно и вместе с чешским пособием могло покрыть расходы по квартплате, электричеству, газу и метро. Сербские субсидии выплачивались до середины 1930-х годов, чешские — до 1937 г.²⁶⁰

Именно под патронажем короля Александра в сентябре 1928 г. в Белграде и был проведен съезд русских писателей и журнали-

стов, живших в эмиграции. Формально организатором конгресса был А. И. Ксюнин, бывший журналист из Петербурга, автор книги «Уход Л. Толстого», эмигрировавший в Югославию. По словам Т. Пахмус, Ксюнин — человек с большими амбициями, стремившийся стать председателем Союза русских писателей и журналистов за границей. К тому же он, как считает та же Пахмус, получал зарплату от Министерства иностранных дел Югославии. В организации съезда ему помогал Е. А. Жуков — председатель Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Но какими бы энергичными они ни были, если бы не сербы, из этой затеи ничего бы не вышло. По поручению короля Александра в организации данной встречи приняли участие конкретно еще два человека — А. Белич и И. Дучич. Первый был председателем Государственной комиссии по делам русских эмигрантов в Югославии, лингвист по образованию. Вторым — известный сербский поэт. Позже в Италии, где в середине 1930-х годов И. Дучич был представителем Югославии, между ним и Мережковским, с которым Дучич познакомился на съезде, установились очень хорошие отношения.

После непродолжительной подготовительной работы в Югославию стали съезжаться участники форума. Среди них были Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Куприн, Е. Чириков, А. Яблонский и др. Не было на этом форуме И. А. Бунина, хотя в мемуарах Н. Берберовой он называется в числе приехавших. На этот раз память подвела ее. На самом деле Бунин по каким-то личным соображениям отказался от поездки в Белград, несмотря на то что к нему в Грасс, где Бунин жил в тот период, дважды (в конце августа и начале сентября) приезжал профессор А. Белич, чтобы пригласить на встречу писателей. Галина Кузнецова, зафиксировав 2 сентября в своем дневнике этот факт, излагает его так: «Вчера и позавчера был сербский проф. Белич. Говорил о предполагаемом журнале, о книгоиздательстве. Выяснилось, что съезд не имеет ничего общего с сербами (хотя на самом деле это не так. — В. Х.) и затеяли русские. Значит, И. А. может без зазрения совести не ехать»²⁶¹. К сожалению, причин отказа Бунина от поездки она не указывает.

Что касается Мережковских, то уже в начале сентября 1928 г. Зинаида Гиппиус сообщала Г. Адамовичу о том, что 20 сентября она и Дмитрий Сергеевич вынуждены на три недели уехать в Белград²⁶². Проездом в югославскую столицу они оказались на территории Италии. Впечатления об этой стране у них были не из при-

ятных. «Италия довольно противна, — сообщала Зинаида Николаевна в Париж, — кругом фашисты, фашисты. . . » Во время поездки в поезде с ними случился неприятный казус. Стараясь снять сверху чемодан Зинаиды Николаевны, Дмитрий Сергеевич вдруг упал, к счастью, на жену, которая его удержала. Но чемодан, выпавший из рук Мережковского, сломал ей монокль, и Зинаида Николаевна очень сокрушалась, что теперь она «в полной слепоте».

В Белграде, куда они наконец прибыли, было тепло, но зато дождливо. Здесь они остановились в гостинице «Ройяль» на улице Короля Петра. Их соседом оказался Б. Зайцев, с которым они, в отличие от Парижа, здесь общались довольно часто. К ним был представлен то ли секретарем, то ли телохранителем некто В. Балгозер, бывший капитан Добровольческой армии.

Дни их пребывания были загружены до предела. Свободного времени почти не оставалось. Тем не менее Зинаида Николаевна, выкраивая 30–40 минут, каждый день бомбардировала В. Злобина письмами, делясь своими впечатлениями об увиденном. А впечатлений действительно было много, так как культурная программа участников форума была весьма насыщена, да и журналисты, а их, по словам З. Гиппиус, было около ста, отнимали много времени.

Собравшиеся в Белграде русские писатели-эмигранты ставили две задачи: во-первых, попытаться объединить все литературные силы эмиграции; во-вторых, познакомить Международный конгресс по защите авторских прав, проводившийся там же, с русскими проблемами²⁶³. Среди участников форума оказались почти все «непримиримые», по словам Н. Берберовой, «не только по отношению к Октябрьской революции, но и к революции Февральской». Однако попытки объединиться на этой почве закончились безрезультатно. Тем не менее, по мнению Д. С. Мережковского, съезд прошел удачно благодаря исключительному гостеприимству югославского короля.

Уже 26 сентября состоялись две встречи. Одна была организована утром сербскими журналистами, вторая — «раут у министра», на котором, как сообщала З. Гиппиус, был «водопад речей»²⁶⁴. Говоря о «водопаде речей», Зинаида Николаевна скромно умалчивает о выступлении Д. С. Мережковского. Эту скупую информацию она дополняет лишь едким замечанием в адрес организаторов банкета, назвав их «деревянными ослиами», — фраза, не совсем понятная для непосвященных. К счастью, свои воспоминания об этом вечере

оставил другой участник данного события — Борис Зайцев. Он также упоминает вечер-банкет у министра народного просвещения, на котором, по его словам, как всегда, с речью о борьбе с коммунизмом выступил Мережковский. «Без Антихриста не обошлось», — замечает писатель по этому поводу. Б. Зайцев обращает внимание читателей на реакцию хозяев на эту речь Дмитрия Сергеевича: «Сербы слушали почтительно, но отдаленно»²⁶⁵. Именно такая реакция и вызвала, по всей вероятности, неудовольствие Зинаиды Николаевны.

На следующий день делегаты съезда были приняты королем Александром. Встреча состоялась в огромном зале дворца с двумя рядами окон и оркестром на хорах. Во время представления гостей король кратко беседовал с присутствовавшими на вечере.

Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна стояли рядом (впереди Мережковский, за ним Гиппиус). По ее словам, король Александр говорил с Мережковским «очень уважительно» — сначала о России, затем о Париже. Когда очередь дошла до Гиппиус, король обратился к ней по-русски. Однако Зинаида Николаевна (видимо, как всегда пытаюсь быть оригинальной, хотя сама Гиппиус сослалась на рассеянность) ответила ему по-французски. На что король очень остроумно заметил: «Мадам беспокоится, что я хуже говорю по-русски, чем она по-французски?» И тогда Зинаида Николаевна, оправдываясь, вынуждена была перейти на родной язык²⁶⁶.

Заметим, что эта аудиенция состоялась накануне открытия форума, а не после его завершения, как пишут некоторые исследователи. Вечером того же дня участники съезда побывали на спектакле.

Конгресс, работа которого закончилась ничем, начался с банкета и таковым завершился. Последний состоялся после вручения ряду участников форума югославских наград. Мережковские были удостоены орденов Св. Саввы: он — первой, она — второй степени. Т. Пахмус пишет, что награждены были несколько писателей, включая Мережковского и Гиппиус, но никого больше поименно не называет. Другие исследователи в числе награжденных упоминают только эту знаменитую пару. На самом деле ленту через плечо и звезду первой степени получили Д. Мережковский и В. И. Немирович-Данченко. З. Гиппиус, Б. Зайцев и А. Куприн — звезды второй степени, награды также почетные, так как их обычно вручали только министрам²⁶⁷.

Зинаиде Николаевне прощальный банкет (а это было 29 сентября) запомнился тем, что на нем «все подавали на золотых и серебряных тарелках». За столом Зинаида Николаевна сидела рядом с королем, а Дмитрий Сергеевич — рядом с королевой (на первой встрече королевы не было)²⁶⁸. С радостью сообщала Зинаида Николаевна и о том, что король назвал ее «моя маленькая драгоценность» и даже прислал ей потом «массу собственных папирос». Съезд закончился 30 сентября литературным вечером и «похоронами жареного поросенка»²⁶⁹.

После завершения работы съезда Мережковский и Гиппиус, как, впрочем, и другие его участники, выступили с академическими лекциями, организованными югославской АН 8 октября, и еще прочитали несколько публичных лекций в Белграде 11 октября. «Аудитория была большая, новая и удивительная», — писала З. Н. Гиппиус В. Злобину в Париж²⁷⁰. Она была довольна, когда сербский издатель А. Белич предложил опубликовать в Югославии ее «Мемуары Мартынова» и «Наполеона» Д. Мережковского. По этому поводу она написала длинную статью для «Возрождения» под заголовком «Смысл русско-сербского дела»²⁷¹.

Вторая половина лекционных дней была заполнена «хождением по гостям»: 9 октября ужинали у Немировича (патриарха). 10 октября — обед у Ксюнина и ужин у Белича. 13 октября Мережковские отправились в Загреб по приглашению хорватских писателей, чтобы выступить там с несколькими публичными лекциями. На одной из них Гиппиус читала о Л. Толстом и декламировала свои стихи по просьбе аудитории²⁷².

Наконец, 20 октября Мережковские, усталые, но довольные результатами своей поездки (самым неприятным было то, что в Загребе Дмитрий Сергеевич, а вслед за ним и Зинаида Николаевна простудились), «помолодевшие, гордые успехом и почестями», снова оказались на юге Франции, откуда месяц назад они отправились на съезд писателей.

Но французская эмиграция встретила их неприветливо. Более того, весь сентябрь здесь только и говорили о съезде в Белграде. Каждый день, пока шел форум, Бунин получал письма с возмущениями по поводу поведения Мережковских на съезде. В «Грасском дневнике» Г. Кузнецовой есть такая запись: «Мережковских все дружно бранят»²⁷³. Страсти разгорелись из-за журнала, издание которого намерен был осуществить профессор А. Белич. В

качестве редакторов он наметил трех человек: Мережковского, Бунина и Струве. Однако Бунин отказался, так как его литературные взгляды и взгляды Мережковского были диаметрально противоположны. Он хотел, чтобы редактором был П. Струве. Тем не менее благодаря интригам знаменитой чете удалось добиться своего. Еще находясь в Белграде, З. Гиппиус сообщала по этому поводу Злобину: «Насчет Струве, мы всячески старались отстранить его и, кажется, преуспели»²⁷⁴.

Но, несмотря на все интриги Мережковских, И. Бунин довольно часто навещал их после того, как они вернулись из Югославии. Во время одного из визитов, это было 26 ноября, Бунин, прибывший к Мережковским в сопровождении Галины Кузнецовой, застал дома одну Зинаиду Николаевну. Она сидела за письменным столом, в розовом платье, как всегда нарумяненная. Ее рыжие волосы были смешно заплетены в длинную тонкую косичку, уложенную через всю голову. Оглядевшись, Галина Кузнецова увидела на камине в гостиной ордена, которые супруги Мережковские получили в Белграде, — в голубых футлярах с золотыми надписями: «Савва 1-й степени», «Савва 2-й степени». На столе лежал дневник Гиппиус, в зеленой обложке, взятый из «Возрождения»: она задумала теперь издать его в Белграде (о чем была договоренность) под тем предлогом, что «Возрождение» хочет печатать его с сокращением. (Спустя полгода после съезда «Дневник 1917–1918 гг. (Синяя книга)» был опубликован в Белграде²⁷⁵.)

Во время беседы Зинаида Николаевна рассказывала гостям о Югославии так увлекательно, что Г. Кузнецова посчитала ее «страстной поборницей» этой страны. Развлекая гостей, З. Гиппиус стала читать им полученное от Н. Берберовой письмо, полное парижских новостей²⁷⁶.

Мережковские на юге Франции

Здесь мы прервем ненадолго хронологию повествования и проследим, что же делали Мережковские на юге Франции перед своей поездкой в Югославию и по возвращении из нее.

Жизнь парижской эмиграции, в том числе и Мережковских, не ограничивалась одним Парижем. Не забывали они и о своем здоровье. Из мемуарной литературы известно, что ежегодно, как только начинался летний сезон, жизнь русского эмигрантского Парижа

обычно замирала. Те, кто побогаче, уезжали на юг Франции. В их числе была и чета Мережковских. Всех манил к себе Лазурный берег, Французская Ривьера, тянувшаяся до границ с Италией полоса гористого побережья Франции на Средиземном море. Его береговая линия была изрезана бухтами, обрамленными живописными, нередко скалистыми берегами. Лазурный берег — одно из популярных мест отдыха, здесь купальный сезон начинался с конца мая и продолжался до середины ноября²⁷⁷. Самым привлекательным местом были Канны в департаменте Приморские Альпы (северная часть побережья). Жившие в окрестностях Канн русские эмигранты часто встречались здесь, на пляже, куда они приезжали купаться.

В 17 км от моря, на склоне горы, откуда открывался великолепный вид на море, был расположен старинный городок Грасс, окруженный цветочными плантациями и апельсиновыми рощами. Здесь любил жить И. А. Бунин. Недалеко от Бунина, в Антибе, городе, основанном греками еще в IV в. до н. э., отдыхал В. Ходасевич со своей женой Н. Берберовой, часто встречавшиеся и с Буниным, и с Мережковскими. Последние жили в Терране, над Грассом. Здесь, высоко в Приморских Альпах, Мережковские снимали один этаж в старом замке. Сюда в 1927 и 1928 гг. неоднократно приезжала из Антиба на автобусе Н. Берберова и гостила у Мережковских по несколько дней²⁷⁸.

В этот период происходит знакомство Галины Кузнецовой с Мережковскими. Молодая, начинающая писательница, которую опекал Бунин (злые языки называли ее его любовницей), с самого начала не вызывала восторга у Зинаиды Гиппиус. Процесс их сближения проходил очень трудно. Первое время Зинаида Николаевна вообще ее не замечала (испытывая к ней исключительно женскую неприязнь), что неудивительно, ибо внешность Кузнецовой — молодой, здоровой, краснощекой женщины, со вздернутым носом — резко контрастировала со стареющей красотой маленькой, худенькой З. Гиппиус. А сталкиваться им приходилось часто, о чем свидетельствуют дневниковые записи Г. Кузнецовой, которая каждый раз при встречах подмечала все новые и новые штрихи как во внешнем виде, так и в характере Зинаиды Николаевны, что очень ценно для всесторонней оценки личности З. Н. Гиппиус.

Летом 1927 г. было очень жарко и поэтому Мережковские часто приезжали на пляж. Зинаида Николаевна жаловалась, что она

похудела до 46 кг. 4 июля 1927 г., бродя по городу после очередного купания, Бунин и его окружение столкнулись с Д. Мережковским. Потом подошла и Зинаида Николаевна «в огненного цвета платье... и какого-то целлулоидного вида панаме с пестрой лентой. Начались восклицания, разговоры»²⁷⁹. Такие встречи были часты, хотя и кратковременны, так как всегда Бунин спешил на автобус, отвозивший его в Грасс.

Очередной раз их встреча произошла 25 июля 1927 г. в Каннах, когда Мережковские и навестившая их Н. Берберова зашли в кафе. Здесь они столкнулись с Буниным и его спутниками (в том числе и Г. Кузнецовой). Для Кузнецовой и те несколько минут, которые она провела в компании З. Гиппиус, были «мучительными», поскольку Зинаида Николаевна всем своим видом показывала, что она ее игнорирует: «Не глядит и не слышит и вообще делала вид, как будто не подозревала о ее существовании, хотя с другими держалась чрезмерно любезно». Бунин, заметивший это, быстро увел всех из кафе и дома торжественно обещал, что не будет принуждать Г. Кузнецову бывать с Мережковскими.

Но постепенно и та и другая привыкали друг к другу, и тон записок Галины Кузнецовой меняется. 14 сентября перед отъездом в Париж к Буниным с прощальным визитом приходили Ходасевич и Берберова, а с ними явились и Мережковские. День на редкость был красивый, и все сидели в саду. Г. Кузнецова с Н. Берберовой ходили по дорожке, и Галина чувствовала, что Гиппиус, сидевшая под пальмой с В. Ходасевичем, ее рассматривала.

За чаем все было наоборот. На этот раз Кузнецова рассматривала Зинаиду Николаевну, которая сидела в кресле Бунина. Вот какой она запомнилась Кузнецовой: «Всякий раз, когда я вижу ее, дивлюсь ее шуплости, цыплячьей худобе, ее подслеповатым глазам и рыжим завитым волосам, завернутым с затылка на макушку, ее маленьким суховатым рукам и перевязанной лентой шее...»²⁸⁰.

Постепенно в лучшую сторону меняется отношение Кузнецовой к З. Н. Гиппиус. Перемены эти стали ощущаться к осени 1927 г. 10 ноября Бунин и все его семейство посетили виллу Мережковских. Дело в том, что Мережковские собирались уезжать в Париж, для того чтобы издать там «Дневник» З. Гиппиус. Но перед тем как отдать его в печать, Зинаида Николаевна решила посоветоваться с Буниным, так как опасалась, что после появления «Дневника»

в печати ей придется, как она считала, «сжечь свои корабли» по отношению к эсерам.

В пригласительном письме, которое получила по этому случаю Вера Николаевна Бунина, среди других была приглашена и Г. Кузнецова, которую Зинаида Николаевна назвала «известной дикаркой». На Кузнецову большое впечатление произвела как обстановка в доме (она обратила внимание и на внешний вид виллы, и на ее внутреннее убранство: «Вилла очень чистая, нарядная, даже с некоторой кокетливостью убранная (ковры, кретоновые абажуры в розах, мягкая мебель и хризантемы в вазе на камине»)), так и хозяева — Дмитрий Сергеевич, в драповом халате, и Зинаида Николаевна, кутавшаяся в шали.

После завтрака (макароны, баранина с кашей, пирожки, сырые и печеные яблоки с вареньем и ко всему этому один маленький графинчик приторно-сладкого белого вина) все перешли в гостиную, куда итальянка-горничная принесла кофе.

Устроившись удобно, гости приготовились слушать чтение «Дневника» Зинаиды Николаевны. Злобин принес хозяйке папиросы, изящный дамский мундштук и зеленую папку, в которой оказалась аккуратная стопка скрепленных белых листов, перепечатанных на машинке²⁸¹. «Дневник» З. Гиппиус очень понравился всем присутствующим, в том числе и Бунину. Произвел он большое впечатление и на Галину Кузнецову, которая почувствовала в Гиппиус «не только молодящуюся чудачку с ведьмовским началом в натуре». Она вдруг поняла, что у Гиппиус «можно многому учиться и с нее кое в чем брать пример»²⁸². Г. Кузнецова обратила также внимание на своеобразную манеру чтения Зинаиды Николаевны: «Скороговоркой, вполголоса, с короткими недоговариваниями, пояснениями в сторону, чтобы избежать длиннот, и только в местах значительных, требующих от слушателей особого внимания и эмоций, — повышение, медлительность, почти скандирование, упор на слова и даже на целые фразы»²⁸³.

После двух лет знакомства Г. Кузнецова начала кое-что понимать в сущности Мережковских. Ее стал привлекать некий эстетизм и вообще другой образ жизни, окружавший Мережковских. Если раньше она удивлялась, почему последние, например, «не чувствовали красоты “Арсеньева”», то теперь она приняла их позицию. Г. Кузнецова поняла, что им «этот род искусства просто чужд». Видимо, в этом ее убедили слова Д. Мережковского, произнесенные им

во время разговора о Сологубе, о чем весьма невыгодно для последнего написал в одном из своих фельетонов И. А. Бунин. Защищая род искусства, в котором творил Сологуб, Д. Мережковский сказал: «Вы можете любить или не любить, но вы должны признать, что кроме вашего искусства, натуралистического, есть и другой род. В нем действуют не действительные фигуры, а символы, что, может быть, даже и выше первого. . . »²⁸⁴

Изменилось отношение и к самой З. Гиппиус. Г. Кузнецова уже привыкла к ее манере поведения, и Зинаида Николаевна даже стала казаться ей «милой», хотя та оставалась прежней Гиппиус со всеми ее капризами и «ужимками», что очень хорошо зафиксировала в своем дневнике Галина Кузнецова: «За столом вскрикивала, как капризная девочка, любимица в доме, приставляла лорнет к глазам и тянула: “Что это там? Володя! Дайте же мне этого. . . Налейте же мне белого. . .” или вдруг кричала, требуя, чтобы угощали чем-нибудь Ивана Алексеевича: “Дайте ему салата!”»²⁸⁵.

Иногда в доме появлялись и новые гости. В 1927 г. посетил дачу Мережковских и Георгий Адамович, встретив там Бунина.

Галине Кузнецовой запомнился день 30 июня 1929 г., когда, отправившись с Буниным в Канны проводить приезжавшего к ним И. Фондаминского, они встретили на вокзале и Мережковских, которые пришли туда с той же целью. Это не была случайная встреча, так как И. Фондаминский, который, ненадолго приехав на юг, все же не преминул навестить и знаменитую чету перед своим возвращением в Париж. Мережковские принимали его 28 июня.

И вот они на вокзале, но выглядели, по словам Кузнецовой, неважно. В Зинаиде Николаевне «за румянами и букольками» Кузнецова вообще ничего не разобрала, а Мережковский показался ей очень бледным. Время до отхода поезда заняла общая беседа. Разговор коснулся нескольких тем. Сначала говорили о Прусте. Затем был начат «недружелюбный» разговор о Ф. Степуне и его романе «Николай Перелетин», который Мережковский ругал «на чем свет стоит»²⁸⁶.

После проводов И. Фондаминского все отправились в город, где после чаепития в кафе компания разделилась: Зинаида Николаевна и Вера Николаевна пошли «по магазинам», а Бунин, Мережковский и Кузнецова просто бродили по городу. Правда, Бунин всю дорогу молчал, и Кузнецовой даже показалось, что Мережковский

был ему в этот раз особенно неприятен. Поэтому разговор поддерживала она. Заговорили о Д. Шестове. Интересна оценка Мережковского. Дмитрий Сергеевич назвал его «только талантливым популяризатором Ницше», так его все и считали в философии. «Его беда в том, — констатировал Мережковский, — что он еврей. Но он женился на русской, и, как часто бывает в браке, где духовный облик одного переходит на другого, произошло некое облияние. Он перестал быть евреем, но не дошел до Христа. . . »²⁸⁷.

Очередной раз, уже в 1930 г., Бунин и Кузнецова были у Мережковских 14 ноября. Встретить гостей вышел Дмитрий Сергеевич в «каком-то белом в черную полоску фланелевом пиджачке, как всегда слегка согнувшись и что-то придерживая на груди рукой». Беседа началась с того, что он рассказал что-то неприязненное о Шестове, которого он упорно называл Шéстовым, с ударением на первом слове²⁸⁸. Вошла Зинаида Николаевна в коричневом, пятнами окрашенная как всегда, что-то тянула, жевала вместе со словами конец мундштука и все поправляла волосы, подпирая голову хрупкой, бледной рукой.

Кузнецова обратила внимание на окружающую обстановку. Гостиная в первый раз была не убрана, кругом пыль, вода в кувшине с хризантемами не переменена. Стулья сдвинуты. Оказалось, что горничная больна.

Вечером хозяева пошли провожать гостей. По дороге Кузнецова почти все время шла рядом с Мережковским, поддерживая беседу. На этот раз Дмитрий Сергеевич рассуждал об эмиграции. «Неблагополучно у нас, — говорил он, — и все хуже и хуже. Людей нет. Талантливых много, да это что! Надо принести в мир что-то новое, хотя бы крупицу нового в какой бы то ни было области: в поэзии, в критике, журналистике, в воспоминаниях. . . Но непременно новое. Иначе получатся только имитаторы, повторители, подлинно никому не нужные». Переходя далее на личности, он продолжал: «Алданов, если бы занялся только журналистикой, мог бы занимать место в первом ряду — журналистов. . . а романы — эрзацы. Сирин. . . есть такая мимикрия таланта. . . Может быть, очень тонкая мимикрия. И это уже талант. Георгий Иванов — настоящий поэт»²⁸⁹.

По дороге зашли в кафе, и, пока все пили кофе, И. Бунин куда-то исчез на час. «Он все-таки чувствовал себя с Мережковскими не в своей тарелке, уж очень они ему во всем противоположны», —

замечает Г. Кузнецова²⁹⁰. Замечание справедливое, если учесть, что это было время «борьбы» за Нобелевскую премию.

И тем не менее они продолжали общаться. Галина Кузнецова запомнила прощальный завтрак у Мережковских глубокой осенью 1930 г., куда И. А. Бунин и все его окружение были приглашены 26 ноября, перед отъездом Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Николаевны. Это было уже традицией. Мережковские подолгу жили на юге, возвращались в Париж лишь в конце ноября, а то и в декабре, устраивая перед этим своеобразные «вечера проводов».

День 26 ноября выдался очень серым и тяжелым, и настроение у всех было довольно сумрачное, в том числе у хозяев. Особенно был мрачен и молчалив Дмитрий Сергеевич, хотя Зинаида Николаевна и пыталась развеять эту мрачность. «Она была в благосклонном расположении духа» и старательно угощала всех пирожками. После завтрака Дмитрий Сергеевич, как обычно, покинул всех — ушел отдыхать. В. Злобина отправили заказывать билеты.

Остались продолжать беседу Бунин, Гиппиус и Кузнецова. В этот день Зинаида Николаевна была в ярко-фиолетовом бархатном платье, правда, по мнению Г. Кузнецовой, «дурно сшитом», но зато идущим к золотистому каштану ее волос. Прекрасная зарисовка мемуариста сохраняет запоминающийся на века облик Зинаиды Николаевны Гиппиус. Причем ее портрет ни на йоту не отличается от портрета поэтессы начала века. Не поменялись и ее привычки. Вот как описывает ее Г. Кузнецова: «Я рассматривала ее, лишний раз дивясь ее вычурным позам — руки за голову, нога за ногу, голова далеко закинута, и сама она полулежит в кресле, с которого свисают фиолетовые углы платья, а ручки маленькие, хрупкие, и вся она щурится или тарашит глаза»²⁹¹. Заслуживает внимания и содержание их разговора. На этот раз, вспоминает Кузнецова, «она была мила и старалась говорить откровеннее и понять нас». В беседе был затронут и вопрос о «молодом поколении» литераторов-эмигрантов. Коснувшись темы «молодых», Зинаида Николаевна высказалась весьма критически в их адрес, заявив, что теперь нет ничего интересного для нее в молодых писателях и что «все Фельзены и Поплавские ее разочаровали»²⁹².

Так закончился очередной летний сезон.

Снова в Париже

По возвращении в парижскую квартиру снова возрождались воскресные «посиделки» и заседания «Зеленой лампы». Об одном из таких заседаний «Зеленой лампы» упоминается в письме Бориса О. (вероятно, Оцуп) к Зинаиде Шаховской. К сожалению, в письме не проставлена дата, но, по-видимому, письмо и встреча у Мережковских, о которых в нем упоминается, относятся к 1930 г., так как в нем есть еще информация о предполагаемом выходе журнала «Числа».

Журнал «Числа», выходявший в Париже с 1930 по 1934 г., правда нерегулярно, был задуман как молодежный, даже претендовавший на роль самостоятельного литературного течения. Но цель и реальность явно не совпадали, что и было отмечено эмигрантской литературной критикой. М. Слоним в «Воле России», обратив внимание на то, что журнал, предназначенный для молодежи, начинается со стихов Зинаиды Гиппиус и статьи Антона Крайнего, задает справедливый вопрос: «Неужели редакция “Чисел” серьезно полагает, что какая-нибудь новизна слышится в произведениях писательницы, упорно стоящей на позициях, которые новыми могли почитаться лет 30 или 40 тому назад?»²⁹³.

Участие З. Гиппиус в журнале было не случайно. Появление «Чисел» отрицательно сказывалось на жизнедеятельности «Зеленой лампы», что подтверждается словами самой Зинаиды Николаевны: «Под тяжестью “Чисел” — медленно и явно гаснет “Лампа”. . . Но вытягивая из “Лампы” дух, “Числа”, по-моему, не одухотворяются сами, не зажигаются, во всяком случае — не зажигают меня. . .»²⁹⁴. Тем не менее Гиппиус активно участвует и в открытых вечерах, которые проводила редакция журнала, оказывая влияние на молодежь, и не случайно тематика этих вечеров перекликалась с тематикой «Зеленой лампы». Так, один из таких вечеров прошел под странным названием «Повинен ли Толстой в большевизме?»²⁹⁵. (Мы знаем уже, что подобную тему обсуждали в «Зеленой лампе».) А в четвертой книге журнала, не без вмешательства Зинаиды Николаевны, усердно разрабатывалась «тема смерти»²⁹⁶. Видимо, под влиянием З. Гиппиус в журнале, как справедливо замечали критики, отсутствовал всякий интерес к литературным течениям, которые существовали в Советской России.

Но продолжала гореть и «Зеленая лампа». Вернемся к тому заседанию, о котором уведомлял Зинаиду Шаховскую, жившую в Бельгии, ее парижский корреспондент. Сам он, правда, на этом заседании не присутствовал, но знал, что там возник спор между Мережковским и Голенищевым-Кутузовым. Мережковский «неистово возглашал, что гнев и ненависть — и есть христианство, а Кутузов, не менее неистово, заявлял, что антропософия — это христианство. Оба при этом обменивались колкостями». Публика, как предполагал корреспондент, покрикивала с места. «Ведь там, по его словам, «всегда довольно оживленно»»²⁹⁷.

5 марта 1930 г. состоялось первое в этом году заседание «Зеленой лампы». Тема основного доклада «Отчего нам стало скучно?» говорит сама за себя. Очевидно, самих организаторов перестало удовлетворять однообразие таких встреч. По настоятельному приглашению Зинаиды Николаевны на этом вечере присутствовал вернувшийся в Париж из Грасса И. А. Бунин. Бунины пришли впятером (т. е. сам писатель со своей женой, а также Г. Кузнецова, В. Зуров и И. Родин, жившие в их доме в то время)²⁹⁸.

Пришли также Марк Алданов и одновременно с ним К. Бальмонт (затем без конца говоривший о своей молодости), за ними пожаловали Н. Тэффи, Н. Берберова и В. Ходасевич. Кроме них на вечере присутствовали Б. Сосинский, М. Цетлин, Б. Поплавский и др. По некоторым сведениям, гостей встречал сам Дмитрий Сергеевич, а Зинаида Николаевна «утопала в мягком кресле, положив ногу на ногу... и, конечно, была одета в платье любимого розового цвета и чулки такого же цвета»²⁹⁹.

В литературе встречается ошибочное мнение, что доклад «Отчего нам стало скучно?» сделал Д. Мережковский. Так, автор монографии, посвященной творчеству И. А. Бунина, В. Лавров, как всегда противопоставляя Бунина Мережковскому, представляет последнего в ложном свете. Он пишет, что Бунин, скучая от доклада Дмитрия Сергеевича, повернулся к З. Гиппиус, которая протянула ему альбом, и записал автограф. После доклада Мережковского, согласно версии В. Лаврова, Зинаида Николаевна читала стихи о России, которые произвели сильное впечатление на слушателей³⁰⁰.

Однако на самом деле, как считает большинство исследователей, 5 марта на открытом собрании «Зеленой лампы» доклад «Отчего нам стало скучно?» читала З. Н. Гиппиус. А в прениях

выступали: Г. Адамович, В. Злобин, Г. Иванов, Д. Мережковский, Н. Оцуп, Б. Поплавский, М. Цетлин³⁰¹.

21 марта снова на открытом собрании «Зеленой лампы» слушали доклад на тему «Шестое чувство (О символизме и судьбах поэзии)». На этот раз докладчиком был Георгий Иванов. Как вспоминала Ирина Одоевцева, это был его единственный прочитанный доклад за все время существования «Зеленой лампы»³⁰². И. Одоевцева объясняла это тем, что в отличие от Г. Адамовича Георгий Иванов не обладал ораторскими данными и в публичных дебатах не участвовал. Зато он был бессменным председателем «Зеленой лампы» — открывал заседания и предоставлял слово ораторам. Круг таких ораторов был не очень велик — практически это были одни и те же лица. Правда, 21 марта на докладе Г. Иванова выступили также И. Бунин, К. Мочульский, М. Слоним³⁰³.

15 апреля на состоявшемся диспуте на тему «Чего они хотят?» докладчиком был Д. С. Мережковский. В прениях выступили М. Бахтин, И. Бунин, З. Гиппиус, В. Злобин, Г. Иванов и др. Через два дня, вспоминая об этом собрании и сравнивая его с «воскресником», Зинаида Николаевна подводила итоги: «В воскресенье у нас был крик и волнения, и довольно интересно, а собрание вышло... без “изюминки”. Хотя все говорили недурно. Поплавский, Слоним, Варшавский, Голенищев-Кутузов (которого Гиппиус называла “Мышиный глаз”. — В. Х.) даже удивили дельностью речей».

Дмитрий Сергеевич был «ударнее в воскресенье, так как на собрании прочел только начало и конец статьи Философова о “Числах” и на этом построил свое выступление». Н. Оцуп как редактор очень рассердился, но Гиппиус прервала его. «В общем, был и разброд и единство», — заключает Зинаида Николаевна³⁰⁴. Она считала, что на этом заседании «Зеленой лампы» было достаточно народу, хотя первоначально они думали, что мало придет. И даже все «старые дамы были налицо», констатирует Зинаида Николаевна, имея в виду штатных слушателей, и среди них, видимо, была та, что даже уснула на одном из предыдущих собраний.

Невозможно восстановить все заседания «Зеленой лампы» и установить время их проведения, тем более что и в памяти мемуаристов они часто смешиваются воедино, да и сама З. Гиппиус, как выясняется, бывала не на всех заседаниях «Зеленой лампы»³⁰⁵. Так, в начале 1931 г. она проболела гриппом две недели и пропустила очередное заседание. И. Одоевцева упоминает также заседа-

ние, на котором слушали доклад Н. Оцупа о Прусте и Джеймсе и что вход на него был по личным приглашениям, разосланным В. Злобиным. Но, когда это происходило, восстановить в памяти она не смогла. Хотя дату еще одного упомянутого ею, правда, не состоявшегося заседания, но к которому тщательно готовились участники «Зеленой лампы», можно восстановить по косвенным фактам. Оно должно было состояться 6 мая 1932 г., в день, когда был убит президент Франции П. Думер. Это событие отложилось в памяти И. Одоевцевой. Ничего удивительного нет, так как убийство французского президента российским эмигрантом Горгуловым повергло парижский «городок» в панику. Собрание с общего согласия, как сообщает И. Одоевцева, было отменено по настоянию З. Н. Гиппиус, хотя Д. С. Мережковский и был против³⁰⁶.

И. Одоевцева вспоминает также об одном из вечеров у Мережковских, на котором впервые присутствовал С. Шаршун — художник-авангардист, поселившийся в Париже еще до войны 1914 г. Известно, что он пытался что-то писать. Характеризуя С. Шаршуна как литератора, Одоевцева называет его «серым» и считает, что отрывки из романа, которые печатались в газетах, были напечатаны из личных симпатий к нему. Стихи, которые он писал, утверждает Одоевцева, также были «серые»³⁰⁷.

Пожалуй, можно признать такую оценку справедливой, тем более что она подтверждается другими источниками. Как вспоминал М. Андреевко, встречавшийся с Шаршуном в начале 1920-х годов, последний сам, правда, с горечью рассказывал, что А. Ремизов советовал ему прекратить свои литературные занятия, а Г. Адамович предрекал, что «может быть, через сто лет найдется издатель, который издаст его сочинения»³⁰⁸.

Писателем он действительно не стал (как литератора его знает лишь узкий круг славистов), хотя сегодня некоторые отечественные критики рекламируют его литературные опусы. Но как художник, испытав множество лишений, он все же состоялся, прославившись после Второй мировой войны как «символист в живописи».

Что касается заседания «Зеленой лампы», на котором присутствовал С. Шаршун, в данном случае даже трудно предположить, когда же оно состоялось.

Из мемуаров эмигрантов следует, что в 1930-е годы «Зеленая лампа» уже не горела ослепительно и «не проливали яркого света на них». Все это чувствовали, не исключая и Мережковских, хотя

они и не сознавались в этом не только публично, но даже сами себе. Обо всем этом повествует, например, В. Яновский. «Мы часто хвалились умом, талантом, даром, но что земля уходит у нас из-под ног... Этого мы не хотели разглядеть», — самокритично пишет он³⁰⁹. Собрания «Зеленой лампы» в это время были редки и по обыкновению отличались религиозно-мистическим уклоном³¹⁰.

К этому времени многие участники «Зеленой лампы» покинули ее ряды. Так, ушел В. Ходасевич (о чем уже подробно излагалось). Уход одной из ярких личностей парижского эмигрантского сообщества был воспринят Мережковскими особенно болезненно и стал считаться «изменой», после чего отношения между Ходасевичем и Мережковскими «охладились навсегда»³¹¹. Правда, это не помешало Зинаиде Николаевне написать некролог на смерть В. Ходасевича. Как и многие другие, утратил интерес к этим встречам и Марк Вишняк, покинувший собрание после двух посещений³¹². По его мнению, «Зеленая лампа» была интересна тем, кто не имел никакого отношения к литературе и политике и хотел взглянуть на живую Гиппиус или Бунина³¹³. Правда, это чисто субъективное мнение, но отчасти и он был прав.

В начале 1930-х годов отходит и И. Бунин. Это было время «дележа» Нобелевской премии, что привело к антагонизму между ним и Мережковскими.

Скептически относилась к тому, чем занимались участники «Зеленой лампы», левая часть эмиграции, связанная с эсеровскими кругами. В журнале «Воля России», издававшемся эсерами, появилась рецензия на журнал «Новый корабль», который с августа 1927 г. издавала группа Мережковского. С иронией написанная, она заканчивалась словами: «При свете немилосердно коптящей “Зеленой лампы” простые истины теряют свой натуральный цвет»³¹⁴.

Такая же убийственная оценка сопровождала собрания в доме Мережковских на протяжении всех последующих лет существования «Зеленой лампы». И через два года та же «Воля России» писала, что «все эти бесплодные, надуманные речи, в которых под псевдоглубокомысленными фразами нельзя разыскать ясной и простой мысли, производят тяжелое впечатление». По словам рецензента, участники «Зеленой лампы» «точно поставили себе целью каждый вопрос растворить в некоем зыбком и соблазнительном словесно-мистическом тумане, и для этого они употребляют искусственно приподнятый язык»³¹⁵.

Рецензент напомнил содержание юмористического фельетона, который Н. Тэффи напечатала в «Возрождении». В нем рассказывалось о том, как, спутав день, она вместо собрания «Зеленой лампы» попала в залу, где ее встретили какие-то неизвестные призрачно бледные старцы, называвшие себя «бывшими техниками». Вид у них был, как писала Н. Тэффи, «давно умерших»³¹⁶. Здесь же рецензент приводит и высказывание самой З. Гиппиус по этому поводу. Вспоминая фельетон Н. Тэффи, Зинаида Николаевна сказала на одном из заседаний «Зеленой лампы» следующее: «... а что, если вдруг придет нормальный живой человек, и не по ошибке, а в настоящую “Зеленую лампу” придет — что, если мы все покажемся ему такими же давно умершими техниками?» К этому блестящему самоопределению, пишет в заключение рецензент, прибавить нечего³¹⁷.

Но и сами участники встреч на квартире Мережковских не теряли чувства юмора и иногда иронизировали по поводу своих бесед. Так, В. Яновскому запомнилась одна из шуток Бориса Поплавского, на наш взгляд, весьма удачная и точная. «Три восточных мага присхали будто бы на квартиру Дмитрия Сергеевича и завел с ними беседу:

— Что есть первая истина? — осведомились маги.

И Мережковский, не моргнув глазом, открыл им эту истину.

— Что есть вторая истина? — продолжали допытываться мудрецы.

И опять русский мыслитель легко удовлетворил их любопытство.

— А куда идут деньги с вечеров “Зеленой лампы”? — спросили в третий раз маги. Тут Мережковский не смог ответить и заплакал»³¹⁸.

Н. Тэффи, которую все боялись и от которой, по словам Ю. Фельзена, всегда «ожидали словечек и острот», напечатала в «Возрождении» фельетон, содержание которого мы уже изложили на предыдущих страницах.

Были и другие курьезы, так как не все посетители «Зеленой лампы» всерьез увлеклись идеями, интересовавшими Мережковских и их ближайших соратников. И тем не менее Ю. Фельзен утверждал, что в течение всего предвоенного периода парижской эмиграции «Зеленая лампа» не переставала привлекать к себе внимание публики³¹⁹.

В реальности прослеживается совсем иная картина. Так и не перетянув «молодежь» на свою сторону, Зинаида Николаевна уже открыто говорила о своем разочаровании ими, называя их «детским садом». К середине 1930-х годов З. Гиппиус уже мало волновали дела «молодежи». Да и «молодежь» стала реже бывать у Мережковских, что подтверждала и Зинаида Николаевна 20 июня 1933 г. в письме Г. Адамовичу: «Да, “воскресенья” оскудели, но далеко не совсем»³²⁰. В дневнике Гиппиус 1934 г. есть и такая запись: «Круги их и наши, оба нешироки: у нас — воскресная толпа “молодежи” и пустыня всю неделю»³²¹. Поэтому в ответ на письмо В. Злобина, в котором тот рассказывал о плачевном состоянии литературного салона Мережковских в их отсутствие, Зинаида Николаевна пишет из Италии: «Никаких “героических дел” для спасения моих воскресников я не намерена предпринимать. Пусть разлагаются...»³²². Информации В. Злобина она восприняла с некоторой долей юмора³²³.

Это было в 1934 г., а через два года снова в переписке с ним звучат слова Гиппиус о «разложившихся зародышах», правда, уже с интонацией беспокойства: «Неужели никого не осталось? — Даже Мамченко»³²⁴. Позже, в январе 1937 г., Зинаида Николаевна напишет В. Мамченко по поводу воскресений, высказывая свою позицию о судьбе ее «детища», следующее: «Пусть приходят те, кому интересно; кому не интересно — те и сами не будут приходить... При такой свободе сохраняется внутренняя свобода: всем можно говорить правду в глаза. Отбор сам получится в конце концов, если после него останутся 2–3 человека, то это ничего»³²⁵. Зинаида Николаевна возражает В. Злобину и Г. Иванову, которые, по ее словам, «мудрят», желая произвести отбор искусственный.

Она понимает, что это все равно ничего не даст, говоря, что лучше «просто закрыть лавочку», чем соглашаться с ними. Так оно и произошло. «Дело» было пущено на самотек и завершилось «естественным отбором», т. е. остались лишь те, кто твердо разделял позицию Мережковских. Правда, была предпринята еще одна попытка «удержаться на плаву» — это «Литературный смотр».

Одно из последних упоминавшихся в мемуарной литературе заседаний «Зеленой лампы» состоялось в 1938 г. Оно, по словам В. Злобина, было посвящено обсуждению вышедшей в Париже книги Георгия Иванова «Распад атома», которая затем «даже не вызвав скандала... провалилась в пустоту»³²⁶. З. Гиппиус была едва ли не единственная, положительно откликнувшаяся на эту кни-

гу. Набоков, напротив, негативно отозвался о ней³²⁷. Не случайно, Г. Иванов, вспоминая Гиппиус, очень тепло отзывается о ней. «Зинаида Гиппиус была великая умница и очаровательнейшая творение (так у Г. Иванова. — В. Х.)... Ручаюсь — она была необыкновенная», — констатировал Г. Иванов. К сожалению, вся его переписка с Гиппиус, а у него было много писем Зинаиды Николаевны, сгорела на даче Ивановых в Биаррице во время бомбардировки города в 1943 г.³²⁸

Итак, «Зеленая лампа», как и «воскресники», все больше и больше сокращая круг своих участников, сама собой потухла, просуществовав, однако, почти до Второй мировой войны. В годы войны у Мережковских, как будет доказано в следующей главе, собирались уже совсем другие люди и совсем по другому поводу. И таким образом, «Зеленая лампа», как считает и И. Одоевцева, не достигла цели, к которой стремились Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус³²⁹.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что влияние Мережковских в эмиграции не было столь всеобъемлющим, как утверждается до сих пор литературоведами. Завышенные оценки роли «Зеленой лампы» в культурной жизни эмигрантского Парижа звучат практически во всех статьях, сопровождавших публикации произведений Д. Мережковского и З. Гиппиус, появившиеся в начале 1990-х годов в нашей стране. Воскресный салон Мережковских стал культурным событием большой значимости — таков лейтмотив всех высказываний³³⁰. Да, появление «воскресников» действительно явилось событием в жизни эмиграции, но вот слова о «большой значимости» — явное преувеличение. Срабатывает стереотип, заимствование из эмигрантской историографии. Причем исследователи явно не замечают противоречия в своих постулатах. Так, К. М. Азаровский и А. В. Лаврова, с одной стороны, ссылаясь на мемуарную литературу, пишут о том, что «весь литературный Париж бывал у Мережковских», а с другой — утверждают, что они (Д. Мережковский и З. Гиппиус) находились в изоляции, которая «с годами становилась все более глубокой»³³¹.

Обратим внимание еще на одну нелепость в рассуждениях сторонников показа «размаха» влияния Мережковских на русскую диаспору. Не задумываясь над своими словами, авторы предисловия к книге Д. Мережковского «Эстетика и критика», пытаясь подчеркнуть значимость «Зеленой лампы», пишут о том, что воскрес-

ный салон Мережковских «разросся» в некое подобие «интимного общества». Салон, где собирался весь литературный Париж, вдруг «разросся» до интимного общества, где опять-таки собирался весь литературный русский Париж³³². Никакой логики!

Да, как было показано, вокруг них собирались единомышленники, но это была все-таки небольшая группа, и это — несомненный факт. Что касается реальных результатов деятельности «Зеленой лампы», то их очень точно определил ее бессменный председатель — Г. Иванов. «Литературный Париж, — пишет он, — эстетически богоискательского пошиба (имея в виду салон Мережковских. — В. Х.), начиная приблизительно с 30 и вплоть до осени 39 года, чем ближе к последнему — все больше походил на некую лишенную забавности “новостройку” Вавилонской башни...»³³³. Да и сама Зинаида Николаевна в душе давно уже понимала бесперспективность всех своих усилий и однажды, рецензируя книгу Дон-Аминадо, высказала очень здравую мысль. «Бывают минуты, — писала она, — посмотришь с холодным вниманием вокруг и подымается что-то вроде досады, досадливой тревоги, и за Дон-Аминадо, и за других: за все ценное, зря пропадающее. И куда оно, и зачем пропадает?»³³⁴

К середине 1930-х годов творческий потенциал эмиграции был почти исчерпан. Литературная жизнь старшего поколения в силу возраста, по меткому выражению М. Слонима, носила характер «доживания». Судьба же «молодого» поколения оказалась трагична. Прекратило существование большинство журналов, почти не осталось и газет; негде было печататься. Литература русского зарубежья оказалась в тупике, и не случайно В. Варшавский назвал свое поколение «потерянным поколением». Но не потому, что в нем не было талантливых людей, а потому, что талант без родины, без национальной почвы не способен полностью себя реализовать. Эмигрантская литература предметно была лишена возможности воздействовать на русскую культуру. Жизнь эмигрантских писателей протекала в условиях полной обособленности и отрыва от жизни национальной среды. Характерно в этом смысле письмо одного из «молодых», Евангулова, который, обращаясь к Зинаиде Николаевне, жаловался: «Как быть нам, которым недоступен “русский быт”». И литературная критика в эмиграции отмечала, что «наиболее неудачными и искусственными являлись те повести и рассказы, сюжеты которых были взяты из современной русской жизни».

Видимо, осознание этого тупика заставляло задумываться и самых крайне политизированных литераторов. В словах З. Гиппиус звучит печаль о невостребованности мысли, отсутствии читателя. Всего этого лишила себя эмиграция, порвав с родиной, тем самым обрекая себя на вымирание. Поэтому не о каком-то мифическом подвиге надо говорить, а о трагедии людей, оторванных от своей страны. Уже в 1955 г. Г. Адамович, подводя итоги прожитого и выражая сожаление, что диалог с Советской Россией в эмигрантской литературе не налачился, пришел к выводу, что во многом виноваты сами эмигранты. В эмиграции, пишет он, «образно говоря, преобладал внутренний голос: ничего общего с нашей Россией в Советской России нет»³³⁵. И в этом была трагедия эмиграции в целом и литературной интеллигенции в частности. Эти люди, «зациклившись» на антисоветизме, отвергая право творческих исканий в самой России, не прислушались к здравым голосам, звучавшим в их рядах, о том, что в Советской России возрождается подлинная русская литература, и тем самым обрекли себя на забвение.

Но в 1930-е годы жизнь еще продолжалась.

Мережковские и Бунин

Сразу оговоримся, что сама по себе проблема взаимоотношений среди эмигрантов очень сложна чисто психологически. С одной стороны, круг общения в эмиграции был очень узок — и они не могли обходиться друг без друга. Но, с другой стороны, особенно в среде интеллигенции, в частности литераторов, где все были личностями, с большим самомнением и амбициями, это общение усугублялось взаимными претензиями друг к другу.

В случае с Мережковскими это проявлялось еще более выпукло. Поэтому подчеркнем, что отношения Мережковского и Гиппиус с окружающими их людьми, мягко выражаясь, были очень непростыми. В них (как личностях) было много такого, что одновременно притягивало и отталкивало людей, которым приходилось общаться с ними. Особенно это относится к Зинаиде Николаевне Гиппиус, которую когда-то не случайно называли «злая оса Гиппиус» (считается, что так ее окрестил С. Есенин). Такой она запомнилась многим ее современникам (И. Одоевцевой, С. Маковскому, Г. Адамовичу и многим другим). Она была весьма оригинальна, могла сама с собой разговаривать по телефону в присутствии гостей, могла совершить

вызывающий поступок на людях. Ее репутация «ведьмы», по мнению Г. Адамовича, «сложилась искусственно, хотя и пришлось ей по вкусу: она сама ее усиленно поддерживала»³³⁶. Зинаида Николаевна любила острить, и некоторые ее словечки бывали язвительными. Она могла и обидеть человека, хотя ей самой это казалось лишь забавным. Вот образчик ее «чужачества». В одной из книг «Современных записок», в которой была статья Е. Кусковой, есть пометки З. Гиппиус, по словам Г. Иванова, «очень забавные»: «Чего ты, дура, хочешь, куда ты, дура, гнешь?»³³⁷ Обидеть человека ей было нетрудно. Вспоминается ее недоброжелательное отношение к Галине Кузнецовой, которую она третировала тем, что просто не замечала долгое время.

Но особо хотелось бы остановиться на взаимоотношениях Мережковских и Бунина. И. А. Бунин и Д. С. Мережковский — два столпа российской словесности. Оба находились на вершине эмигрантской литературной пирамиды. Их авторитет был неоспорим среди эмигрантов, и, говоря о литературной жизни российского зарубежья, конечно же, нельзя обойти вниманием и вопрос об их взаимоотношениях.

И хотя некоторые мемуаристы пишут о дружеских отношениях между ними, на самом деле это было далеко не так. Отношения эти были достаточно сложными. До революции они едва были знакомы. З. Н. Гиппиус в своих воспоминаниях писала, что она и Мережковский до эмиграции лично с Буниным знакомы не были. Сблизились они уже в эмиграции, в Париже. Нашлись точки соприкосновения. По словам Зинаиды Николаевны, сдружились они «на почве отношений к России»³³⁸.

Так же как и Бунин, Мережковские были самыми политизированными литераторами эмиграции — «непримиримыми» по отношению к большевикам и к новой России.

Весь первый год после знакомства Бунин и Мережковские общались очень часто, посещали друг друга. Причем особенно часто заходила к Буниным Зинаида Николаевна. Позднее жена Бунина, Вера Николаевна, анализируя этот период их общения, назвала эти посещения Гиппиус так: «Приручала». А пока в том же 1921 г. сама Вера Николаевна очень мило отзывалась о ней, радовалась таким отношениям и высказывала свое несогласие с широко распространенным среди эмигрантов мнением о З. Гиппиус как о злой и коварной женщине.

Первую зиму Мережковские прожили в Париже, а летом отправились в Германию, в Висбаден. Там Дмитрий Сергеевич вплотную занялся Египтом: для давно намеченной книги Мережковский посетил тамошнюю библиотеку, побеседовал с ее директором, и по его любезному согласию книги для работы Мережковскому стали присылать на дом. А жили они в отеле над Висбаденом.

В августе туда приехали и Бунины. Оказались они вместе не случайно. Летом 1921 г., устроившись в Висбадене, Зинаида Николаевна посылает письмо Буниным, приглашая их приехать на курорт. В письме, которое Бунин получил 17 июля, З. Гиппиус описывала все прелести «дачной жизни»: великолепное жилье, дешевое питание и т. п. И Бунины согласились. 31 июля они прибыли в Висбаден и тотчас пошли к Мережковским, в тот же отель. Но оказалось, что те устроились лучше. «Комнаты у них великолепные, у всех трех (третьим был В. Злобин. — В. Х.), огромные, высокие, а у нас — паршивые. . . Ян (так Вера Николаевна называла Бунина. — В. Х.) был недоволен. Комната с тонкими стенами, за которыми жили шумные соседи», — такую запись в своем дневнике оставила Вера Николаевна. Им пришлось искать новую квартиру³³⁹.

Тем не менее летом следующего года Мережковские и Бунины снова отдыхали вместе. На этот раз они остановились в тихом провинциальном городке Амбуазе, на реке Луаре. Домик сняли на двоих — так дешевле, да и поговорить было с кем³⁴⁰. Однако соседство с Мережковскими скоро надоело Бунину. Как считают некоторые исследователи, причина банальная. В Париже Мережковские все время говорили о «высоком умственном напряжении», в котором якобы они постоянно живут. Но вблизи оказалось, что никакого напряжения нет. Они больше всего говорили о деньгах, о чужой бездарности, о еде и тому подобных бытовых вопросах. Правда, Зинаида Николаевна во время разговоров любила спорить, но эта любовь, по выражению В. Н. Буниной, «была спортивной». Она вспоминала, что, когда Бунины оставались одни, Иван Алексеевич говорил по этому поводу: «Глупый от умного отличается тем, что не слушает возражений, вот как Зинаида Николаевна — бабушка русской поэтической глупости»³⁴¹.

Уже одно это высказывание свидетельствует о том, что на литературном поприще они были соперниками. Больше того, М. Вишняк отмечает неприязнь Мережковского и Бунина друг к другу³⁴². К тому же, по словам А. Бахраха, Бунин постоянно утвер-

ждал, что Мережковский его ненавидел³⁴³. Тому были объяснения. Вероятно, на первое место можно поставить их соперничество за обладание тронem на олимпе литературного зарубежья. Оба играли первую скрипку, но имели разное окружение и резонанс. У Бунина никогда не было собственной «школы» или организации его почитателей. Он относился к подобной затее отрицательно и даже насмешливо. Мережковские же стремились к «водительству».

Краткий период сближения Бунина и с З. Гиппиус по тем же причинам подошел к концу. В. Лавров объясняет это большими различиями между ними. «Бунин — враг всякой нарочитости и лжи, и Гиппиус — обладательница сильного поэтического дара, снижавшая его, однако, претензиями на искусственную “мудрость”, бесконечно-назойливыми намеками на истину, лишь ей одной якобы известную»³⁴⁴.

По словам Н. Берберовой, Мережковскому Бунин был скучен³⁴⁵. Но и Бунин был такого же мнения о самом Мережковском, который, по его словам, часто «вital в облаках». Если верить мемуарам И. Одоевцевой, И. Бунин терпеть не мог Мережковского и так же относился к его творчеству. Он считал последнего большим писателем, к старости сбившимся с пути и вообразившим себя, не без помощи Зинаиды Николаевны, мудрецом и проповедником с большой буквы. «Все, что он (Мережковский. — В. Х.) тут в эмиграции настроил, — говорил Бунин, — следовало бы для посмертной славы попросту уничтожить»³⁴⁶.

Обращает на себя внимание и замечание Г. Адамовича, назвавшего Д. Мережковского писателем «творчески бедным» (имея в виду его творчество в эмиграции. — В. Х.), больше ценя его ораторские способности, превосходящие Бунина³⁴⁷.

Прошли определенную эволюцию и отношения З. Гиппиус к Бунину. Если в 1921 г. в ее литературно-критических статьях И. А. Бунин назывался «замечательным писателем», «современным бойцом», то спустя четыре года ее мнение о нем изменилось в худшую сторону (об одной из причин, вызвавших резкий поворот, речь пойдет дальше).

Конечно, и Бунин не остался в долгу, но он не был так агрессивен и внешне оставался лояльным (Н. Берберова считает, что он был с Гиппиус настороже), проявляя деликатность и не реагируя на ее «шпильки». Может быть, именно это имела в виду Н. Берберова, когда писала, что ему редко удавалось победить ее в споре³⁴⁸,

или то, что подметила Галина Кузнецова: «Она (Гиппиус) во время встреч говорила Ивану Алексеевичу одни неприятности, которые он принимал с самым любезным и милым видом»³⁴⁹.

Таким образом, отношения Бунина и с Мережковским, и с Гиппиус были не так просты, как кажется некоторым исследователям. Да и сам И. А. Бунин не был уж таким беззащитным и безобидным, как рисует его Г. Кузнецова, и при случае мог ответить и язвительно, и ехидно. Так произошло, например, на встрече в доме французского миллионера и мецената Лазаря Розенталя 19 апреля 1922 г., куда были приглашены лишь Мережковский, Гиппиус, Бунин с супругой и Куприн, а из французов — Эдуард Эррио, политик, доброжелательно относившийся к русским во Франции. Во время возникшего разговора о творчестве Тургенева, в котором очень активно участвовал Д. Мережковский, И. А. Бунин, зная о любви Дмитрия Сергеевича распространять легенды о своей близости к «великим», с иронией спросил о его, Мережковского, встрече с Тургеневым. После чего Мережковский несколько стусевался, хотя до этого очень активно участвовал в разговоре³⁵⁰.

Другой случай произошел летом 1923 г. (история с домом, где жил Леонардо да Винчи) — быть может, это легенда, но она характеризует и взаимоотношения Бунина и Мережковского. Речь идет об экскурсии двух писателей в дом знаменитого итальянского художника, где нынешняя хозяйка этого дома встретила их неприветливо и даже весьма грубо и прогнала, несмотря на то, что Д. С. Мережковский представился как русский писатель. Бунин расхохотался и не без ехидства спросил: «Дмитрий Сергеевич, неужели эта особа не читала ваших творений? Какая серость!..»³⁵¹

Позднее, в октябре 1926 г., Зинаида Николаевна сообщает Н. Берберовой о встрече с Буниным и пересказывает содержание своей беседы с ним. Беседа, как всегда, проходила с нанесением взаимных «уколов» (вернее, З. Гиппиус, как всегда, «кусала» Бунина). В ответ на жалобу Ивана Алексеевича на то, что его не пригласили в № 1 «Нашего дома» (журнала, который начала издавать Н. Берберова), Зинаида Николаевна сказала ему, что он все равно ничего не дал бы, так как и «Возрождение» его старые рассказы печатает, притом плохие³⁵². В скобках З. Гиппиус поясняет, что она всегда ему говорила все в глаза, совершенно прямо. Ее правилом было «говорить за глаза только то, что могу или могла бы сказать в глаза». Она считала, что поступает правильно, в то же время при-

зная, что это делает ее резкой. Человека нового, как, например, Г. Кузнецову, очень удивляло, что она, Гиппиус, говорила Ивану Алексеевичу одни неприятности, которые тот якобы принимал без возражений.

Да, внешне их отношения оставались дружескими, хотя и с оттенком ироничности и недоверия с обеих сторон. Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна были в числе приглашенных Буниным к себе в дом, на рю Жака Оффенбаха, 24 ноября 1922 г., когда Иван Алексеевич сочетался церковным браком с Верой Николаевной³⁵³.

Итак, внешне взаимная неприязнь пока была не очень заметна. Но были моменты, когда она все же проявлялась достаточно выпукло. Особенно обострилось соперничество Мережковского и Бунина в связи с выдвижением в среде русских писателей-эмигрантов кандидатуры в Нобелевский комитет по литературным премиям. А виной всему была обыкновенная людская зависть.

Если быть точным, этот план — добиться присуждения Нобелевской премии — возник в парижских кругах писателей-эмигрантов в 1922 г., хотя О. Сорокина, автор монографии о Шмелеве, затрагивая эту проблему, утверждает, что она была темой обсуждения и горячих споров в 1923 г.³⁵⁴ На самом деле еще летом 1922 г. русская газета «Накануне», выходившая в Париже, обратила внимание на «суету» в эмигрантской среде по этому поводу. Проживавшие в Париже писатели-эмигранты начали энергичную кампанию в пользу этого плана во французских литературных кругах. Газета «Слово» провела анкету среди «своих» литераторов с одним вопросом: «Кто заслуживает премии?». В связи с этим Д. Мережковский и И. Сургучев ответили почти одинаково: «В эмиграции как писатель никто не выдвинулся»³⁵⁵. Ответ весьма примечателен, и тем не менее русскую национальную культуру в целом и литературу в частности они свели лишь к эмигрантской, как будто в России, по справедливому замечанию редакции «Накануне», нет ни писателей, ни талантов³⁵⁶.

Тем не менее поиски достойной кандидатуры на премию продолжались именно за границей, в среде эмигрантов, а не в России, и в 1923 г. вопрос о Нобелевской премии по литературе снова был у всех на устах. Причем Мережковские были уверены, что Дмитрий Сергеевич — самый достойный кандидат. К Бунину даже приходил доктор И. И. Манухин, друг Дмитрия Сергеевича, советовавший Ивану Алексеевичу отказаться от Нобелевской премии в

пользу Мережковского. А вот, мол, когда Дмитрий Сергеевич получит ее, он поделит деньги³⁵⁷.

Однако мнения в эмигрантской среде насчет конкретной личности разделились. В 1923 г. в литературных кругах стали котиrowаться как возможные и достойные кандидатуры три человека — Мережковский, Бунин и Куприн. Газета «Слово» выразила мнение, что самое подходящее — выставить «тройную кандидатуру», включив Мережковского, Бунина и Куприна, чтобы можно было рассматривать их как русскую национальную культуру (а в случае успеха поделить премию на три части). Эта «мудрая стратегия», по справедливому замечанию О. Сорокиной, однако, не учитывала взаимоотношений самих кандидатов: Мережковский не желал иметь ничего общего с Буниным, а Бунин считал ниже своего достоинства объединяться с Мережковским и Куприным. И все три кандидатуры были представлены в отдельности. И никто из них премии не получил.

Дмитрий Сергеевич и дальше продолжал убеждать всех, что у него больше шансов, чем у всех остальных русских писателей, включая Бунина и Горького. Бунин, видимо, не желая ссориться, особенно не спорил, потому что 12 февраля 1925 г. Вера Николаевна отметила в дневнике, что Бунин был у Мережковского и заверил того, что именно Мережковский получит премию, и тот повеселел³⁵⁸.

В последующие годы, в частности в 1926 г., все названные кандидатуры вновь выдвигались. 16 декабря 1927 г. в газете «Дни» появилась статья И. Троцкого «Вокруг Нобелевской премии», в которой автор задавался вопросом, почему обходят русскую литературу. На самом деле статья была направлена явно в поддержку Д. Мережковского, пропагандировала его имя. Автор утверждал, например, что в Скандинавии больше ценят Мережковского и мало знают Бунина.

В апреле 1928 г. Зинаида Гиппиус ругала книгу стихов И. Бунина. Она назвала поэзию Бунина «описательством», а его фантазии — «бескрылыми». Критическая статья З. Гиппиус под названием «Искусство и любовь» была подготовлена для «Современных записок», но редакция в последнюю минуту отказалась публиковать ее, и Зинаида Николаевна отнесла ее Милюкову в «Последние новости», где она и появилась в трех номерах. В ней, как считает исследователь творчества И. А. Бунина В. Лавров, Гиппиус выплеснула на Бунина весь свой запас яда и злобы. Данная статья

еще раз подчеркивает общность взглядов Мережковских на творчество Бунина, но в ней была еще одна подоплека — речь шла о претендентах на Нобелевскую премию.

Ради справедливости надо сказать, что И. Бунин не остался в долгу. Конечно, он крепко обиделся на Зинаиду Николаевну, и его ответ прозвучал не по-джентльменски резко. Комментируя слова Гиппиус «О любви», Бунин воскликнул: «О любви! Вот умора! Да разве Гиппиус смыслит в ней что-нибудь? Природой не дано. Статьи-то даже подписывает по-мужицки — Антон Крайний»³⁵⁹.

Тогда же, в апреле 1928 г., состоялась встреча двух писателей в редакции «Последних новостей». Здесь, в коридоре редакции, Мережковский предложил Бунину поделить Нобелевскую премию пополам — если кому-нибудь из них дадут — и подключить Куприна. «Проявим широту характера», — сказал Дмитрий Сергеевич. На что Бунин ему ответил: «Вот вам сербский король дал орден, что же вы его никому не отдаете ради широты характера?..» И отказал, сказав, что не привык делить шкуру неубитого медведя³⁶⁰.

В 1930 г. негласное соревнование между ними продолжалось. Одновременно усилилась пропагандистская кампания в пользу русских писателей. В 20-х числах декабря некто Демидов прислал Бунину по поручению Милюкова новую статью журналиста Троцкого из Стокгольма о нобелевских лауреатах. В конце статьи автор публикации писал, что, несмотря на неудачу в минувшем году, Бунин и Мережковский были и остаются серьезными соперниками и конкурентами любому кандидату.

На этот раз тем не менее журналист отдавал предпочтение именно Бунину, как самому вероятному кандидату³⁶¹. Так продолжалось и в следующем, 1931 г., но на этот раз была выставлена еще и кандидатура И. Шмелева. Его поддерживал профессор Ильин, который, живя в Берлине, популяризировал там произведения Шмелева среди немецких издателей. За Бунина в 1931 г. высказался и Марк Алданов, за что на него страшно обиделся Дм. Мережковский. И, наконец, оба главных претендента были «почти оскорблены» появлением нового соперника. Но, увы, снова ничьим надеждам не удалось сбыться. Нобелевская премия была присуждена Эрику Карлфельдту, секретарю шведской Академии наук, поэту, умершему в апреле 1931 г.

В конце 1931 г. к Бунину приехал зять Альфреда Нобеля, 67-летний Олейников, который сообщил по секрету, что Бунин — самый

вероятный претендент на награду. «Мережковского уже никто всерьез не воспринимает, — сообщил он, — ведь его талант меркнет все больше, а ваш — на подъеме»³⁶².

Мережковский же мечтал-таки получить Нобелевскую премию, полагая, что только он достоин ее. Даже Бунина он не считал серьезным конкурентом. «Он просто бытоописатель, надоедливо и скучно фотографирующий скучные мелочи существования вперемежку... Разве можно сравнивать меня и Бунина?!» — сказал однажды Мережковский³⁶³.

И все же его тревожили и беспокоили слухи о кампании, ведущейся в пользу Бунина. В ней участвовало много «именитых» иностранцев во главе с Густавом Нобелем. Да и русские писатели-эмигранты не все были сторонниками Мережковского. Взять хотя бы М. Алданова, который вел «яростную кампанию в пользу Бунина среди “своих” иностранных коллег — не только французов, но и шведов»³⁶⁴. И Мережковский решил подстраховаться. Ирина Одоевцева была свидетелем того, как весной 1932 г. Дмитрий Сергеевич предложил Бунину заключить пакт — поделить пополам премию, если ее получит один из них³⁶⁵. Три различных источника подтверждают этот факт, правда, с некоторыми вариациями пересказывая содержание беседы двух корифеев. Это совпадает с содержанием дневниковой записи Галины Кузнецовой, сделанной ею после посещения 14 апреля 1932 г. Мережковских в их парижской квартире. Г. Кузнецова пишет, что во время ее беседы с Зинаидой Николаевной (говорили они о тяжелом положении писателей) в комнату З. Гиппиус, где они находились, вошел Мережковский, сел на кровать и заговорил о Нобелевской премии, о необходимости разделить ее³⁶⁶. Бунин отказался, и тогда, по словам И. Одоевцевой, Мережковский на минуту даже весь съежился, глаза его и все лицо поблекли и затуманились. Не ожидал отказа³⁶⁷. Реакция весьма примечательная, если учесть, что Мережковский мечтал получить Нобелевскую премию и не терял надежду. А тем временем Д. Мережковский снова прислал к Бунину посредника — Е. М. Лопатину — с новым предложением о дележе премии: на этот раз в случае успеха один другому должен будет дать 200 тыс. Так зафиксировала в своем дневнике Вера Николаевна Бунина³⁶⁸.

Несмотря на то что шансы Бунина продолжали расти, все же и Дмитрий Сергеевич не терял надежды, тем более что у него в Швеции также были друзья-лоббисты. Архиепископ в Упсале Э. Эрлинг

пишет письмо в Академию наук Швеции в поддержку Мережковского, выражая интересы последнего, поддерживая среди шведской общественности мнение, что именно Мережковский должен стать лауреатом Нобелевской премии³⁶⁹. 6 ноября 1932 г., накануне обсуждения итогов заседания Комитета по Нобелевским премиям, Бунин волновался, беспокоился, особенно после внезапного упорного появления в печати имени Д. С. Мережковского.

Триумф И. А. Бунина в 1933 г. положил конец всем надеждам Мережковских. Реакция в среде эмигрантов на это известие была неоднозначна. Известие вызвало как радость, так и зависть. Небезгрешным оказался и Д. С. Мережковский. Как считает А. Седых (секретарь Бунина), не без его участия в одной из газет появилась ехидная заметка, суть которой заключалась в распространении слуха о том, будто Бунин проявил благородство и решил разделить свою премию с другим большим русским писателем Д. Мережковским.

Конечно, ничего подобного не было, но почва для этого слуха, как мы уже знаем, была. Когда И. А. Бунин узнал об этом слухе, это вызвало у него, по словам А. Седых, «нечто вроде легкого апоплексического удара»³⁷⁰.

Не менее любопытна была реакция Мережковского после возвращения Бунина с наградой. В январе 1934 г. И. Одоевцева и Г. Иванов были свидетелями последнего, как утверждает И. Одоевцева, визита И. Бунина к Мережковским. Вот как она описывает эту встречу. Когда вошел Бунин, «все вскочили. Мережковский, побледнев до пепельной серости и еще больше сгорбившись, суетливо, почти вприпрыжку бросился встречать» гостя. Поздравила Бунина и Зинаида Николаевна, лениво протянув: «Поздравляю»³⁷¹. Эта же сцена была пересказана А. Седых, со ссылкой на самого Бунина. По его словам, Бунин отправился к Мережковским после получения газетной заметки. Что из этого получилось, можно судить по рассказу самого Бунина (в пересказе А. Седых): «Пошел... подхожу к дому, нет мужества войти. Ведь я знаю, как Мережковский и Зина всю жизнь меня ненавидели. А ведь они люди страшные: еще могут на меня какую-нибудь хворь наслать со всей чертовщиной... Полчаса вокруг дома ходил. Наконец позвонил. Встретила Зина, поздравила голосом капризной кокотки...»

Тут вошел Мережковский, сунул руку и шмыгнул в угол, мрачнее тучи... Еле высидел 30 минут и ушел. Выходит так,

что я виноват: почему дали Нобелевскую премию мне, а не Мережковскому»³⁷². Если верить мемуаристу, Бунин дал зарок не бывать больше в доме Мережковских и, видимо, сдержал слово.

Вся парижская эмиграция знала об обиде Мережковского. По этому поводу очень остроумно заметила Н. Тэффи: «Нам не хватает теперь еще одной эмигрантской организации: “Объединение людей, обиженных на Бунина”»³⁷³.

Так произошло взаимное охлаждение во взаимоотношениях двух больших русских писателей. В дальнейшем они общались очень редко. Одна из таких редких встреч произошла в Италии в середине 1930-х годов.

Поездки в Италию

В 30-е годы важным событием в жизни Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус были их неоднократные поездки в Италию. Таких поездок было несколько, и все они не были случайными. Дело в том, что в начале 1930-х годов в среде русской молодежи в эмиграции стал все яснее обнаруживаться сдвиг «вправо» — началось чуть ли не повальное увлечение фашистскими идеями. Этот сдвиг прослеживается на примере студенчества Богословского института в Париже. Руководство института хотя и не сочувствовало, но и не видело в этом никакой катастрофы, однако Бердяева, например, это весьма раздражало, так как на его публичных лекциях в Религиозно-философской академии стало появляться все меньше молодежи.

Не избежали этого увлечения и Мережковские, затеявшие переписку с Б. Муссолини. Правда, Дмитрий Сергеевич, как всегда, преследовал при этом еще и чисто меркантильные интересы.

Но было еще одно важное обстоятельство, ускорившее поездку в Италию. Первая поездка Мережковских совпала по времени с немаловажными событиями, имевшими место во Франции, которые очень напугали всю русскую эмиграцию возможными последствиями. Переписка Б. К. Зайцева из Парижа с проживавшим на юге И. А. Буниным подтверждает, что среди парижских эмигрантов преобладали «мрачные настроения и всякие политические тревожения». Это было в феврале 1934 г., а в октябре русские в Париже «совсем приуныли»³⁷⁴.

Победа Гитлера в 1933 г. подхлестнула самые реакционные си-

лы в мире, вызвала новую волну наступления фашизма в других странах. Опасные размеры это наступление приняло во Франции. Несмотря на то что фашизм во Франции не представлял единого течения и не имел единого организационного центра, в начале 1934 г. фашистские организации, насчитывавшие примерно 200 тыс. человек, усилив свои позиции, начали готовиться к захвату власти.

Левые силы, в первую очередь Французская компартия, верно оценив опасность, выдвинули требование решительного отпора фашизму, защиты демократических свобод и экономических требований трудящихся. Когда 6 февраля в Париже фашистский легион попытался захватить Бурбонский дворец, Компартия призвала рабочих всех политических направлений выйти на улицы и разогнать фашистов.

Единое выступление рабочего класса сыграло главную роль в отпоре фашизму. Всеобщая забастовка 12 февраля, проводившаяся совместно коммунистами и социалистами и охватившая 4,5 млн человек, показала силу народного единства. Компартия призвала к единству всех антифашистов. Под давлением снизу руководство Социалистической партии приняло предложение ФКП о пакте единства обеих партий против фашизма. С февраля по июнь 1934 г. под лозунгами Народного фронта прошли 22 демонстрации и 830 митингов. 27 июля 1934 г. состоялось официальное подписание пакта о единстве левых сил. Единый Народный фронт стал во Франции реальностью.

Но именно это, а не опасность фашизма напугало русскую эмиграцию, которой показалось, что наступает «октябрь 1917 года».

Первый раз Мережковские побывали в Италии осенью 1934 г., но уже весной этого года вся эмиграция знала о том, что Мережковские собираются на две-три недели в Италию, где (кроме всего прочего) будут говорить с Муссолини. Во всяком случае, так об этом писал находившейся в Бельгии Зинаиде Шаховской один из ее парижских знакомых³⁷⁵. Но 30 марта 1934 г. и Борис Зайцев, по всей вероятности пересказывая слова самого Мережковского, извещал Бунина о том, что Мережковский собирался трижды повидать Муссолини и «научить его уму-разуму»³⁷⁶. Действительно, первоначально Мережковские собирались вернуться обратно 7–10 сентября, однако их поездка растянулась на несколько месяцев. За это время они успели побывать даже в Швейцарии, куда Дмитрий Сергеевич был приглашен прочесть ряд лекций в Цюрихе. Поездка в

Швейцарию прошла не очень удачно, так как Мережковский по дороге простудился и выступал с больным горлом, о чем Зинаида Николаевна с большим беспокойством сообщала В. Злобину в Париж.

Из швейцарской поездки они вновь вернулись в Рим и остановились в отеле «Бостон», на улице Ломбарди, 47. Здесь, в Риме, Мережковские встречались со своими друзьями и знакомыми. Довольно часто они общаются с Татьяной Варшер, археологом, большим другом Зинаиды Николаевны. Правда, судя по письмам З. Гиппиус, эта дама очень раздражала Дмитрия Сергеевича своими бесконечными рассказами об археологии. Впрочем, объективности ради заметим, что и сам Д. С. Мережковский многих раздражал своими постоянными разговорами на религиозные темы. Бывали они в гостях и у французского посла в Риме, хотя почему-то недолюбливали его и даже за глаза называли «гаденышем»³⁷⁷. Находясь в Италии, Мережковские не забывают напоминать Злобину, оставшемуся в Париже, о необходимости отремонтировать парижскую квартиру, переставить мебель, дают советы, где найти мастера для починки мебели, и, конечно, не забывают напомнить о своих финансовых делах.

Но главным делом и самым важным для Мережковского была, конечно, его встреча, ради которой он и оказался в Италии, с Б. Муссолини, которого Дмитрий Сергеевич в переписке неизменно называл то «вождем», то «цезарем». Сама встреча состоялась лишь 4 декабря в 18 часов 15 минут, но еще 29 ноября по случаю назначения даты аудиенции Д. Мережковский просит В. Злобина дать информацию о ней в газету «Возрождение», что Зинаида Николаевна считала преждевременным, так как «еще никаких благ не предвидела от встречи»³⁷⁸.

На «рандеву» с дуче Дмитрий Сергеевич пошел в сопровождении Зинаиды Николаевны и Татьяны Варшер, которые, проводив его до дверей палаццо Венеция, остались ждать в кафе напротив. Свидание прошло успешно. Как сообщала З. Гиппиус, «дук (Муссолини) согласился на все (разрешил. — В. Х.) — приехать еще раз весной и издать книгу»³⁷⁹. Через несколько дней после встречи с Муссолини Мережковские довольные возвращаются во Францию. Обратный путь занял менее суток, и утром 9 декабря они были уже в Париже.

Вторая поездка

Вторая поездка Мережковских в Италию состоялась весной 1936 г. И эта поездка не была случайной. Как считает Т. Пахмус, они «удалились» почти на два года, чтобы не стать свидетелями «нового большевистского заговора». Дело в том, что летом 1936 г. после парламентских выборов во Франции было образовано правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом. Политика Народного фронта дала возможность трудящимся добиться 40-часовой рабочей недели, повышения заработной платы, введения охраняемой законом системы коллективных договоров, предоставления пенсии горнякам с 50-летнего возраста, установления моратория на долги крестьян и запрещения описи их имущества за долги и др.

Хотя осуществление программы Народного фронта не означало немедленной ломки существующих в стране порядков, а вело лишь к развитию и укреплению демократических свобод, 1936 г. еще больше напугал российскую эмиграцию во Франции. Находясь в тот период в Италии, З. Гиппиус получила от В. Злобина из Парижа «ультрапаническое», как она сама его назвала, письмо. Видимо, В. Злобин советовал им остаться в Италии, а ему выслать визу, потому что в ответном письме Зинаида Николаевна стала объяснять Злобину, как трудно начинать «новую жизнь», и заверяла его, что «когда все рухнет» ему будет виза, но не раньше³⁸⁰.

Тем не менее приход правительства Народного фронта к власти очень напугал и Мережковских. Узнав, что Злобин хотел «рекомендовать» Мережковского новому французскому правительству, Дмитрий Сергеевич ужаснулся от одной мысли, что новое правительство узнает, что они в Италии, — «не было бы хуже», тем более что их поездку к Муссолини не одобряла даже русская эмиграция. «Вот уже и наши еврей-благодетели губы надули, скопились», — замечает он³⁸¹. Мережковский получал пенсию от французского правительства (3 тыс. франков) и боялся, что правительство Народного фронта может отобрать ее.

Но все же перспектива возвращения в «коммунистическую Францию» заставила Мережковского серьезно задуматься о необходимости перебраться на жительство в Италию, в связи с чем Дмитрий Сергеевич даже обратился с соответствующим письмом к Б. Муссолини. Уже находясь во Флоренции, Зинаида Николаевна

писала 16 мая сестре Анне: «Мы все еще хлопочем о разрешении, хоть кое-каком, на будущее»³⁸².

Итак, в апреле 1936 г. Мережковские снова приехали в Рим, чтобы встретиться с Муссолини, но на этот раз сделать это оказалось непросто. «Сейчас увидеть Вождя, — писал Дмитрий Сергеевич в Париж, — все равно, что Наполеона во время Аустерлица».³⁸³ Прошло две недели, и уже З. Н. Гиппиус сообщала В. Злобину, что они все еще в Риме, так как «свидание» с Муссолини, которого Зинаида Николаевна также величает «цезарем», все время откладывается. Д. С. Мережковский, не теряя надежды, каждый день ходил в Министертво иностранных дел, добываясь аудиенции и одновременно оформляя визу для поездки по Италии.

Наконец 30 апреля свидание Мережковского с Муссолини состоялось, правда, Зинаида Николаевна, упоминая о нем, не рассказывает о содержании беседы³⁸⁴. Но из письма самого Д. Мережковского В. Злобину можно понять, что эта первая в 1936 г. встреча с «вождем» была недолгой. Правда, Муссолини пообещал принять писателя еще раз. О дате следующей встречи ничего не было сказано конкретно, просто Муссолини заявил, что вызовет Мережковского из Флоренции. Он просил также подготовить заранее вопросы для этой беседы.

Сообщая в Париж о своем визите к Муссолини, Мережковский на этот раз, учитывая новую политическую ситуацию во Франции, уже не просит поместить о нем информацию в парижских газетах. Но он надеялся, что если второе свидание состоится и «вождь» даст ему точные ответы, которые еще и разрешит обнародовать, то Дмитрий Сергеевич напечатает их в итальянских газетах³⁸⁵.

В ожидании второй встречи с Муссолини Мережковские не теряли времени зря. Они даже сделали членами Английского клуба, где им очень нравилось бывать. И вообще в Риме была масса интересных людей. Однако не только люди, но и сама Италия обим нравилась. Правда, здесь вкусы Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Николаевны разошлись. И каждый был прав по-своему. Так, Дмитрий Сергеевич был доволен поездкой во Флоренцию, где он был в восторге от «всяких дантовских закоулков», а для Зинаиды Николаевны Флоренция — «пустыня», «провинция». Зато ей было веселее в Риме, где она встречалась со многими интересными людьми. Один Вячеслав Иванов со своей шикарной виллой чего стоил³⁸⁶. Как вспоминала Лидия Иванова, дочь поэта, Мережковские были

у них частыми гостями во время своего пребывания в Италии в 1936 г.

Чтобы скоротать время, пока Д. С. Мережковский работал, Зинаида Николаевна буквально «проглатывала» книги, которые В. Злобин присылал из Парижа по ее просьбе и с постоянными напоминаниями Дмитрия Сергеевича. Ее привлекала развлекательная литература: детективы, романы Стивенсона. Просматривала она и французские издания. Чтобы быть в курсе событий во Франции, Зинаида Николаевна с большим интересом всегда читала французские газеты, а также русские парижские журналы «Новый град», «Новая жизнь»... Одно время они получали из Парижа даже «Последние новости» Милюкова, которые были запрещены в Италии. Злобин умудрился помещать их внутри «Возрождения», пока их уловка не была раскрыта³⁸⁷. Французский театраль- ный журнал «Маски» также занимал не последнее место в этом чтиве³⁸⁸.

Не забывали они и местную русскую диаспору и один раз посетили Русское собрание. Впечатление об этом посещении осталось нерадостным. По словам Гиппиус, это были «осколки» высшего общества, оборванные так или иначе, но сохранившие все свои «зам- шонные “принципы” (до жидоедства) и манеры». Посетили их, как писала Зинаида Николаевна в Париж, «из жалости». Вообще, по ее мнению, в Риме «нет никакой эмиграции в том смысле, как это имело место во Франции». Русская диаспора в Италии была действительно немногочисленна. По данным комиссии Симпсона (Лига Наций), на 1 января 1922 г. в Италии проживало 8–10 тыс. бежен- цев. Современные исследователи (Марк Раев) на середину 1930-х годов называют цифру 1300 человек³⁸⁹.

По сообщениям прессы, итальянское общество русскими бежен- цами с самого начала не интересовалось, к тому же рынок труда в Италии был перенасыщен, и местные русские группы, за ред- ким исключением, влачили жалкое существование, поэтому «вер- хи» эмиграции неоднократно обращались через русскую эмигрант- скую печать с призывом к русским, находившимся в других стра- нах, не стремиться в Италию³⁹⁰. Наиболее многочисленная группа русских эмигрантов (по данным на 1922 г.) собралась в Риме — сре- ди них были адвокаты, литераторы, художники. Для организации медицинской и юридической помощи здесь образовалось Земско- городское объединение (председателем был Г. И. Шрейдер). Здесь

жили дети Л. Н. Толстого, с которыми Зинаида Николаевна поддерживала дружеские отношения. Здесь имелось небольшое общежитие, где можно было жить 15 дней, если не было средств на гостиницу³⁹¹. Что они (эмигранты) представляли собой в 1930-е годы, видно из письма З. Н. Гиппиус, приведенного выше.

Добиваясь своей цели, Дмитрий Сергеевич действовал очень энергично, как он сам отзывался о своей деятельности: «Я здесь стараюсь ковать железо, пока горячо». Этому способствовало то обстоятельство, что в Министерстве иностранных дел у него был знакомый, который помогал ему. Этого знакомого Мережковский называл «важная молодая шишка — в общем большое ничтожество»³⁹². Не стоит удивляться такой уничижительной характеристике. Это было характерно для Мережковских, которые всех всегда беспощадно ругали и плохо обо всех отзывались, были невысокого мнения о своих знакомых, но тем не менее всегда их использовали. В данном случае, как считает Т. Пахмус, речь, видимо, идет о Д. А. Амфитеатрове, сыне А. В. Амфитеатрова, который в свое время, как личный охранник Муссолини, организовал встречу последнего с Б. Савинковым в Риме в 1921–1922 гг.³⁹³

Наконец, вторая встреча с Муссолини была назначена на 18 часов 3 июня, но за полчаса до ее начала тот неожиданно отменил ее и куда-то уехал. Встреча с ним была перенесена на 11 июня. На этот раз никаких неожиданностей больше не произошло. Глава итальянского правительства отнесся к Д. С. Мережковскому «как нельзя лучше» и даже, как говорил сам Дмитрий Сергеевич, «с добротой сильного и глубокого человека». Во время долгого разговора Мережковский расхваливал дуче и обещал написать книгу о нем. Содержанием беседы с Муссолини были удовлетворены и Мережковский, и Гиппиус. Вот оценка ее итогов, сделанная самим Мережковским: «Второе свидание с Вождем было очень благоприятным: он обещал меня устроить в Италии, если придется уехать из Франции, и слово свое сдержит. Прибавим еще 10 000 лир к уже полученным, так что до сентября могли бы прожить»³⁹⁴. После этой встречи Мережковский, по словам Л. Ивановой, вернулся и с большим восторгом рассказывал об этом и «почти вопил»: «Ах, Муссолини, ах, Муссолини»³⁹⁵. Кроме встречи с главой фашистского правительства у Мережковского состоялось свидание с его зятем, который даже сказал, что Италия горда тем,

что предоставила возможность жить и работать такому человеку, как Дмитрий Сергеевич³⁹⁶, пролив бальзам на душу Мережковского.

После встречи с дуче Мережковский приступил к работе над «Данте», предполагая закончить ее к весне 1937 г. и тогда же издать ее на итальянском языке в издательстве Заничелли³⁹⁷. Приехав 25 июня во Флоренцию, Мережковский вплотную засел за работу над книгой и уже к 5 июля успел написать большое предисловие под названием «Данте и мы»³⁹⁸, которое Зинаида Николаевна собственной рукой переписала с его «ужасного черновика» (около 70 страниц). Поэтому, несмотря на установившуюся жару, Д. Мережковский оставался в городе, боясь, как он выразился, что «вспорхнет и улетит его жалкая Муза-мотылек, только что начавший полетывать вокруг стола»³⁹⁹. Кое-какой материал по теме он получал из Парижа от Злобина, и работа над «Данте» продолжалась. Зинаида Николаевна как могла помогала мужу — переписывала начисто главы «Данте» и отправляла в Париж для последующего перевода. Книга была закончена в срок, но вышла она в итальянском переводе лишь в 1938 г. Итальянские газеты публиковали «хвалебные отзывы» о книге⁴⁰⁰. Но в смысле денежной компенсации из Италии они ничего не получили (видимо, Мережковский и так перебрал с авансом).

В Италии чета Мережковских прожила шесть месяцев, получив по контракту большую сумму в качестве аванса для написания книги о Данте. Это позволило им снять дачу в горах, недалеко от Рима⁴⁰¹. По свидетельству современников, чувствовали они себя превосходно. В Риме, как известно, обосновался Вячеслав Иванов, и теперь Мережковские ежедневно приходили к нему, сидели часами, разговорам не было конца. «Дмитрий Сергеевич — старый, но очень живой, полный идей и замыслов. Зинаида Николаевна — уже совсем съезжившаяся маленькая старушка, но задорная и кокетливая по-прежнему» — такими они запомнились в тот период дочери Вячеслава Иванова⁴⁰².

Беседы с В. Ивановым в 1936 г. вызывали положительные эмоции у З. Гиппиус. Там же, на вилле Вяч. Иванова, они часто встречали его однофамильца, художника Сергея Иванова. Были и ответные визиты, другие встречи. Так, в Риме Мережковские общались с иезуитами. Один из них — отец де Регис, другой — граф С. Тышкевич, создатель церкви восточного обряда. Оба они при-

ходили в гостиничный номер Мережковских «пить чай» вместе с Вяч. Ивановым⁴⁰³.

Но жизнь в Италии тогда была нелегкой. Еще в первую свою поездку в 1934 г. Зинаида Николаевна отмечала дороговизну и общала в Париж, что «деньги тают каждую минуту»⁴⁰⁴. Финансовые дела беспокоили Мережковских и во время второй поездки. По этому поводу Дмитрий Сергеевич жаловался в письме В. Злобину: «Только что начали чуть-чуть отдыхать, как опять пахло парижской нищетой незаштопанных штанов»⁴⁰⁵. Жаловалась сестре Анне, что «денег нет», и Зинаида Николаевна, объясняя в какой-то степени и причины их относительного неблагополучия: «Сербы не платили (имеется в виду государственное пособие югославского правительства. — В. Х.). Остальные наши получки — беда, ибо журнальные и другие наши еврейские “благодетели” под предлогом, что мы уехали к “фашистам”, все нам закрыли»⁴⁰⁶.

Правда, вскоре они снова были обеспечены и можно было ни о чем не беспокоиться. Во всяком случае, в августе 1936 г. даже Д. С. Мережковский считал, что денег у них достаточно, тем более что тратить их «кроме как на питание и жилье было некуда», так как из Италии ничего нельзя было вывозить⁴⁰⁷. К этому времени Мережковский успел получить чек на 8 тыс. франков от французского издателя и 7200 франков из Америки⁴⁰⁸.

Тем не менее Дмитрий Сергеевич не терял зря времени, чтобы приумножить данную сумму. Он уже нашел пути, как, например, увеличить сербскую пенсию. Оказывается, он нашел человека, «очень милого и умного», по словам Мережковского, через которого и надеялся на успех операции «Деньги». Это был югославский посланник в Риме Иван Дучич, с которым Дмитрий Сергеевич был знаком еще со времен проведения съезда писателей-эмигрантов в Белграде⁴⁰⁹. Удалось ли реализовать этот план — источники не сообщают.

До ноября 1936 г. Мережковские, путешествуя по Италии, периодически возвращались в Рим, ожидая новой аудиенции у дуче. Наконец, после долгого, мучительного и унижительного, по словам Мережковского, мытарства по Министерству иностранных дел, выяснилось, что прежним обычным путем добиться встречи с Муссолини невозможно. Дело в том, что все личные и частные аудиенции были отменены «свыше» на неопределенный срок.

Мережковскому посоветовали обратиться к самому Муссолини

с письмом, «испрашивая себе аудиенцию, как особой милости». Это подтвердил и министр иностранных дел граф Видау. По его совету Д. Мережковский написал такое письмо, в котором напомнил Муссолини о его «согласии» оказать помощь, для того чтобы он, Мережковский, мог найти убежище в Италии ввиду того, что Франции «угрожает установление коммунистического режима»⁴¹⁰.

Итак, в этот период Мережковский пишет два письма Б. Муссолини, хотя в отечественной литературе упоминается только одно, в котором он якобы излагает все свои просьбы. На самом деле речь должна идти о двух письмах. Первое, о котором практически никто не упоминает, с просьбой о предоставлении политического убежища в Италии, если во Франции победят коммунисты. И второе, написанное им по совету графа Видау, о котором упоминается выше.

К этому письму Мережковский приложил предисловие к «Данте», переведенное на итальянский язык, в котором расхваливался и Муссолини. Мережковский также просил сообщить ему, одобряет ли Муссолини то, что о нем написано, и разрешает ли напечатать. Не забыл Дмитрий Сергеевич упомянуть и о своих проектах написать сценарии фильмов «Леонардо да Винчи» и «Жизнь Данте».

Содержание письма было одобрено министром иностранных дел и через него передано дуче. При этом была достигнута договоренность, что по поводу ответа — примет ли его дуче, сделает ли ему исключение из общей отмены — Мережковский позвонит сам⁴¹¹. Увы, все закончилось полным крахом надежд Дмитрия Сергеевича. Последний раз его принял даже не министр иностранных дел, а какой-то мелкий чиновник, через которого сообщалось, что «дуче прочитал “предисловие” и письмо Мережковского к нему, что “посвящение” принято, к печати дозволено». «Что касается личной встречи, то она невозможна», — добавил чиновник⁴¹².

Д. С. Мережковский был так шокирован отказом Муссолини от встречи с ним, что ему уже, по словам Зинаиды Николаевны, «французская малина (или не малина) кажется порой малиннее»⁴¹³.

После этого им ничего не оставалось делать, как собираться назад в Париж. Единственное, что еще их удерживало, — это обратный билет, который до французской границы они хотели получить со скидкой. Однако приобрести его было непросто. Прошла неделя, пошла другая, а они все еще оставались в Риме. «Нам все обещают, и все ничего», — сообщала З. Н. Гиппиус В. Злобину. Хотя логики

в этих ожиданиях не было никакой. Те деньги, которые Мережковские хотели сэкономить, на наш взгляд, улетучились во время непредусмотренного ожидания. Но, видимо, желание пожить за чужой счет проявилось и в данной ситуации.

Правда, за это время римские писатели-фашисты организовали чествование Д. С. Мережковского в «Гранд-отеле», где на обеде собралась вся римская элита⁴¹⁴. После такой встречи уезжать уже не очень хотелось, о чем Зинаида Николаевна и сообщала в Париж⁴¹⁵.

Было еще одно событие, скрасившее однообразие ожиданий. В начале ноября 1936 г. в Рим приехал И. А. Бунин. В тот же день Мережковские встретились с ним. Во время краткой беседы Бунин посоветовал им не возвращаться в Париж. Затем Бунин побывал у Мережковских в их гостиничном номере с ответным визитом. Но, поскольку его сопровождали итальянцы, он пробыл у них недолго и поговорить им как следует снова не удалось. Договорились встретиться «без народа», но так и не смогли этого сделать, хотя еще раз они виделись у Вячеслава Иванова. А в 20-х числах Бунин внезапно уехал из Рима, чем страшно всех удивил⁴¹⁶.

Наконец билеты были получены, и утром 23 декабря Мережковские выехали. Правда, еще одна маленькая неприятность все же случилась. Перед самым их отъездом Дмитрий Сергеевич заболел гриппом. Но тем не менее утром 24 декабря они были уже в Париже и даже смогли встретить Сочельник в своей квартире. На первом же «воскреснике» после своего возвращения из второй поездки Д. Мережковский, рассказывая слушателям о своих итальянских впечатлениях, сказал: «Думал, что Муссолини способен стать воплощением Духа Земли, а он — обыкновенный политик, пошляк». Вот так резюмировал свое разочарование Дмитрий Сергеевич⁴¹⁷.

Третья поездка в Италию

Несмотря на неудачу, Д. Мережковский не оставил надежду на свидание с Б. Муссолини, и в следующем году Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна снова отправились в Италию. В свою третью поездку Мережковские отправились летом 1937 г. В середине июня благополучно приехав в Рим, они остановились в том же месте — отель «Бостон», где все было им знакомо, даже горничная была та же.

Буквально на следующий день (29 июня) Дмитрий Сергеевич встретился с министром иностранных дел Видау, который по-прежнему был очень любезен с ним, обещал оказать содействие. Однако прошла почти неделя, а из Министерства никакого ответа насчет аудиенции не приходило. Дмитрий Сергеевич начал терять надежду⁴¹⁸. Правда, еще 29 июня ему позвонил заместитель Видау, спросил, на сколько дней Мережковский остановился в Риме, сказал что-то неопределенное насчет отъезда «цезаря» и на этом все закончилось.

4 июля, в воскресенье, Мережковский пишет письмо Муссолини, собираясь на следующий день передать его Видау⁴¹⁹. Однако, видимо, понимая несвоевременность обращения (Мережковский еще не отчитался за полученные ранее 20 тыс. лир), он отложил акт передачи письма на более поздний период.

На этот раз ожидание встречи с Муссолини не омрачало настроения благодущия. Ведь Мережковские приехали еще и отдыхать. Жить в городе пока необходимости не было, да и дороговато, поэтому они решили снять дачу. В поисках дачи Мережковские вышли на владельца виллы «Флора». Но с арендой произошла целая история, не совсем верно изложенная в мемуарной литературе. Сначала ее владелец предложил Мережковскому жить на ней бесплатно. Дмитрий Сергеевич с радостью принял предложение, посчитав, что тот предлагает ему «от чистого сердца». Однако через несколько дней случилась, как выразился Д. Мережковский, «маленькая клякса». Хозяин виллы вдруг потребовал 3 тыс. лир за два месяца, после чего они стали называть его не иначе, как «жулик с «Флоры»»⁴²⁰. Правда, после некоторой торговли владелец все же уступил ее за 2500 лир. Можно представить себе, какую торговлю устроил Дмитрий Сергеевич, если он сам восклицал: «Жулик виллы устроил все за 2500 лир, но чего это мне стоило!»

Но она действительно стоила того. Вилла, несмотря на испорченный водопровод и протекавшую крышу, действительно выглядела великолепно, возвышаясь на высоте 750 метров. Дача с одной стороны в два, а с другой — в три этажа. Напротив окон комнаты Дмитрия Сергеевича виднелись окна папского летнего дворца. Вокруг дома раскинулся большой сад — «почти малиновый лес». В саду стояла беседка, где Мережковские пили кофе. Здесь легко дышалось, а главное — была тишина (исключение составляли дни, когда в доме появлялись неожиданные гости).

Конечная цена была приемлема для Мережковских, но, чтобы было еще экономнее, Дмитрий Сергеевич разрешил жить там и своему секретарю-итальянцу, и его подружке. Тем самым, как считал Мережковский, они «разделили плату за виллу на четырех, да и хозяйство должна была вести подружка секретаря». Таким образом, в данном случае Мережковский оказался очень практичным, впрочем, как всегда, ищущим выгоду.

Но случилось так, что в огромной трехэтажной вилле Мережковские до сентября оставались все же вдвоем. Иногда их одиночество нарушалось появлением нежелательных гостей. На этот раз в их число попала и Т. Варшер, которая в прошлую поездку оказала им немалые услуги. А теперь Зинаида Николаевна жаловалась, что та своим присутствием раздражала Дмитрия Сергеевича, и З. Гиппиус не могла с этим примириться. В другой раз (в августе) приезжал художник Белобородов и Преображенская, но и с ними Мережковским было неинтересно.

В июне 1937 г. Мережковский несколько раз встречался с редактором газеты «Возрождение» Семеновым, оказавшимся в Италии. Одна из таких встреч произошла у Вячеслава Иванова. Между прочим, на этот раз Дмитрию Сергеевичу не понравился и сам хозяин: «навел на него тоску» и к тому же он «плохо отзывался о своем однофамильце Георгии Иванове»⁴²¹. В сентябре, наоборот, к ним приехал Вячеслав Иванов «с компанией в пять человек». Было шумно. Но едва они уехали перед самым обедом, сильно утомив престарелую пару, как явился из Рима В. Карташев, к тому же голодный. Во время разговоров ни о ком и ни о чем не вспоминал — говорил только о себе. К счастью, он уехал в тот же вечер, на последнем трамвае⁴²². А так больше ничто не нарушало покоя Мережковских, и можно было спокойно дожидаться выхода книги «Данте», намечавшегося на 15 октября. Уезжать же до этого Мережковский считал неразумным, так как после выхода книги был повод повидаться с Б. Муссолини, о чем Дмитрий Сергеевич продолжал мечтать. Но встреча с ним уже не была для Мережковского самоцелью. Для него главное — получить еще денег. Раньше это делать было нецелесообразно, так как он еще не отчитался за полученные ранее авансом 20 тыс. лир.

Тем не менее Мережковский собирался в сентябре снова написать письма «цезарю» с просьбой выделить 20 тыс. лир в виде аванса под два возможных сценария — «Жизнь Данте» и «Леонардо да

Винчи». Но в тот момент письмо он все же отправить не решился, в душе понимая, что это пока бесполезно. Постепенно нотки пессимизма зазвучали и в его словах. «Вы совершенно правы, — писал он Злобину. — Пора кончать мой “роман” с Цезарем»⁴²³. Зинаида Николаевна была настроена пессимистично с самого начала. Еще 30 июня, буквально через неделю после их приезда в Рим, она писала: «Свидания, конечно, не будет (до того ли хозяину). Дмитрий Сергеевич обивает пороги, но я этого не понимаю: зачем, когда у него (т. е. Мережковского. — В. Х.) в руках ни книги, ни фильма — ровно ничего»⁴²⁴.

В октябре Д. С. Мережковский потерял всякую надежду на свидание, был разочарован и расстроен. Он не только не смог встретиться с Муссолини, но и не получил желаемой суммы (из-за чего, собственно, он и приезжал). Надо было возвращаться, тем более что и собственных денег у них оставалось в обрез. Одним словом, все плохо.

Эта неприятность отразилась и на взаимоотношениях с их итальянскими знакомыми. Так, незадолго до своего отъезда в Париж Мережковские навестили Вячеслава Иванова. Однако на этот раз их беседа, по словам дочери Вяч. Иванова Лидии, была натянутой⁴²⁵. Да и Зинаида Николаевна уже не так, как прежде, относилась к Вяч. Иванову, да и настроение было нерадостное.

Наступил день отъезда — билеты они взяли заранее на 20 октября. И уже на следующий день в 8 часов утра по парижскому времени Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус возвращаются во Францию⁴²⁶.

Итак, за четыре месяца их пребывания в Италии ничего не устроилось: не удалось встретиться с Муссолини, не вышла книга, на что Дмитрий Сергеевич очень надеялся.

Правда, сценарий «Данте» и письмо «цезарю» Дмитрий Сергеевич успел вручить графу Видау, с которым он часто встречался в июне—октябре, и тот обещал передать их по назначению. На этом и закончились итальянские путешествия Мережковских, а вместе с ними, вероятно, и «любовь» к итальянскому фашизму и лично к Муссолини. Во всяком случае, на этом основании исследователи творчества Мережковских сообщают о «кратком периоде их увлечений» фашизмом. Последующие негативные высказывания о Б. Муссолини должны были подтвердить эту мысль. Действительно, 16 апреля 1940 г. З. Гиппиус весьма резко отзывается о

Муссолини⁴²⁷. Однако, на наш взгляд, это не говорит об изменении позиции Мережковских, ибо трудно поверить в искренность слов Зинаиды Николаевны, если вспомнить, как она и Дмитрий Сергеевич «обхаживали» Муссолини в 1930-е годы.

ГОДЫ ВОЙНЫ

«Воскресники» в доме Мережковских накануне войны

Новый 1939 год начался с неприятностей. В дневнике Зинаиды Николаевны появились такие записи: «Очень весело. Квартира не оплачена» или «Никогда еще мы не были так бедны. За квартиру опять не заплачено»⁴²⁸.

К тому же в это время шли ежегодно возобновляемые хлопоты о пенсии Дмитрия Сергеевича, которую он получал от французского правительства (так называемые французские деньги). Надо было ходить в Министерство иностранных дел, что находилось на набережной д'Орсио, и часами просиживать в приемной⁴²⁹.

Но, несмотря на эти житейские невзгоды, жизнь продолжалась, сохранялись и традиции, особенно воскресные. Порядок воскресных дней был таков: с утра Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна ходили в церковь Св. Терезы, а днем к ним приходили гости, иногда даже раньше хозяев, если те возвращались с опозданием. Как и прежде, в доме Мережковских собирались «воскресники» (так Зинаида Николаевна называла тех, кто продолжал приходить к ним по выходным дням).

Дневник З. Гиппиус позволяет определить круг людей, общавшихся с Мережковскими в тот период. В основном это были одни и те же лица. Количественно список участников колебался в пределах 10 человек, но всегда один-два были новыми. Например, 22 января 1939 г. состоялся очередной «воскресник», на котором вместе с хозяевами присутствовало 10 человек. Среди них были Ю. Терапиано, Л. Червинская, Ю. Мандельштам, В. Емельянов, В. Мамченко, И. Одоевцева. Через неделю (29 января) гости снова собираются почти в том же составе, исключая В. Мамченко, который в тот день приболел. Зато из новых посетителей здесь находились Н. Тэффи и актриса Е. Рощина-Инсарова. Перечисляя в своем дневнике участников встреч, З. Гиппиус попутно замечает: «... все (почти) очень милы. Особенно мой друг №1 Мамченко. Хотя все —

очень малосведущи, вот горе!»⁴³⁰ Не всех Зинаида Николаевна при-вечала, так как иногда к ним заходили и люди, которых ей не хоте-лось бы видеть. Но и те, к кому она относилась доброжелательно, уже в это время особого восторга у нее не вызывали.

В своих постоянных посетителях из «молодых», а главное — в их творческом потенциале Зинаида Николаевна разочаровалась. После очередной встречи 5 февраля она делает такую запись: «“Спар-жа” (такое прозвище З. Гиппиус дала Ю. Фельзену за цвет его во-лос. — В. Х.) опять бледна (впрочем, Червинская тоже)»⁴³¹. Речь идет о стихах, которые, вероятно, прозвучали на «воскреснике». В другой раз о книге Н. Оцупа она сказала: «Какая макулатура»⁴³². И наконец, еще одна характерная запись того периода. Перечиты-вая Ибсена и сравнивая его произведения с тем, что писала «моло-дежь», опекаемая ею, З. Гиппиус вынуждена была констатировать: «...а мои “смотристы” — все это деревянные велосипедисты»⁴³³. Как видим, З. Н. Гиппиус весьма критично отзывалась о своих «подопечных».

Тем не менее она вместе с ними выходила и на большую ауди-торию. Так, 31 марта в зале Социального музея, на рю Лас-Каз, 5, состоялся вечер современной поэзии, организованный в помощь В. Варшавскому. Вечер устраивало объединение писателей и поэтов и проходило при участии Л. Червинской, Г. Адамовича, Г. Иванова, В. Смолянского и др. На нем вступительное слово о поэзии произ-несла З. Н. Гиппиус⁴³⁴.

Заходили на «огонек» к Мережковским и люди, которых Зина-иде Николаевне (как уже говорилось) не хотелось бы видеть. Это произошло, например, 8 февраля, когда среди присутствовавших на «воскреснике» оказались и двое «непрощеных», или, как вы-разилась Гиппиус, «лишние люди». К ним она отнесла Г. Раевского (младший брат Н. Оцупа, тоже поэт) и какого-то берлинца — «боль-шевиканта» (так Зинаида Николаевна называла всех лояльных к советскому режиму).

В 1939 г. среди главных тем, обсуждавшихся на «воскресниках» у Мережковских, были, конечно, и политические. Ничего удиви-тельного в том не было, ибо обстановку в мире была очень сложной. Приближалась война. Это чувствовали и эмигранты, и данная про-блема не могла не вызвать у них оживленного обмена мнениями. По воскресным дням Мережковских навещал и А. Ф. Керенский, который особенно часто бывал в июне 1939 г. Зинаида Николаевна,

которая к этому времени вновь наладила с ним дружеские отношения, встречала его приветливо. Ей нравилось обмениваться с ним политическими новостями, нравились его политические прогнозы. Его позиция, «твердая», по мнению З. Гиппиус, также «ласкала» ее слух⁴³⁵.

15 апреля главной темой разговора был декрет французского правительства от 12 апреля, который распространялся на всех лиц, пользовавшихся во Франции правом убежища, — «О привлечении к воинской повинности всех апатридов в возрасте от 20 до 48 лет». Декрет коснулся и всех «воскресников», которые также должны были быть мобилизованы⁴³⁶. 7 мая у Мережковских побывали Л. Червинская, В. Мамченко, М. Цетлин, Прокопович (врач) и «на минутку забежавший» Кальберин (сын известного киевского адвоката, поэт, давний посетитель «салона» Мережковских). Итого — пять человек. Обобщая итоги разговоров, Зинаида Николаевна записала: «Все думают, что войны не будет»⁴³⁷.

Сама З. Гиппиус очень остро реагировала на политические события: иногда с возмущением, иногда с обидой и даже с некоторым злорадством воспринимались ею шаги по сближению Великобритании и Франции с Советским Союзом. «Англия и Франция — почти уже обнялись с большевиками. Союз! Похабный. И Польша проклятая туда же. Ну и пусть!» — такую запись делает З. Гиппиус 29 мая 1939 г.⁴³⁸. Иногда, правда, ею овладевала ужасная тоска, и тогда в голову приходили мрачные мысли, а в дневнике появлялись и такие записи: «Как я завидую тем, кто давно умер, т. е. уже привык быть “там” или не быть»⁴³⁹. Между прочим, в этих строках проглядываются и сомнения в существовании загробного мира — «есть» или «нет». Ничего удивительного — время берет свое. Да, действительно, наступала старость. И того и другого уже не интересуют новые вещи: донашивают старое, штопают изношенное. 10 февраля Зинаида Николаевна записывает; «Гуляли мало и поздно, я все шила заплатки на Дмитриевы панталоны»⁴⁴⁰. 10 мая делает такую запись: «О, как я устала. . . Жить? Вероятно. . . » и добавляет: «Нет, я устала от заплат. Болит рука от починки белья, да еще неумелой»⁴⁴¹. Приведем еще одну запись того периода: «Зашила куртку Д. С. — поставила пятую заплатку одна на другую»⁴⁴². Пальто, которое носил в то время Мережковский, старое, ему лет 12, если не больше. И тем не менее Дмитрий Сергеевич был очень расстроен, когда кто-то из присутствовавших на очередном «воскреснике» по

ошибке надел это старое, но его пальто, хотя оставленное, по словам Зинаиды Николаевны, «было лучше». Итак, за модой уже не гнались, но вопросы быта их все же волновали. «Наше положение критическое, — пишет З. Гиппиус 18 апреля. — Ни гроша и не у кого занять»⁴⁴³. Даже от Злобина в этот период было мало пользы. В дневнике появилась запись такого содержания: «Володя в доме как чужой. Мы видим его только за завтраком, затем он исчезает, получив обычные 100 франков на завтрак»⁴⁴⁴. «Чем это кончится?» — задается вопросом Зинаида Николаевна. Видимо, были записи и похлеще, и не случайно некоторые страницы ее дневника оказались вырезаны, по всей вероятности, В. Злобиным уже после смерти Гиппиус. Итог мая 1939 г. в бытовом отношении был неутешительным: «... непокрытая бедность, не заплачено ни за квартиру, ни прислуге»⁴⁴⁵.

28 мая в доме Мережковских собралось необычно много народу. К приходившим постоянно на этот раз присоединились М. Алданов, В. Варшавский, даже Шаршун пришел. Набралось таким образом человек пятнадцать, не хватало даже стульев, но все были при деле. Дело в том, что в это время готовился к выходу сборник литературных материалов под редакцией З. Гиппиус и Д. Мережковского — одно из их последних крупных общественно-литературных начинаний.

Необычен подбор авторского коллектива. Обычно редактор выбирает произведение, а здесь все было наоборот. Зинаида Николаевна, а этот сборник был именно ее детищем, хотя в подзаголовке стояли два имени, наметила список авторов. Ими оказались все постоянные участники воскресных встреч в доме Мережковских: Г. В. Адамович, В. А. Злобин, Ю. К. Терапиано, Ю. Фельзен, Л. Кельберин, В. А. Мамченко, Ю. А. Мандельштам, Л. В. Червинская, а также В. И. Зензинов и Дион (Н. Д. Татищев)⁴⁴⁶. И даже если бы написанное ими З. Н. Гиппиус не понравилось, по ее словам, все равно все было бы напечатано⁴⁴⁷. На очередном «воскреснике» она вручила каждому из них конверт с приглашением («билет зеленого письма»), помеченным определенным номером (что придавало ему какую-то таинственность). Оказалось, правда, что все они — первые.

Задуман был сборник как «свободный смотр средне-молодой литературы». Отсюда и название сборника — «Литературный смотр». Авторский коллектив, за исключением двух человек, действитель-

но принадлежал к следующему за «старшим» поколением литературной эмиграции. Всего было отобрано 12 авторов.

Характеризуя участников сборника, Зинаида Николаевна одновременно как бы подводит итог всего предшествующего десятилетия творческой деятельности «молодого поколения» литераторов эмиграции. Итог оказался неутешительным. В 1920-е годы, когда еще была кое-какая возможность для них высказываться в печати, они успели проявить себя «более или менее». Но незаметно наступила другая эпоха — к середине 1930-х годов в эмиграции оказалась всего одна-единственная газета и один уцелевший «толстый» журнал, выходящий раз в три-четыре месяца. Таким образом, констатирует З. Н. Гиппиус, возможность печататься (да еще свободно) для большинства «молодых» отпала⁴⁴⁸. Стихи, правда, еще появлялись, а писатели?.. — задает риторический вопрос она и отвечает: «Они попросту замолкли».

И вот появление «Литературного смотра» — это одна из последних попыток помочь удержаться «на плаву» исчезающей эмигрантской литературе. Это был процесс неотвратимый, и, как бы ни рассуждали современные отечественные исследователи русского зарубежья о каком-то мифическом «подвиге» эмиграции, якобы сохранившей русскую литературу потомкам, к сожалению, это не так. Кроме того, никто из них не обратил внимания (или не захотел этого сделать) на произвольное признание самой З. Гиппиус, сказавшей, что той свободы, к которой они стремились и которую расхваливали в эмиграции, ругая Россию, нет еще и в Европе⁴⁴⁹.

Кстати, представляя участников сборника, З. Н. Гиппиус назвала этот сборник еще и «салонem отверженных», имея в виду участие в нем двух писателей «старшего поколения». Один из них, по словам Гиппиус, несмотря на то что его книги переводятся на многие языки, такой же «отверженный» для русской эмигрантской печати, как и молодые его коллеги по сборнику. Другой «пишет для себя», так как «терпит неудачу при попытке проникнуть в общую прессу»⁴⁵⁰.

Несмотря на такую рекламу, и эти писатели не спасли сборник. Анализируя содержание «Литературного смотра», приходится констатировать, хотя некоторым это может показаться очень резким: «Смотр» продемонстрировал полную деградацию «поколения эмигрантов», не знающих, о чем писать, лишенных национальной почвы и, следовательно, тематики. И сама З. Н. Гиппиус прекрасно это

понимала, назвав однажды творчество своих протеже «деревянными велосипедами». Одновременно, знакомясь с содержанием сборника, можно увидеть то общее, что их всех объединяло (так как все статьи и эссе разнородны по содержанию), — идея Бога, вернее, идея встречи человека с Богом. Это не было случайностью, поскольку религиозные взгляды писателей, которых Гиппиус отобрала в «Литературный смотр», совпадали со взглядами самой Зинаиды Николаевны.

Вторая половина 1939 г. была насыщена различными трагическими событиями. Одним из таких печальных событий лета 1939 г. была смерть В. Ходасевича. И хотя к этому времени отношения Мережковских с ним были уже порваны, по просьбе редакции газеты «Возрождение» Д. С. Мережковский пишет некролог, Зинаида Николаевна ему помогает.

Наступил летний сезон, но в июле 1939 г., когда все знакомые покинули Париж и перебрались на юг, Мережковские, пожалуй, впервые не смогли присоединиться к ним: не было денег не только для отдыха, но даже на оплату квартиры.

Поэтому война застала их в Париже. Еще недавно Зинаида Николаевна не верила, что война может разразиться, хотя и считала, что от Гитлера всего можно ждать⁴⁵¹. Через неделю после объявления всеобщей мобилизации в «кошмарных условиях» (по словам В. Злобина, которые приводят сегодня все без исключения исследователи, хотя Злобин не объясняет сути дела) уезжают в Биарриц. Там они останавливаются в той же гостинице, где уже жили Г. Иванов и И. Одоевцева. В гостинице было «очень мило, но дорого»⁴⁵². Лишь к концу октября им удалось найти недорогую, но подходящую квартиру, куда они и перебрались. Появились кое-какие деньги: немного от племянницы З. Гиппиус, немного — из Аргентины (гонорар)⁴⁵³.

После переезда появилась возможность ходить друг к другу в гости, правда, чаще приходили к ним «с пирогами» Ивановы. Но вскоре все надоедает, и уже 15 октября Зинаида Николаевна делает запись в дневнике: «... хочется в Париж»⁴⁵⁴, хотя реально в свою парижскую квартиру Мережковские возвращаются только в декабре⁴⁵⁵, сравнительно благополучно проведя три месяца на юге Франции.

Зима 1939/40 года проходила в доме Мережковских, по словам Злобина, под знаком «Скуки с большой буквы». К тому же в январе

1940 г. Зинаида Николаевна заболела гриппом и две недели «провалялась» в постели. Но воскресный распорядок дня, установившийся когда-то, остается прежним: в этот день в их квартире собирались друзья, правда, их уже оставались единицы. По-прежнему Мережковские перед приемом гостей совершают традиционную прогулку — маршрут один и тот же, с заходом в церковь на рю Ле Фонтэн, где находилась статуя Св. Терезы. У Зинаиды Николаевны были написаны стихи, посвященные ей, а Дмитрий Сергеевич собирался даже писать книгу о Св. Терезе.

Но их салон пустует, вынужден констатировать В. Злобин. Сама Зинаида Николаевна, вернее, ее записи в дневнике подтверждают этот факт. Характеризуя общую атмосферу парижской жизни того времени, З. Гиппиус замечает: «Сейчас русские эмигранты и друг другу ни на капельки не нужны»⁴⁵⁶. Поэтому очередная ее запись от 29 мая 1940 г.: «Мы никого не видим, кроме воскресенья, когда бывают остатки наших верных друзей, беспомощных экс-молодых литераторов — Терапиано, Фельзен, Мамченко»⁴⁵⁷ — уже не удивляет.

Иногда, правда, заходили еще братья Лифари, Зайцевы, Тэффи. Раз или два приходил «почтенный белобородый старец», бывший член Государственной думы Тесленко. К концу года неожиданно объявился новый поклонник Дмитрия Сергеевича, студент-медик, некто Николай Журавлев.

Жизнь снова вошла в свое русло. Мережковский работает. Зинаида Николаевна по вечерам запоем читает полицейские романы. Вопросы политики, казалось бы, отходят на второй план. Оккупация Польши нисколько не тронула З. Н. Гиппиус, ибо на первом месте у нее была давняя обида на эту страну. «Мне не жаль Польши», — констатировала она и объясняет причину этого: «Помимо того, что она погубила Диму (т. е. Философова. — В. Х.) и разделила нас (это лично), но она вела себя глупо и лживо (на свою голову) — от мира с большевиками в 20-м году до...»⁴⁵⁸. Таким образом, З. Н. Гиппиус не могла простить полякам заключения мира с Советской Россией и отказ поддержать планы интервенции, вынашиваемые Мережковскими всю жизнь.

Весной 1940 г. немцы вторгаются во Францию. Париж оказывается под угрозой. Друзья советовали Мережковским уехать на юг, но они колеблются, точнее, Зинаида Николаевна. По нашему мнению, она нереально оценивала обстановку. Даже в апреле 1940 г. З. Гиппиус смотрела на войну еще очень поверхностно — «ей скучно», читаем мы в «Дневнике 1940 г.»⁴⁵⁹ Правда, через некоторое время Гиппиус начинает думать уже по-иному. «Как будто разгорается», — размышляет Зинаида Николаевна. И все же в этот период для нее страшнее была не столько сама война, сколько боязнь изменения отношения демократических европейских стран к ее бывшей родине, Советскому Союзу. «Самый страшный ужас — это что в конце концов большевикам все простят»⁴⁶⁰.

Однако скорость, с которой развивались события, прямо ошеломила З. Н. Гиппиус, что она и констатировала в своем дневнике 22 мая⁴⁶¹. Еще на прошлой неделе заходили к ним Вера Николаевна и Иван Алексеевич Бунины, заглядывала иногда (так как ее не очень жаловал Дмитрий Сергеевич) и Н. Тэффи. Два раза был А. Ф. Керенский, который уже выглядел растерянным, мечтал уехать в Америку⁴⁶². Готовились покинуть Францию и другие.

Когда русские эмигранты, проживавшие в Париже, начали уезжать из города, В. Злобин активно ратовал за то, чтобы и Мережковские покинули столицу. Однако З. Гиппиус не хотела этого делать, хотя и допускала «сюрприз взятия Парижа»⁴⁶³. Ей было все равно, ее не испугала даже бомбардировка французской столицы. На отъезде настояли Дмитрий Сергеевич и В. Злобин. С большой неохотой соглашается она ехать в «этот поганый», как она его называла, Биарриц. Еще до начала паники они успели заказать «спальные места» и в среду 5 июня покидают Париж⁴⁶⁴.

Вскоре они были уже в Биаррице. На этот раз город Зинаиде Николаевне не понравился — он казался «серым, холодным». Поселились в гостинице «Метрополь», правда, комнаты были маленькие. Через несколько дней из Парижа на автомобиле приехал А. Ф. Керенский. Стало несколько веселей.

Но затем произошли резкие перемены в жизни Мережковских. Во-первых, им пришлось покинуть уютный и удобный «Метрополь», который был реквизирован местными властями «для нужд государства». Одну ночь они переночевали на вилле французско-

го писателя Ж. Дюгамеля, а затем перебрались в «Дом басков», когда-то хороший отель, теперь превращенный в приют для беженцев, или, как все его называли, «общежитие». Там они застряли надолго, тем более что и проживание стоило недорого — 70 франков в неделю⁴⁶⁵. В Биаррице была хорошая русская церковь, но Мережковские в нее не ходили. Они посещали католический костел, принося цветы Св. Терезе.

27 июня в Биаррице появились немцы. Зинаида Николаевна сразу же окрестила их «роботами». Наблюдая за ними, З. Гиппиус видела, как они ходили по магазинам, все купали и отправляли в Германию (помимо того, что брало военное интендантство).

После оккупации Франции немцы запретили все газеты, поступавшие из неоккупированной зоны, а в оккупированной установили полную цензуру. Процветал антисемитизм. В Париже немцы сами издавали «*Matin*» и «*Paris-Soir*». Местные газеты также контролировались оккупационными властями. «Мы ничего не знаем, кроме того, что говорят они», — отмечает З. Гиппиус в своем дневнике. Обратим внимание на эти слова, так как многие исследователи, начиная с эмигрантов, ссылаясь на Гиппиус, утверждают, что они вообще ничего не знали. На самом деле, как видим, информация была, но односторонняя.

Подводя итоги своего месячного пребывания на юге, Зинаида Николаевна записала в дневнике: «Погода все лучше, черных роботов, отливающих зеленкой, все больше. Выношу их все меньше. Наше положение все хуже»⁴⁶⁶.

Действительно, жизнь в Биаррице летом 1940 г. оказалась несладкой. По словам В. Злобина, «бывали дни, когда вся их еда — кофе с черствыми корками. Деньги истрачены, заработков никаких»⁴⁶⁷.

К счастью, нашелся «добрый человек», правда, сообщая об этом, В. Злобин не называет имя этого таинственного незнакомца, спасшего чету Мережковских, можно сказать, от мучительной голодной смерти. Чтобы помочь им, новые друзья и почитатели русского писателя (в их числе и некий Клод Фаррера) устаивают чествование 75-летия Дмитрия Сергеевича, что позволило собрать 7 тыс. франков. Это дает им возможность покинуть «общежитие» и переехать на небольшую, но удобную виллу, где Мережковские устраиваются не только на зиму, но и проживают там до конца июня 1941 г.⁴⁶⁸

В этот период Д. Мережковский продолжает оставаться творчески активным. Он много работает, собирает материал для своих новых книг. В Биаррице ему даже удалось заключить договор с одним немецким издательством. Правда, условия, по словам В. Злобина, были невыгодными, да и аванс — ничтожный, с уплатой в три приема⁴⁶⁹. Тогда же прочел Мережковский и несколько публичных лекций о Леонардо да Винчи, о Паскале, чем вызвал критику местных католиков. Одна из таких лекций (о Наполеоне) почему-то была запрещена местными властями⁴⁷⁰.

В этот период Д. С. Мережковский совершает поступок, опозоривший его на всю жизнь. В день, когда фашистская Германия напала на Россию (тогда Советский Союз), он, 76-летний старик, одурманенный антикоммунистической ненавистью к большевикам, выступил по местному радио в Биаррице, восхваляя Гитлера и даже сравнивая его с Жанной д'Арк. Факт, который обходят все мемуаристы, близко знавшие Мережковских (Злобин, Берберова, Одоевцева и др.). После этого выступления на какое-то время их жизнь улучшилась.

В отличие от Мережковского и Злобина, Зинаида Николаевна несколько иначе восприняла немецкую оккупацию Франции (но это только для себя — внутренне, так как внешне она во всем была согласна с Дмитрием Сергеевичем). В научный оборот введен факт о том, что 27 августа, когда Н. Тэффи зашла к Мережковским, З. Гиппиус сокрушалась: «Дмитрий все о деньгах, а я о немцах. Ругала их на чем свет стоит. Дмитрий же относится к захватчикам не только терпимо, но даже с симпатией»⁴⁷¹.

К лету 1941 г. деньги вновь иссякли, и в начале июля Мережковские были выселены с виллы за неуплату и вынуждены перебраться в меблированные комнаты на виллу «Эрмитаж», где хозяйка поверила им в долг. В августе З. Гиппиус сообщала в Париж, что они живут «на чемоданах», с едой неважно, хотя Злобин делает все, чтобы эта проблема не была очень заметна⁴⁷².

А через два месяца, в сентябре 1941 г., Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна возвращаются в Париж. В их квартире на улице Колонель Боннэ вновь стали собираться воскресные «посиделки». Но на этот раз здесь уже звучали иные голоса. Ничего не осталось от довоенного времени. Отошли в сторону по разным причинам прежние постоянные участники «Зеленой лампы». Об этом мы узнаем из записок их современников (В. Яновского, Ю. Фельзена).

Так, Ю. Фельзен в почтовой открытке сообщает В. Яновскому: «Я теперь не бываю у Мережковских. Там теперь бывают совсем другие люди»⁴⁷³.

Чтобы лучше понять позицию, занятую Мережковскими в годы Второй мировой войны, целесообразно проследить, а как же русская диаспора во Франции, и, конечно, в первую очередь парижская, реагировала на эти события.

Накануне войны и немецкой оккупации Франции там находились 64 тыс. русских эмигрантов⁴⁷⁴, значительная часть которых проживала в Париже и его пригородах. Годы войны явились испытанием для всех эмигрантов, до этого не устававших повторять о своей любви к России. Об этом периоде написано немало мемуаров. Правда, авторы их меньше всего пишут о себе, умалчивают о занимаемой ими позиции, хотя суждения других упомянуть не забывают. Так, из воспоминаний Н. Тэффи можно узнать лишь о ее болезни в 1939 г. Н. Берберова, которая много пишет о Мережковском и Бунине, также ни словом не обмолвилась о том, чем она занималась в тот период. Естественно, возникает вопрос, а каково же было их отношение к «новому порядку», ибо, когда Франция была завоевана немцами, русская эмиграция, вопреки уверениям современных отечественных исследователей (историков и литературоведов), не была «вполне единодушна» в осуждении оккупационного режима. Напротив, раздираемые внутренними распрями, многие эмигранты стремились получить поддержку оккупационных властей, проявляли лояльность к ним и при этом чувствовали себя неплохо. Вас. Яновский в своих мемуарах «Поля Елисейские» приводит слова Г. Адамовича, который передавал содержание письма одной «молодой» писательницы к Бунину в Грасс. Она приглашала нобелевского лауреата назад в Париж, уверяя, что только «теперь стало возможным настоящее объединение эмигрантов». Комментируя эти слова, Г. Адамович возмущенно и осуждающе писал: «Эта шкура еще идеологию подводит»⁴⁷⁵. Этой «молодой» писательницей оказалась Н. Берберова, что подтверждается другим источником. Позднее Роман Гуль, обозленный нападками Н. Берберовой на Бунина, называет ее имя, подтверждая данный факт.

По словам С. Ветрова, «новый порядок» не только «свихнул мозги» у руководителей эмиграции, но и привлек на свою сторону значительную часть рядовых эмигрантов. Они добровольно покидали Францию, отправляясь на работу в Германию. Эти эмигранты

демонстративно рвали французские документы и бросали их в лицо французским полицейским. Целый поезд таких добровольцев был отправлен в Германию⁴⁷⁶. Этому способствовала и политика германских властей. С осени 1940 г. немцы начали вербовать в Париже рабочих для работы в Германии. Брали всех итальянских антифашистов и русских эмигрантов. Было открыто несколько контор по найму рабочей силы по контракту⁴⁷⁷. Среди русских эмигрантов, добровольно сотрудничавших с гитлеровцами во Франции, были лица самой различной политической окраски. Германские власти использовали их в качестве переводчиков, технического персонала, иногда консультантов.

После занятия немцами Парижа «вождем» русской эмиграции стал некто Жеребков, которого М. Вишняк охарактеризовал как гитлеровского гауляйтера для русской эмиграции во Франции. Появилось особое управление по делам русских беженцев, во главе которого и был поставлен тот самый Жеребков. Издается газета «Парижский вестник» на русском языке, профашистского толка, печатавшая «острые фельетоны» В. Ильина (профессора Богословского института). По словам В. Зеньковского, Ильин в своих фельетонах, в сущности, писал доносы на своих врагов. Один из его фельетонов, «Мозги набекрень», был направлен против ректора института митрополита Евлогия⁴⁷⁸.

Не все, конечно, сотрудничали с новой властью, но их все же было меньшинство, хотя сегодня в литературе утверждается обратное. Так, В. Костиков считает, что эмиграцию в советский период несправедливо обвиняли в сотрудничестве с оккупационными властями. По его мнению, на самом деле были лишь «редкие случаи сотрудничества русских эмигрантов с оккупантами во Франции». Если верить В. Костинову, можно даже по пальцам пересчитать людей, согласившихся работать с немцами, а само это сотрудничество носило весьма ограниченный характер и, по сути дела, как он утверждает, «никогда не доходило до предательства»⁴⁷⁹. Однако его мнение расходится как с реальными фактами, так и с позицией зарубежных исследователей. Такое сотрудничество, носившее массовый характер, — общепризнанный факт, в том числе и в эмигрантской историографии. Еще в 1991 г. в журнале «Грани»⁴⁸⁰ была опубликована статья М. Назарова «Эмиграция и война», где автор пишет, что во Франции отдел РОВС зарегистрировал более 1,5 тыс. офицеров, изъявивших желание участвовать в борьбе

против большевиков. Назаров считает, что на стороне немцев было больше, чем во французском Сопротивлении. А В. Костиков, по сути дела, предлагает забыть этот факт.

Только в конце 90-х годов XX в. отечественные исследователи стали делать первые шаги по преодолению сложившегося стереотипа мышления и мифа о том, что лишь ничтожная часть эмиграции была на стороне Германии. Так, авторы монографии «Интеллигенция, эмиграция, отечество» (Иваново, 1997) О. Ю. Олейников и В. С. Мамедов уже признают, что многие эмигранты «были готовы выступить даже с оружием в руках на стороне Гитлера, видя в нем “меньшее зло”». Но эти же авторы, к сожалению, останавливаются на полпути. Они по-прежнему оправдывают эту часть эмиграции, ориентируясь в своих сообщениях на В. Костикова, для которого действия Мережковских — всего лишь невинная шалость. Вслед за ним повторяют, что коллаборационизм Мережковского, Гиппиус, Г. Иванова, И. Шмелева и других носил ограниченный, больше декларативный характер⁴⁸¹. Не хватало, чтобы и они с оружием в руках выступили против своих бывших соотечественников. С нашей точки зрения, их идеологическая и политическая поддержка гитлеровского режима в трудный для страны период и означает предательство.

Несколько изменилось положение, но и то не сразу, после нападения Германии на Советский Союз. А сначала война, начатая Гитлером против СССР, возродила утраченные было надежды «непримиримых» эмигрантов. Феликс Юсупов, вспоминая то время, считал вполне естественным, что большинство его соотечественников встали на сторону Германии. Больше того, многие из них приняли и непосредственное участие в войне против своей бывшей родины — в качестве солдат и переводчиков, — видя в ней возможность внести свой вклад в борьбу с большевизмом⁴⁸². Таких людей можно было встретить и под Ленинградом во время блокады города. Лишь наиболее здравомыслящие эмигранты нашли в себе мужество если не выступить открыто против, то хотя бы держаться в стороне от новой власти. Среди них был и В. Маклаков, который, правда, «скорее с грустью, чем с негодованием» смотрел на людей, уверовавших, что Германия борется только с большевиками, а России желает добра, процветания и свободы⁴⁸³. Тем не менее и он был арестован, хотя определенных обвинений ему предъявлено не было, и просидел пять лет в заключении⁴⁸⁴.

Еще до нападения Германии на СССР все иностранцы, в частности советские граждане, состояли на учете в полиции. 22 июня 1941 г. в 6 часов утра здание советского полпредства в Париже было оцеплено немецкими солдатами и французской полицией. Всех проходящих туда полиция арестовывала⁴⁸⁵. А после 22 июня французское правительство по приказу Гитлера порвало дипломатические отношения с СССР и отдало приказ об аресте всех русских. 30 июня во всех городах неоккупированной зоны полиция задержала всех русских или лиц, считавшихся таковыми. После проверки из 400–500 человек отбирали пять–шесть человек и отсылали в лагерь как «опасных»⁴⁸⁶. Так, в Виши было арестовано 300 эмигрантов и отправлено в лагерь (для бывших интернированных республиканцев Испании)⁴⁸⁷.

После нападения немцев на Советский Союз в среде русских эмигрантов произошел раскол. Начало было положено заявлением великого князя Всеволода Константиновича, что в данной ситуации «теряет смысл прежняя позиция эмигрантов» и что они должны быть с русскими, сражающимися за отечество.

Однако и это не отрезвило «непримиримых» борцов с коммунизмом, и заявление великого князя они расценили как «призыв идти со Сталиным»⁴⁸⁸, что, естественно, их не привлекало. Как вспоминает М. Вишняк, никому, не исключая и его самого, «не приходило в голову, что коварство Гитлера по отношению к союзному “Советскому Союзу” (так в мемуарах М. Вишняка. — В. Х.) обернется гибелью Гитлера»⁴⁸⁹. Большинство заняло «выжидательную позицию». В их числе был и С. П. Мельгунов, до конца жизни оставшийся «непримиримым» противником советской власти. Его позиция полностью совпадала со взглядами Мережковского и Гиппиус, которые, в отличие от многих эмигрантов, осознавших позднее свою ошибку, также остались непоколебимыми в своих прежних взглядах. Больше того, ослепленные ненавистью к советской власти, они перенесли ее на весь русский народ, отождествляя его с «Советами». В. Злобин подтверждает, что за границей они всячески старались «втолковать европейцам, что большевизм — опасность мировая. Но их никто не слушает... Слушает Мережковских только одна Германия»⁴⁹⁰.

Поэтому темным пятном на совести Мережковских и останутся навсегда их последние годы в оккупированной немцами Франции. Некоторые мемуаристы (М. Вишняк, Ю. Терапиано, И. Одоевцева и

др.), а вслед за ними и многие современные исследователи творчества Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус стараются если не оправдать, то, во всяком случае, отыскать причины, чтобы как-то объяснить их поведение во время войны. Если согласиться с доводами «защитников», то окажется, что все политические поступки Мережковского (а именно о его позиции должна идти речь в первую очередь, так как З. Гиппиус хотя и поддерживала Дмитрия Сергеевича в знак солидарности, но в душе, вероятно, не была согласна ни с ним, ни с В. Злобиным, «злой тенью» Мережковских) — это всего-навсего «невинные шалости» или в худшем случае старческий «маразм». Их аргументы не только неубедительны, но и противоречат истине. Так, для одних из них восхваление фашизма — это лишь «увлечение», которое просто «не украшает» Мережковского⁴⁹¹. Для других выступление Мережковского по французскому радио в поддержку нападения Германии на Советский Союз — поступок, только «из подлости совершенный», «неуклюжий реверанс» и т. п. шалости⁴⁹². Третьи оправдывают поступок Мережковского тем, что его заставила выступить в поддержку Гитлера после нападения на СССР «горечь изгнания»⁴⁹³. Хотя всем известно, что никакого изгнания не было и Мережковские сами добровольно покинули родину, не удовлетворенные условиями жизни в послереволюционной России. Постоянно посещавший салон Мережковских в Париже Ю. Терапиано, автор книги «Встречи», естественно, старается защитить З. Гиппиус и как-то оправдать ее поступки последних лет жизни и вызвать сочувствие к ней читателей. «Судьба послала З. Н. Гиппиус, — пишет он, — тяжелый и трудный конец жизни. В условиях войны и оккупации, после смерти Мережковского, больная и почти всеми оставленная — в те годы вопрос “С кем ты?” разделял людей на два непримиримых лагеря»⁴⁹⁴.

Действительно, приведенный отрывок вызывает определенное сочувствие, если не жалость к одинокой женщине. С этим можно согласиться, но заметим, что хотя это и трагично — остаться в одиночестве, но Ю. Терапиано, к сожалению, опускает целый период ее жизни — от начала войны до конца 1941 г., когда умер Дмитрий Сергеевич, период, когда прозвучало его радиообращение, заставившее отвернуться от него многих эмигрантов. Поэтому неясно, что же произошло за это время, почему вдруг все эмигранты отвернулись от них. Хотя очень тонкий намек в его рассказе все же есть. Он заключен в самом вопросе «С кем ты?». Отсюда становится

ся понятен и вывод Ю. Терапиано, «Мережковские оставили после себя в Париже пустоту — не только в замкнутом кругу посетителей их “воскресений”, но и в более широких кругах посещавших собрания “Зеленой лампы”»⁴⁹⁵ (правда, последняя уже не существовала).

Весьма противоречивы рассуждения Т. Пахмус об отношении Гиппиус к фашизму и нацизму в Германии. С одной стороны, Т. Пахмус признает, что З. Гиппиус, ненавидя коммунизм, готова была стать рядом хоть с дьяволом в своей борьбе с большевизмом и надеялась, что Гитлер поможет сокрушить большевиков и таким образом «освободить ее родину»⁴⁹⁶. Но, с другой — тут же заявляет, что, несмотря на ее желание видеть страну свободной, Гиппиус «никогда не вставала на сторону немцев»⁴⁹⁷. Она считает, что это В. Злобин силой настоял на том, чтобы Мережковский выступил с речью по радио в 1939 г., «приветствуя Гитлера. А Зинаида Николаевна, слушая накануне разговор между Злобиным и Мережковским и аргументы первого о том, что они очень нуждаются, голодают и т. п., и согласие последнего, к сожалению, не настояла на обратном — и это тоже позиция. Хотя после выступления Мережковского она сказала ему: “Мы погибли”»⁴⁹⁸. Так и случилось: почти все ее знакомые, включая друзей-евреев, отвернулись от них после речи Мережковского⁴⁹⁹.

Не находит криминала в поведении Мережковских и В. Костиков, хотя и называет их ставку на иностранную интервенцию как на «единственный путь избавления от большевизма» серьезной ошибкой. Но здесь В. Костиков заблуждается. Никакого просчета в действиях Мережковских не было. К такому концу они пришли закономерно, и удивляться этому, как делает, например, М. Вишняк, не стоит. Этот путь был их жизненным кредо, реализации которого они посвятили всю оставшуюся жизнь в эмиграции. И это невозможно оправдать никакими аргументами. Наиболее серьезные западные исследователи давно уже заметили это и признали публично. Так, Г. Струве, работа которого когда-то подвергалась критике в советский период, оценивая позиции Мережковского и Гиппиус, делает справедливый вывод: «Они были лишь последовательны и верны себе, когда в 1941 г. уверовали в спасение России при помощи Гитлера и призывали к крестовому походу против большевиков»⁵⁰⁰.

В оккупированном Париже Дмитрий Сергеевич по-прежнему много работает, гуляет вместе с Зинаидой Николаевной, которая с первого дня войны поддерживала бодрость духа Мережковского,

часто впадавшего в уныние⁵⁰¹. В последний год она особенно опекала его: не отпускала одного ни на шаг, даже к парикмахеру — боялась, что с ним что-нибудь случится. По вечерам сама Зинаида Николаевна запоем читала, как и прежде, полицейские романы⁵⁰².

Но время не стояло на месте. За три недели до своей кончины Д. Мережковский, по словам Н. Берберовой, был уже безразличен ко всему, хотя В. Злобин в своей «Тяжелой душе» утверждает обратное, что Мережковский еще писал — и к началу декабря даже закончил первую часть «Маленькой Терезы»⁵⁰³. (Книга так и не была закончена, тем не менее В. Злобин после окончания войны издает ее.)

Наступает декабрь 1941 г. 5 декабря, как всегда, Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна пошли в церковь, а накануне его смерти, вечером 7 декабря, они сидели в столовой, грелись и вспоминали о России, говорили о своей любви к ней. Но это была какая-то странная любовь, и рассказ об этом заслуживает особого внимания.

Отношение Мережковских к России

По утверждению людей, близко знавших Мережковских, в них «чувствовалась скрываемая ими страшной силы тоска по России»⁵⁰⁴. Правда, из контекста, приводимого Н. Берберовой, непонятно, по каким признакам она это определяет. Точно так же неясно, на основании чего Ариадна Тыркова делает свой, в чем-то схожий с берберовским, вывод о том, что Мережковские, хотя и поздно и ценой «мучительного опыта», пришли к «простой древней истине, что есть родина, которая зовется Россией, что все русские обязаны ее беречь...»⁵⁰⁵.

Чего стоят все эти рассуждения о любви к родине, свидетельствуют факты их поведения в самые тяжелые для страны времена. Так было в 1921 г., когда на Россию обрушилось стихийное бедствие — засуха и голод охватил самые плодородные территории страны. Тогда, в августе 1921 г., патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи и обратился с воззванием «К народам мира и к православному человеку», в котором призвал всех оказать помощь. Обратился к своим зарубежным коллегам с той же просьбой и М. Горький, и передовая интеллигенция Запада откликнулась на беду России.

Но этот призыв не коснулся души Мережковского. Больше того, в эмигрантской печати тогда же появилось открытое письмо Д. С. Мережковского к известному немецкому писателю Г. Гауптману по поводу обращения последнего к западноевропейской общественности с призывом поддержать попавший в беду русский народ. Мережковский порицал Г. Гауптмана за этот призыв, заявляя, что «гибель этих миллионов нас не пугает». Он осуждал Гауптмана за то, что тот поверил в искренность обращения Горького к своим западным коллегам. Точка зрения Мережковского: «Горький — не друг, а враг, злейший враг русского народа», и он осуждал Гауптмана за его поступок⁵⁰⁶, считая, что тем самым Европа встает на путь признания большевиков де-юре. Так в самое тяжелое для России время Мережковские, по сути дела, отвернулись от своего народа.

И позднее, после признания на Западе Советского государства, он продолжал стоять на своем. 16 мая 1922 г. (в период работы международной конференции в Генуе) ряд эмигрантских газет («За свободу», «Последние новости», «Сегодня») перепечатали обращение Д. Мережковского к папе римскому Пию XI, опубликованное во французских газетах в связи с позицией, занятой Ватиканом по отношению к Советской стране. На этот раз Мережковский осуждал католическую церковь за ее «лояльное отношение», пытался через общественное мнение «раскрыть» глаза западному миру на «деяния» большевиков, свидетелем которых якобы был он, покинувший Советскую Россию «лишь с целью посвятить свои силы раскрытию правды»⁵⁰⁷. Известно, что в ответ на это церковь издает, по словам В. Злобина, «совершенно непристойную по грубости» брошюру⁵⁰⁸ с критикой позиции Мережковского.

Но ничто не может остановить «борцов за свободу России». Снова появляется открытое письмо Мережковского, на этот раз редактору парижской газеты «Ля Орде» Э. Бюро, на ту же тему. Ополчились Мережковские и на Герберта Уэллса, побывавшего в Советской России и изложившего на Западе свое понимание перспектив развития нашей страны. Такая позиция не удовлетворила Мережковских. Зинаида Гиппиус в ответ даже опубликовала статью «Роман о мистере Уэллсе», где попыталась доказать, что писатель не прав в своей оценке. Для доказательства она рисует картину жизни Петрограда послереволюционной поры «с грабежами, голодом и террором», приписывая все это новой власти⁵⁰⁹.

Комментируя события этого периода, В. Яновский в своих воспоминаниях пишет: «Считалось, что он (Мережковский) боролся с большевиками и марксизмом, хотя во время нэпа вел переговоры об издании своего собрания сочинений в Москве»⁵¹⁰. Факт, больше никем не упоминавшийся, но весьма характерный, по нашему мнению, для Мережковского и правдоподобный. Оба они (и Зинаида Николаевна, и Дмитрий Сергеевич) были меркантильны до крайности. Эту черту известной четы подчеркивали и Г. Адамович, и Б. Зайцев, а еще раньше, в России, о ней упоминал К. Чуковский. В них всегда присутствовало не только духовное начало. В жизни они были, по свидетельству современников, очень «жизненными». А в 1938 г. сама Зинаида Николаевна в письме Мамченко признавалась, что всю жизнь у нее было «особенное, даже преувеличенно тонкое, отношение к “деньгам”»⁵¹¹. Находясь за границей, свои гонорары оба предпочитали получать только в долларах. Глеб Струве писал 7 апреля 1922 г. своему отцу, П. Б. Струве, о необходимости привлечения новых сотрудников в издаваемый ими журнал и объяснял причину: «Все эти господа в отличие от гг. Буниных и Мережковских будут рады гонорару в чешских кронах»⁵¹². Неприглядно выглядел Мережковский и в полемике, возникшей по его инициативе в эмигрантской прессе, между ним и известным российским издателем З. И. Гржебиным в рассматриваемый период.

Гржебин в силу объективных причин (из-за нехватки бумаги и топлива в России) временно перенес свою издательскую деятельность за границу — сначала в Стокгольм, где издает около 20 книг, а затем перебирается в Берлин. Вся печатная продукция отправлялась в Россию и в продажу за границей не поступала. Видимо, именно это и вызвало раздражение у Мережковского, который в газете «Последние новости» выступил с нападками на З. И. Гржебина, называя последнего «литературным паразитом», который якобы, пользуясь нуждой русских писателей в России, покупал за бесценок их сочинения. Хотя на самом деле все было как раз наоборот — издатель помогал им выжить. Сам Гржебин в ответ на обвинения в свой адрес прислал письмо в «Последние новости», которое, к сожалению, не было там напечатано. Но его опубликовал профессор Ященко в «Новой русской книге». В приведенном письме опровергается утверждение Мережковского. Оказалось, что на самом деле Мережковский продал ему свои избранные сочинения еще в 1918 г. и тогда же получил от Гржебина деньги, которые в переводе

на иностранную валюту составляли не 50 франков, как утверждал Мережковский, а 1,5 тыс. фунтов, или 75 тыс. франков. В письме Гржебина вскрывается и другой неблагоприятный поступок самого Мережковского, который после заключения договора с Гржебиным продал те же сочинения другим издательствам. Пытался продать и Государственному издательству. Так же поступила и З. Гиппиус. Она продала свои стихи Гржебину в 1918 г., деньги получила, а материал не сдала. Попутно выяснилось, что не лучше поступил и Куприн, который ранее проданное другому издательству сочинение продал еще и Гржебину⁵¹³. В ходе возникшей полемики Мережковский попытался отместить обвинения Гржебина, опубликовав ответное письмо в газете «Общее дело». Однако письмо звучит неубедительно и не опровергает факты, изложенные Гржебиным. Таким образом, этот поступок писателя больше характеризует отрицательно самого Мережковского. Тем более, что его обвинения опровергает и А. Ремизов, приславший свое письмо в защиту З. Гржебина в редакцию «Новой русской книги». А. Ремизов подтверждает, что в годы «бедовые» — 1918–1919-й, когда русские ученые и писатели «определены были в третью категорию и подыхали, как в ту пору лошади», Гржебин спасал их от голодной смерти⁵¹⁴. В ответ З. Гиппиус и Д. Мережковский обрушились на Ремизова с обвинениями в большевизме⁵¹⁵.

В 1927 г. З. Н. Гиппиус отказалась отвечать на вопросы анкеты, которую редакция газеты «Дни» распространила среди писателей-эмигрантов. Анкета содержала всего два вопроса: 1) что Вы думаете о художественной литературе в Советской России? 2) кого из советских писателей Вы считаете людьми талантливыми или подающими надежды? Свой отказ Зинаида Николаевна мотивировала тем, что в Советской России якобы «все пишут под дулом пистолета»⁵¹⁶. Конечно, настоящая причина этого отказа была иная. На самом деле для нее признать новую литературу на родине означало бы примириться с советской властью. А этого она сделать не могла, ибо считала это ниже своего достоинства. Нельзя, однако, не обратить внимание на ее негативное отношение к литературной жизни Советской России уже с первых месяцев их пребывания в эмиграции. С самого начала жизни за границей З. Гиппиус утверждала, что творчество в новой России невозможно, а потому она не признавала таких поэтов, как Пастернак, Маяковский. Для нее и М. Горький — «конченный человек». Позднее Г. Струве, анализи-

руя ее позицию по данному вопросу, подметил, что на самом деле Гиппиус не дала себе труда ознакомиться с советской литературой и ее отношение к ней определялось общим отрицанием всего советского⁵¹⁷,

Вот почему она осуждает и тех, кто возвращался в Россию, и тех, кто симпатизировал ей, и даже тех, о ком она считала, что он симпатизирует Советам. И ко всем относилась без всякого уважения. Она была против лозунга журнала «Версты» — «Лицом к России!» — и всех, кто его поддерживал, «охамила» (по свидетельству М. Слонима). Досталось, как уже было сказано А. Ремизову, М. Цветаевой, Д. Святополк-Мирскому, о позиции которых она отозвалась как о «большевистской заразе»⁵¹⁸. В августе 1926 г. появилась ее рецензия о «Верстах». Анализируя содержание сборника, З. Гиппиус (А. Крайний) отмечала, что в нем, за исключением двоих (Цветаевой и Ремизова), печатаются советские писатели. Поскольку официальная позиция «Верст» — «Лицом к России!», ее вывод категоричен: «“Версты” серьезного значения не имеют. Можно ли найти Россию, идя к Советам?» — спрашивает Гиппиус и сама отвечает: «К России, к ее искусству, к живому духу ее — идти надо, даже не к ней — надо идти вместе с ней. А идти вместе с Россией сегодня — это значит идти против разрушителей ее тела и души» (т. е. против нынешней России). Вообще-то, Россия для нее нечто абстрактное, и народ российский для нее также ничего не значит, ибо о нем (о народе) она и не вспоминает. Оценивая позицию Мережковских, М. Слоним справедливо писал в те дни: «Они не Россию любят, а свою мечту о прошлом России»⁵¹⁹.

И на этом фоне примечательны ответы ряда писателей-эмигрантов на вопросы упомянутой анкеты. Вот что сказал Д. Г. Резников: «Вопреки распространенному у нас мнению об отсутствии в Советской России хороших писателей и настоящей литературы, я думаю, что они не только существуют, но и писатели там хорошие, и литература неплохая»⁵²⁰. Не менее выразителен был и ответ А. Куприна: «Пишут там хорошо и нехорошо... Но многие пишут очень хорошо. Это происходит не оттого, что они под сенью большевизма, а оттого, что нутро русского народа полно талантами»⁵²¹.

Свое отношение к России З. Гиппиус ясно и недвусмысленно излагала в одном из писем П. Милюкову (письмо, к сожалению, без даты, но ориентировочно можно определить время его написа-

ния — скорее всего это 1925 г.). Для нее «Россия (как всякая другая страна) — не территория, не правительство, даже не народ... Россия — дух, определенно и неопределенно себя довлеющий, не хороший, не дурной, — просто свой, единственный и вечно творящий свою плоть»⁵²², т. е., как видим, нечто абстрактное. А народ для нее — темная масса, некультурная, замкнутая «в своем сельском мире»⁵²³, отождествляемая и Мережковским с большевизмом, борьбе с которым они посвятили свою жизнь.

Для этого они и создали миф о «третьей России», который нужен был им для «самоуспокоения». Придумав этот термин, Мережковские и пытались обосновать свою «значимость для будущей России». Теперь они могли утверждать, что русская эмиграция — это «исход русского народа», а следовательно, и призывать к действиям, чтобы «сохранить зарубежный народ»⁵²⁴. Так возник миф о несчастных, изгнанных жестокими большевиками людях, повторяемый ныне апологетами первой волны эмиграции 1917–1920 гг. Можно много говорить и писать «за» и «против» этого тезиса, но лучше того, что сказал по этому поводу И. А. Бунин, вряд ли кто напишет. В речи, произнесенной 16 февраля 1921 г. в Париже, он заявил: «Мы не изгнанники, а именно эмигранты, т. е. люди, добровольно (подчеркнуто мной. — В. Х.) покинувшие родину. Мы не приняли новую власть и ушли на чужбину».⁵²⁵ И особенно хорошо представлял эту разницу (между изгнанными и эмигрантами) Михаил Осоргин, который в своей автобиографической повести «Времена», подчеркивая психологическую пропасть между высланными и эмигрантами, писал: «Они (т. е. эмигранты) отреклись от России, — мы остались тесно с ней связанными; они видели только кучку властителей, одинаково и им и нам ненавистных, — мы видели и знали новых людей... видели народ, пробудившийся к сознательной жизни, огромные возможности расцвета этой жизни»⁵²⁶.

Этого не хотели видеть те, кто считал себя «ответственным за судьбы отечества» и пытался организовать борьбу с большевиками. Но многие трезвомыслящие люди, оказавшиеся на чужбине, не могли не отдавать себе отчет в том, что они теряли. Конечно, и они не сразу разобрались в сути происходившего на родине. Но размышления приводили их к выводам, неприемлемым для политической эмиграции. В этом отношении весьма примечательны рассуждения А. А. Гвоздинского, сына драгомана императорского российского посольства в Турции, относящиеся к начальному периоду

эмиграции. Он признается, что к России у него «такое странное и сложное чувство», что ему самому сложно в нем разобраться. Тем не менее он уловил главное, что произошло на родине и что теряли те, кто добровольно покинул ее, и его характеристика политической эмиграции так же точна, как выводы М. Осоргина, к которым тот пришел, правда, уже в конце жизненного пути. Разница заключается в том, что Гвоздинский свое отношение к реальной жизни изложил в самом начале трагического пути эмигранта. Считаю целесообразным привести его слова полностью, не нарушая логики размышлений и понимая, что для читателя будут более убедительными слова первоисточника, чем авторский пересказ. «Вся эта эмигрантская масса, — пишет А. Гвоздинский, — которая порой называет себя “цветом России”, — есть бывшая, погибшая Россия, люди прошлого, а не будущего. Они так до сих пор и не знают по настоящему, что произошло в России и что там происходит; они знают, что там есть чрезвычайки, есть вша и сыпняк, нет фабрик и хлеба.

Но они совершенно не знают той глубины, ужасно глубокой перемены, которая произошла во всем строе мыслей и чувств народа, живущего сейчас в Совдепии. С этим надо считаться, придется неизбежно считаться, прежде чем твердить “борьба продолжается”»⁵²⁷.

Реалистом был и Г. Федотов, который, оценивая все происшедшее в эмигрантской среде, писал: «Оглянемся вокруг нас. Мы живем среди людей, сделавших их отрицание большевизма своей профессией борьбы с ним. Они живут идеей “фикс”: политическая борьба с большевизмом подчинила все остальные ценности, даже самые духовные, этой борьбе». Причем борьба эта шла «не за свободу и даже не за Россию, — а за свою Россию, Россию своих воспоминаний и грез — против России сегодняшнего дня»⁵²⁸. Заметим, что эти слова Г. Федотова звучали тогда, когда многие эмигранты повернули свои головы в сторону черных сил фашизма, готовившихся к нападению на ту страну, которую они покинули.

В числе тех, кто повернулся в сторону нацизма, оказались и Мережковские. Учитывая их политическую позицию, удивляться не приходится. Правда, для некоторых их знакомых, как, например, М. Вишняка, этот поворот оказался неожиданным. Конечно, М. Вишняк мог и не знать о письме З. Гиппиус к В. Мамченко в октябре 1938 г., позволяющем увидеть истинную позицию Гиппи-

ус по отношению и к Гитлеру, и к своей стране. С одной стороны, З. Гиппиус действительно весьма критически отзывается о нацизме, но с другой — для нее «Гитлер — лучше» (меньшее зло для нее, чем большевизм). Ненависть к новой власти на родине затмила разум, вот почему она пишет, что «никаких татарских завоеваний или гитлеровских (последние гораздо хуже) не боится, или боится меньше, чем того, что идет в России. . . что оно уже есть»⁵²⁹. «Дневник 1939 г.» свидетельствует о том, что и в 1939 г. Гиппиус остро и болезненно воспринимала всякое упоминание о Советской стране. 20 мая она записывает: «Газеты так однообразны. И это танцевание перед Советией так называемых стран “демократических”. Позор и ужас»⁵³⁰. Она внимательно следила за всеми политическими событиями, в которых участвовала ее бывшая родина, в том числе и в августе, когда в Москве шли англо-франко-советские переговоры, на которые Гиппиус реагировала весьма болезненно. В ее дневнике появилась такая запись: «Почти до дрожи доводят такие вещи, как восхваление “справедливой” (в кавычках у Гиппиус. — В. Х.) войны, которую будут вести большевики в союзе с Францией и Англией — за свободу, против фашизма с его рабством и варварством»⁵³¹.

И после начала Второй мировой войны отношение З. Гиппиус к Советской России не меняется. Об этом свидетельствует дневниковая запись Зинаиды Николаевны. Она по-прежнему воинственно настроена, тем более что события конца 1939 г. (советско-финская война), казалось бы, подтверждали ее правоту. Она презрительно отзывается о русском народе, невысокого мнения о Красной Армии. В письме к Грете Геррель (шведской художнице, ее хорошей знакомой) 19 декабря 1939 г. она пишет: «Подумайте, все 20 лет, что мы в Европе, мы пишем, кричим, умоляем, взываем к людям проявить внимание. Мы говорим им правду, рассказывая, что такое большевизм и как он был насажен в России Германией и там омыт ею. Они не желали нас слушать, несмотря на известность Дмитрия.

Поняли и поверили единицы, тогда как целые страны продолжали думать, что Россия с ее большевизмом — это не то, что ее касается. Теперь, только теперь открывается весьма простое обстоятельство, что без большевизма и его дьявольской работы никогда бы не было ни одержимого Гитлера, ни этой ужасающей войны.

Дай бог, чтоб было еще не поздно! До сих пор мир дрожит перед Красной Армией, в страхе *перед количеством* (курсив Гиппиус. — В. Х.): как не понять, что эта армия сотворена из глины, а не из

железа, что это полчище одуревших невежественных рабов, прущих вперед под пулеметами сзади (точно как в 1918 г.), неотступно преследуемых страхом»⁵³².

Цитата получилась длинной, но зато она позволяет оценить позицию З. Гиппиус объективно, без навязывания взглядов исследователей ее жизни и творчества. Так на протяжении всех лет жизни в эмиграции ни Дмитрий Сергеевич, ни Зинаида Николаевна не изменили своей категорической неприязни всего советского, в том числе и русского народа. В это время она о своей родине уже говорила «они». «Для нас (кучки трех-четырех эмигрантов) все люди всех стран мира (б. России не исключая) сделались “они”. За этим “они” можно наблюдать, а можно не наблюдать. Всегда эта “реальность” может коснуться нас боком и снести, как кучку пепла, даже неприметно ни для кого. Говорю вообще о русских эмигрантах и жалею, что не многие это понимают. Да, именно кучка пепла...»⁵³³ В том-то и дело, что не было у них настоящей любви к России, что подтверждают все ее прямые высказывания, а не мифическое прочтение между строк в ее последних стихотворениях, как пытаются делать некоторые исследователи.

К сожалению, и сегодня еще многие не осознают разницы между беженцами и эмигрантами, рассматривая всех оказавшихся за границей как изгнанников, безвинных жертв деспотического режима. Иначе не задавались бы вопросом, как это делает, например, В. Лавров: как в Гиппиус сочетается вроде бы сильная любовь к России с искренним презрением к ее народу⁵³⁴. На этот вопрос ответили сами эмигранты: «Они не Россию любят, а свою мечту о прошлом России». Больше того, на наш взгляд, трагизм Мережковских был в том, что они любили только себя, и не случайно А. Тыркова, упоминавшая о «тоске Мережковских по родине», не замечая противоречий в своих рассуждениях о них, удивительно точно подметила, что «события мелькали, не задевая сознание этих двух выдающихся русских интеллигентов»⁵³⁵. По этому поводу давно и однозначно высказался и сам Д. Мережковский: «Я люблю свободу больше, чем родину»⁵³⁶. Но и свободы, той, за которой они погнались, на Западе не оказалось, и этот факт вынуждена была признать Зинаида Николаевна в 1939 г. накануне Второй мировой войны.

Вынужденное одиночество (Последние годы жизни З. Гиппиус)

Время неумолимо отбивало свои склянки. 7 декабря 1941 г. в 9 часов утра умер Д. С. Мережковский, как сообщают некоторые источники, «умер, сидя перед камином»⁵³⁷. На самом деле это произошло несколько иначе. В воскресенье 7 декабря Дмитрий Сергеевич встал около 8 часов утра, умылся, зажег электрический радиатор в гостиной и сел в соломенное кресло около камина. Здесь его застала находившимся без сознания пришедшая горничная и подняла тревогу. Мережковского переложили в кровать и вызвали доктора, который по прибытии в дом констатировал «кровоизлияние в мозг». Через полчаса после ухода врача Дмитрий Сергеевич умер, не приходя в сознание⁵³⁸.

Время взяло свое, за три недели до своей кончины он уже был безразличен ко всему и всем (в том числе и к Н. Берберовой, которая вспоминает этот период), хотя В. Злобин утверждает, что Мережковский еще что-то писал. На похоронах Д. С. Мережковского, как утверждают современные исследователи, ссылаясь на Н. Берберову, было много народу. К сожалению, Н. Берберова, вероятно, из лучших побуждений, явно преувеличивает, называя цифру 80, хотя сама реально смогла вспомнить 13 человек⁵³⁹. Последняя цифра больше соответствует действительности и подтверждается другими источниками, например Б. Зайцевым, писавшим, что на отпевании Мережковского в церкви на улице Дарю было человек пятнадцать⁵⁴⁰. Панихиду отслужил двоюродный племянник Д. С. Мережковского Дм. Клепинин «при почти пустой церкви», как сообщает Ю. Терапиано. Потом Мережковского повезли в Сен-Женевьев-де-Буа — без всякого сопровождения, что подтверждает слова Ю. Терапиано о том, что Мережковские оставили в Париже после себя пустоту.

5 сентября 1942 г. на деньги французского издателя открыли памятник Мережковскому в Сен-Женевьев-де-Буа. На его открытии также собралось не более десятка людей — в основном те же, что присутствовали и на похоронах: «старики и старухи из Русского дома». Речей было немного: выступили Миллиоти (по-французски), Шюдеваль (по-французски). Несколько слов по-русски сказал и Борис Зайцев. Слушавшая эти выступления Зинаида Николаевна выглядела неважно, «страшно старая, совсем прозрачная»⁵⁴¹.

После смерти Д. С. Мережковского в доме З. Гиппиус внешне ничего не меняется. Однако Зинаида Николаевна замыкается в себе и даже помышляет о самоубийстве. Ей холодно и одиноко. Мир для нее ледяная пустыня⁵⁴². Зинаиду Николаевну без Дмитрия Сергеевича почти невозможно себе представить. И через десять месяцев после его смерти она пишет, что жизнь ее кончена, хотя в ее доме по-прежнему собираются «на чай» от 5 до 8 часов по воскресеньям, правда, уже единицы. «Я пока еще живу физически — только, а потому смерти моей другие не видят, не понимают и не могут понять»⁵⁴³.

Но понемногу она стала оживать. По-разному пишут о жизни Гиппиус в этот период В. Злобин и Н. Берберова. Первый представляет Зинаиду Николаевну активной, работоспособной. У Берберовой же она другая. В марте 1942 г. Н. Берберова пишет: «ЗНГ сидит у себя, на двери надпись: “Ключ под ковриком”. Она ничего не слышит. Злобин в бегах — за продуктами. Она сидит и ждет или что-то читает. Ночами кричит и бегаёт по комнате»⁵⁴⁴.

Осенью 1942 г., в октябре, Зинаида Николаевна принимает гостей: собрались Тэффи, Берберова, Лорис-Меликов и еще несколько человек, которых Н. Берберова не смогла, а может быть, и не захотела вспомнить⁵⁴⁵. Тогда же, в октябре, состоялась премьера в русском драматическом театре пьесы А. Грибоедова «Замужняя невеста» в постановке Ю. Анненкова. В числе других на премьере присутствовала и Зинаида Гиппиус⁵⁴⁶.

Среди постоянных посетителей Мережковских в годы войны была Н. Тэффи. Правда, при жизни Дмитрия Сергеевича, который, по словам В. Злобина, недолюбливал ее, она не часто бывала. Видимо, и Зинаида Николаевна под его влиянием не очень охотно с ней общалась в тот период. Но после смерти Мережковского ее отношение к Тэффи изменилось. З. Гиппиус сближается с ней, и, как пишет сама Тэффи, «завязалось у них нечто вроде дружбы». А дружбу с Зинаидой Николаевной Н. Тэффи ценила⁵⁴⁷. Быть может, поэтому в своих воспоминаниях она не все рассказала. Это видно из ее письма Г. Адамовичу, написанного в ответ на обвинения В. Злобина в ее адрес. Злобин утверждал, что Тэффи в своих воспоминаниях в «Новом русском слове» от 29 января 1950 г. написала пасквиль о Мережковском и Гиппиус, стремясь показать, по его словам, что они — люди холодные, неспособные к любви⁵⁴⁸.

Тэффи признается, что ей было интересно с Гиппиус. Беседы в основном касались литературы, часто и много они говорили о поэзии и поэтах. Обе одинаково признали лучшим поэтом эмиграции Георгия Иванова⁵⁴⁹.

Сойдясь с З. Гиппиус, Н. Тэффи увидела ее с другой стороны. «Привыкнув ко мне, она перестала “играть” и фокусничать, была собеседницей умной, чуткой и всегда интересной. Она даже бросила свой прежний, всегда раздражающий тон, которым она давала понять, что у них с Дмитрием Сергеевичем давно все вопросы решены, все предусмотрено и даже предсказано». Правда, замечает Тэффи, «предсказания эти большей частью делались и записывались задним числом», и тут же добавляет: «Ну, да это простительно»⁵⁵⁰. Может быть, и так. Но вот другое вряд ли можно было простить, и сама Тэффи об этом не забывала.

Н. Тэффи, вспоминая минувшие дни, когда она довольно часто общалась с Мережковскими, подмечает одну негативную черту характера Зинаиды Николаевны, запомнившуюся ей в Биаррице во время болезни (в «Дневнике» Гиппиус просто констатируется: «Тэффи слегла» — и все). Сама Тэффи пишет об этом достаточно подробно, освещая и роль Гиппиус. Как известно, сначала все они жили в гостинице «Мезон Баск». Затем Мережковским, как мы знаем, повезло. Они нашли чудесную виллу с ванной, с центральным отоплением. А Тэффи жила в квартире без всякого отопления, где вода стояла прямо на полу. В результате она простудилась и слегла.

Справедливости ради надо признать, что Зинаида Николаевна навещала больную Тэффи, но каждый раз «с остро-садическим удовольствием рассказывала, как она каждое утро берет горячую ванну», но ни разу не пригласила Тэффи к себе, хотя у них была пустая комната⁵⁵¹.

И это был не единичный случай. Та же Тэффи рассказывает о Гиппиус следующее. В тот период всем жилось голодно, и Гиппиус, посещая Тэффи, «с такой же садической радостью рассказывала, что Злобин добыл кролика “огромного, как свинья”. Причем рассказывала это несколько раз подряд. На вопрос, зачем она это делает, Гиппиус отвечала: “Так. Я люблю посмотреть, что из этого получится”»⁵⁵². Эта привычка появилась еще в дореволюционном Петербурге. Н. Тэффи наблюдала и другие случаи, когда З. Гиппиус явно издевалась над другими. По словам Н. Тэффи, Зинаиде Николаевне «хотелось быть непременно злой. Поставить

кого-нибудь в неловкое положение, унижить, поссорить», а потом наблюдать за реакцией собеседника.

11 ноября 1942 г. Зинаиду Николаевну постиг еще один удар — умерла ее сестра Анна. Но она стойко переносит и эту утрату. Несмотря на свой возраст (ей было уже 72 года), З. Гиппиус понемногу приходит в себя и начинает писать книгу воспоминаний о Дмитрие Сергеевиче и о себе, которую хотела назвать «Он и мы», но по настоянию редактора книга, подготовленная В. Злобиным, вышла под названием «Д. С. Мережковский».

К этим воспоминаниям Гиппиус приступила, как она сама пишет, «из чувства долга». В книге «Д. С. Мережковский» она очень мало касается событий эмигрантской жизни — затронут лишь начальный период — их пребывание в Польше. А ведь они прожили в эмиграции четверть века. И, видимо, не случайно отзывы современников на эту книгу З. Гиппиус были самые различные — от очень резких, негативных до доброжелательных (меньшинство). Так, по оценке Н. Берберовой, эта книга (сведение счетов, список обид), особенно последние 15 страниц, — «бормотание лунатика, потерявшего связь с действительностью»⁵⁵³. Оценка, скажем, не совсем справедливая, и В. Злобин, который первым ознакомился с воспоминаниями Зинаиды Николаевны и готовил их к изданию, не случайно уточняет, что Гиппиус «кое о чем не то что забывает, а сознательно умалчивает»⁵⁵⁴. Непосвященным, как это случилось с Н. Берберовой, могло показаться иначе.

Невысоко оценивается и литературная сторона этого произведения. Ариадна Тыркова считает, что книга ниже всего того, что Гиппиус написала раньше. Наверно, прав Г. Струве, который, обобщив все мнения, сказал следующее: «Книга писалась в трудных — материально и психологически — условиях военного времени во Франции, и в ней историку литературы придется делать больше поправки на пристрастность и даже озлобленность мемуариста»⁵⁵⁵.

В этот период Зинаида Николаевна много работает и над другими вещами, по старой привычке ночью, выкуривая массу папирос. Тогда же появилась и ее поэма «Последний круг», которую она без конца переделывала. По мнению Т. Пахмус, посвятившей изучению творчества З. Н. Гиппиус много лет, «Последний круг» представляет собой поэтическое резюме религиозной мысли Гиппиус: «Любовь как высшая ценность в жизни соединяет Небо и Землю в одно неделимое целое; она стирает все противоречия, уничтожает все пре-

пятствия. Путь к Любви лежит через “чашу испытаний” и через смирение, принятие на себя креста страдания во Времени»⁵⁵⁶.

Такой была и ее земная любовь, за которой стояла личная трагедия Зинаиды Николаевны. Долгое время это была тема-табу. Один В. Злобин осмелился затронуть тему, которая не обсуждалась никогда открыто, — о неразделенной любви к Дмитрию Философову.

3. Гиппиус и Д. Философов: отблеск былой любви

Нельзя обойти вниманием и ее отношения с Д. Философовым, к которому Зинаида Николаевна относилась по-особенному и которого она, по всей вероятности, по-настоящему любила до конца его жизни, т. е. даже после их расставания в 1920 г. И когда в начале января 1922 г. Д. Философов приезжал по своим делам в Париж, для него была приготовлена комната в доме Мережковских. Правда, тогда он предпочел остановиться в гостинице⁵⁵⁷. И все же связь с ним не обрывалась и в 1930-е годы: они вместе редактировали выходивший в Варшаве журнал «Меч». Правда, Д. Мережковский часто спорил с Д. Философовым по поводу публикуемых в нем материалов.

Смерть Д. Философова в курортном польском городке Отвоцке 4 августа 1940 г., по свидетельству В. Злобина, потрясла Мережковских. О ней они узнали 22 августа, встретив на улице во время своей очередной прогулки Я. Меньшикова, которого, кстати, З. Гиппиус совершенно не переваривала. Еще недавно В. Ф. Нувель, ближайший сотрудник С. Дягилева и старый друг Дмитрия Сергеевича, сообщал ему, что Философов жив, но безнадежно болен⁵⁵⁸.

В 1940 г. Зинаида Николаевна часто вспоминает Д. Философова, о чем свидетельствуют многочисленные записи в ее дневнике. Потеря близкого человека, надвигающаяся старость, война — все перемешалось. Ее охватывает отчаяние, что выразилось в последних строках «Дневника 1940 г.»: «Кольцо жизни стягивается. Да, я ничего не понимаю!» — восклицает в конце З. Гиппиус. На этом ее дневниковые записи заканчиваются. Символичны и приведенные ею здесь же строки из «Пера Гюнта» Г. Ибсена:

«Где б ни был ты — Господь тебя храни// А если ты уж там — к тебе приду я», после чего добавляет: «Да, приду. А если и не приду — ведь я этого не узнаю»⁵⁵⁹. Последние слова, между прочим,

свидетельствуют о том, что З. Н. Гиппиус уже не верит в загробное существование, хотя всю свою жизнь не расставалась с Богом.

После смерти Д. Философова обрывается последняя нить, связывавшая З. Гиппиус с ее прошлым. Впоследствии В. Злобин найдет в бумагах Зинаиды Николаевны тетрадь, в которой была надпись: «Отдать Д. В. после» (т. е. после ее смерти). А ниже приписка чернилами: «Некому отдавать. Он умер. . . »⁵⁶⁰. Неразделенная любовь так и осталась на всю жизнь. В 1943 г. она посвящает Философому свое последнее и, как утверждает В. Злобин, единственное стихотворение Гиппиус, «написанное в женском роде». И это не случайно. Оно заслуживает публикации:

Когда-то было, меня любила
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что
 Дух поведал
Ему про это — не плоть и кровь.
Своим обманом он счел Психею,
Своею правдой лишь плоть и кровь.
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти Любовь,
Но потерял он свою Психею,
И то, что было — не будет вновь.
Ушла Психея, и вместе с нею
Я потеряла его любовь⁵⁶¹.

Однако жизнь продолжалась, не нарушая установившегося ритма. Зинаида Николаевна по-прежнему общалась с окружающими ее людьми. В декабре 1943 г. она пригласила к себе на деловую встречу П. Е. Ковалевского, задумавшего книгу по истории эмиграции.

Зинаида Николаевна предлагает ему для встречи любой день, кроме среды и воскресенья, когда у нее бывали люди, которые могли помешать беседе⁵⁶².

Кто же эти гости, приходившие к ней в эти дни? Об этом можно только догадываться, анализируя разрозненные факты, которые почему-то «замалчиваются» и американским биографом З. Н. Гиппиус Т. Пахмус. Она не согласна с утверждением современников Гиппиус о ее сотрудничестве с немцами и пытается обосновать свою точку зрения. Но ее аргументы не только неубеди-

тельны, но и противоречат имеющимся фактам. Ссылаясь на высказывания нескольких ближайших друзей Зинаиды Николаевны — В. Мамченко и Ю. Терапиано, Т. Пахмус утверждает даже, что Зинаида Николаевна все время оставалась русской патриоткой, и удивляется, почему после смерти Дмитрия Сергеевича большинство бывших друзей Гиппиус покинули ее в преклонном возрасте. И уже явно надуманным является заявление Т. Пахмус по поводу участия Гиппиус в борьбе с фашизмом⁵⁶³.

Реальность же такова, что в годы войны в доме Гиппиус частыми гостями были нацисты, что подтверждают люди, в свое время общавшиеся с Мережковскими. В. Яновский вспоминает о том, что в 1942 г. он получил из оккупированной зоны Франции открытку от Ю. Фельзена (позднее погибшего в концлагере), в которой тот сообщал, что перестал бывать у Мережковских, так как «там теперь бывают совсем другие люди»⁵⁶⁴. Из воспоминаний Н. Тэффи, хотя о многом из военного времени она умалчивает, из отдельных строк мы можем представить новое окружение З. Гиппиус, о чем упоминал в своей открытке Ю. Фельзен. Вспоминает Н. Тэффи и о том, что Гиппиус получала почтительные письма от каких-то немцев, большей частью выходцев из России⁵⁶⁵. Видимо, с помощью этих новых друзей Зинаида Николаевна в период немецкой оккупации Пскова пыталась списаться с двумя своими сестрами, оставшимися на родине⁵⁶⁶.

После появления воспоминаний Н. Тэффи на нее посыпались обвинения со всех сторон. Одни — за то, что «нелестно отзывалась о характере Мережковских». Другие — за то, что не сказала всю правду о них. Естественно, что Тэффи ни с теми, ни с другими обвинениями не согласилась. С первыми, потому что считала, что сказала честно то, что видела и слышала. Со вторыми — потому что «знать не хотела об их политических взглядах». Сама Н. Тэффи, правда, писала не о сотрудничестве, а о «снисходительности» Мережковских к немцам. М. Вишняк тоже не хочет касаться «морально-политической капитуляции» Гиппиус, но все же рассказывает характерный факт. «Парижский вестник», газета сотрудничавших с немцами русских эмигрантов, перевела на русский язык и перепечатала 3 января 1944 г. статью Д. С. Мережковского, опубликованную в июле 1941 г. в одном итальянском фашистском издании. При этом редакция сообщала, что это делается «с согласия З. Н. Гиппиус, верной соратницы Д. С. Мережковского по борьбе с

большевиками, так чутко осознавшей, что только в тесном союзе с Германией, под водительством ее великого фюрера, будет наша родина спасена от иудо-большевизма»⁵⁶⁷.

О том, что это было сделано действительно в соответствии с ее взглядами, свидетельствует, по словам М. Вишняка, то, что после освобождения Парижа, в атмосфере «раскаяния и покаяния» эмиграции в связях с оккупантами, со стороны З. Гиппиус не последовало ни одного публичного заявления о том, что «Жеребков возвел на нее поклев», т. е. не последовало ни опровержения, ни раскаяния, ни сожаления о случившемся. М. Вишняка удивила «эволюция» Гиппиус в сторону нацизма. На самом деле ничего удивительного и неестественного в ее позиции не было. И очень неуклюже выглядела попытка В. Злобина опровергнуть это. Реагируя на появившуюся после освобождения Парижа в одной из газет заметку о сотрудничестве Мережковских с немцами, В. Злобин, защищая их, объяснил ее появление «происками коммунистов»⁵⁶⁸. Хотя в реальности это сотрудничество Мережковских с немцами вызвало, например, у Н. Бердяева «глубокое чувство отвращения», и именно на этой почве он порвал всякие отношения с Д. Мережковским и З. Гиппиус.

В марте 1944 г. состоялась очередная воскресная встреча у З. Гиппиус. Она по старой привычке принимала от 5 до 8 часов вечера. По-прежнему В. Злобин готовил чай. И посетители были постоянные: Лорис-Меликов (из Русского дома в Сен-Женевьев-де-Буа), племянник бывшего министра правительства Александра II. Ему уже 80 лет (до 1917 г. служил в Министерстве иностранных дел России), но он еще очень бодрый — знает наизусть «Фауста» и половину «Божественной комедии», говорит на восьми языках. Бывает Н. Тэффи, иногда В. Мамченко, какие-то дамы, о которых вспоминает Н. Берберова, также заходившая к Зинаиде Николаевне. Приходил некто Н. Давиденко, власовец, по словам Н. Берберовой, читавший в доме Гиппиус стихи А. Ахматовой⁵⁶⁹.

Летом 1944 г., после освобождения Парижа, Зинаида Николаевна даже выходит на улицу, появляется на американском «черном рынке». А 9 сентября 1945 г., в полдень, в 15 часов 33 минуты, как зафиксировал В. Злобин, Зинаида Николаевна умирает. Она похоронена была в той же могиле, что и умерший четыре года назад Дмитрий Сергеевич. На их могиле стоит маленький памятник, похожий на часовню. И никаких цветов, никаких знаков внимания

от живых. «Одинокó жили, одинокó и ушли» — таков приговор истории, хотя эти слова принадлежат их современнику, такому же эмигранту, но пережившему их Б. К. Зайцеву.

Конечно, внешне жизнь Мережковских была насыщенной, но, к сожалению, закончилась «впустую». И как не вспомнить стихи Дон-Аминадо, так метко поразившие политическую эмиграцию:

Жили. Были. Ели. Пили.
Воду в ступе толкли,
Вкруг да около ходили,
Мимо главного прошли⁵⁷⁰.

А главное — это жизнь на родине, со всеми ее перипетиями. К сожалению, в эмиграции, как образно выразился Г. Адамович, «преобладал внутренний голос: ничего общего с нашей Россией в Советской России нет». И в этом была трагедия всей эмиграции и творческой интеллигенции в частности. Эти люди «зациклились» на антисоветизме, отвергая право творческих исканий в самой России, не прислушивались к здравым голосам, звучавшим из рядов самой эмиграции, о том, что в Советской России возрождается подлинная русская литература. После смерти первого поколения эмигрантов все остальные постепенно растворились в иносреде, ибо из эмиграции есть всего два пути: либо возвращение на родину, либо полная ассимиляция в стране проживания.

Так что не будем проклинать изгнание, как предлагает В. Костиков в одноименной книге, но не будем и «умиляться» им. Все-таки это была трагедия как для самих писателей, оторванных по разным причинам от родины, так и для российской культуры.

Мы заканчиваем свой рассказ о трагической судьбе двух известных русских литераторов, но вряд ли можно ставить на этом точку. Еще много неизвестного хранится в архивах США. Напомним, что основным архивом Мережковских владеет американка Т. Пахмус, обладая, таким образом, бесценным богатством, по праву принадлежащим России. Настало время создать музей-квартиру Мережковских в Петербурге, а заодно хорошо бы вернуть все их материалы на родину. Это позволило бы лучше познать жизнь и творчество знаменитой пары, тесно связанной с отечественной культурой.

Примечания

¹ См., напр.: *Михайлов О.* Пленник культуры (О Д. С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990; *Берберова Н.* Предисловие // Зинаида Гиппиус. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк, 1990; *Савельев С.* Предисловие // Мережковский Дм. Большая Россия. Избранное. Л.: ЛГУ, 1991; *Азаровский К. М., Лаврова А. В.* З. Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество // Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991; *Бавин С., Семibrатова И.* Судьбы поэтов Серебряного века. М., 1993; *Андрущенко Е. А., Фридман Л. Г.* Критик, эстетик, художник // Мережковский Д. С. Эстетика и критика. Т. 1. М.; Харьков, 1994, и др.

² *Костилов В.* Не будем проклинать изгнание... М., 1994; *Акимов В. М.* Сто лет русской литературы: от Серебряного века до наших дней. СПб., 1995.

³ *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, 1984. С. 87.

⁴ См.: *Мережковский Д.* Большевизм, Европа и Россия // Общее дело. 1926. 26 янв.

⁵ См.: *Гиппиус З.* Серое с красным. Дневник 1940 г. // Новый журнал. 1953. № 33. С. 220.

⁶ См.: Возрождение. 1969. № 214; 1950. № 12; Наше наследие. 1993. № 2. — «Дневник 1939 г.» возвращен в Россию и ныне хранится в Российском международном фонде культуры.

⁷ *Pachmus T.* Zinaida Hippus: An Intellectual Profile. Land-Amsterdam, 1971 (далее — Пахмус Т. (1971). Указ. соч.); *Pachmus T.* Intellect and ideal in action. Selected correspondence of Z. Hippus. München, 1972 (далее — Пахмус Т. (1972). Указ. соч.).

⁸ См.: *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 614.

⁹ *Сухомлин В.* Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 12. С. 126.

¹⁰ См., напр.: *Гиппиус З.* Опыт свободы. М., 1996. С. 21.

¹¹ *Чуковский К.* Дневник // Новый мир. 1991. № 5. С. 114.

¹² *Пахмус Т.* Зинаида Гиппиус: «Варшавский дневник» // Возрождение. 1969. № 214. С. 73.

¹³ *Чуковский К.* Дневник. С. 134.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Гиппиус З.* Польша 20-го года // Возрождение. 1950. № 12. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 119.

¹⁷ Там же. 1969. № 214. С. 73; *Пахмус Т.* (1971). Указ. соч. С. 205.

¹⁸ *Гиппиус З.* Польша 20-го года. С. 121.

¹⁹ См.: Варшавское слово. 1920. 9 марта.

²⁰ См.: Там же.

²¹ См.: Там же. 5 марта.

²² См.: *Костилов В.* Не будем проклинать изгнание...

²³ *Гиппиус З.* 1) Дм. Мережковский. Воспоминания. Тбилиси, 1991; 2) Польша 20-го года. С. 125.

²⁴ *Вольский А.* Мистика, политика и хлеб насущный. К лекции Д. С. Мережковского «Распятый народ» // Варшавское слово. 1920. 27 марта.

²⁵ Там же.

²⁶ Большевизм и еврейство. Беседа с Д. С. Мережковским // Варшавское слово. 1920. 13 марта.

²⁷ *Гиппиус З.* Польша 20-го года. С. 199.

- 28 См. об этом: Варшавское слово. 1920. 7 апр.
- 29 См.: Свобода. 1920. 25 сент. — Здесь же было напечатано начало романа Д. Мережковского «14 декабря».
- 30 Возрождение. 1969. № 214. С. 76.
- 31 Костииков В. Не будем проклинать изгнание... С. 318.
- 32 Варшавское слово. 1920. 8 апр.
- 33 Гиппиус З. Польша 20-го года. С. 130.
- 34 Сегодня. 1920. 24 янв.
- 35 Свобода. 1921. 20 авг.
- 36 Руль. 1920. 9 дек..
- 37 См.: Варшавское слово. 1920. 14 и 23 апр.
- 38 Пазмус Т. (1972). Указ. соч. С. 122.
- 39 См.: Возрождение. 1951. № 13. С. 130.
- 40 См.: Последние новости. 1920. 9 июля.
- 41 Гиппиус З. Варшавский дневник // Возрождение. 1969. № 214. С. 78.
- 42 См.: Последние новости. 1920. 15 июля.
- 43 См.: Новый путь (Рига). 1921. 24 июля.
- 44 Гиппиус З. Польша 20-го года. С. 139.
- 45 Там же.
- 46 Пазмус Т. Зинаида Гиппиус (1972). С. 140.
- 47 См.: Свобода. 1921. 13 февр.
- 48 Голос России. 1921. 6 февр.
- 49 Последние новости. 1921. 13 мая.
- 50 См.: Ковалевский П. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека. Париж, 1971. С. 33.
- 51 Новое время. 1923. 13 окт.
- 52 Возрождение. 1925. 19 июля.
- 53 См.: Свобода. 1921. 24 февр.
- 54 Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 272.
- 55 Гиппиус З. Дм. Мережковский. С. 344.
- 56 См.: Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. С. 235, 243.
- 57 См.: Дальние берега. М., 1994. С. 118.
- 58 Гиппиус З. Дм. Мережковский. С. 345.
- 59 См. об этом: Общее дело. 1921. 26 янв.
- 60 Последние известия (Ревель). 1921. 25 янв.
- 61 Пазмус Т. (1972). Указ. соч. С. 147.
- 62 См.: Дальние берега. С. 109.
- 63 Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. С. 349.
- 64 См.: Климов Е. Е. Русские художники. Нью-Йорк, 1974. С. 151; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С. 37.
- 65 См.: Пазмус Т. (1972). Указ. соч. С. 200.
- 66 См.: Бавин С., Семibrатова М. Судьбы поэтов Серебряного века. С. 314.
- 67 Об этом писал Ю. Терапиано (см.: Дальние берега. С. 109).
- 68 Вишняк М. Современные записки: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 95.
- 69 В 1926 г., когда эмигрантские организации устроили собрание, посвященное памяти Н. В. Чайковского, на нем с речами выступили Зинаида Николаевна, отметившая, что он был близок ей «религиозно», и Дмитрий Сергеевич, говоривший о «тайне души Чайковского». А когда П. Милюков сказал, что у

Чайковского «Бог не отделяется от материи» и что «потустороннее его не интересовало», Мережковский и Гиппиус выразили свое недовольство сказанным репликами протеста (см.: Последние новости. 1926. 19 мая).

⁷⁰ См. об этом: *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 220.

⁷¹ *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 89.

⁷² *Адамович Г.* О книгах и авторах. Париж, 1967. С. 47.

⁷³ *Патмус Т.* (1971). Указ. соч. С. 217.

⁷⁴ Там же. С. 232.

⁷⁵ *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 211.

⁷⁶ Там же. С. 152.

⁷⁷ См.: Современные записки. 1938. № 67. С. 319.

⁷⁸ «Грядущая Россия» — первый журнал, появившийся в эмиграции. Вышло всего два тома под ред. М. Алданова, А. Толстого, Н. Чайковского. Журнал прекратил свое существование в начале 1920 г. из-за отсутствия средств.

⁷⁹ См.: *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. С. 242.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Лауров В.* Холодная осень: Бунин в эмиграции. М., 1989. С. 74.

⁸² *Винавер М. М.* (1863–1926) — в дореволюционной России крупный общественный деятель, кадет, член Государственной думы.

⁸³ *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография: В 2 т. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 278.

⁸⁴ Там же. С. 303.

⁸⁵ Там же. С. 288.

⁸⁶ Цит. по: *Мережковский Д. С.* Соч. Т. 1. М., 1990. С. 21.

⁸⁷ См.: *Злобин В.* Тяжелая душа. С. 118.

⁸⁸ См.: *Мережковский Д. С.* Большая Россия. Избранное. Л., 1991. С. 206.

⁸⁹ *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. Письма. Эрмитаж, 1984. С. 199.

⁹⁰ Цит. по: *Коляров М. А.* Русские писатели и «Русская мысль» 1921–1923.

Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Т. 19. М.; СПб., 1996. С. 240.

⁹¹ Цит. по: *Коляров М. А.* Там же.

⁹² Минувшее. Т. 19. С. 240.

⁹³ Там же. С. 240, 242.

⁹⁴ Там же. С. 239.

⁹⁵ См.: *Голос России.* 1922. 24 июля.

⁹⁶ *Бавин С., Сембратова И.* Судьбы поэтов Серебряного века. С. 122.

⁹⁷ *Адамович Г.* О книгах и авторах. С. 155.

⁹⁸ См.: *Дальние берега.* С. 125.

⁹⁹ *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 1. С. 293.

¹⁰⁰ *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 36.

¹⁰¹ *Маковский С.* На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962. С. 47.

¹⁰² *Гиппиус З.* Чертова кукла. М., 1991. С. 20.

¹⁰³ *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 45.

¹⁰⁴ Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 38.

¹⁰⁵ *Маковский С.* Указ. соч. С. 97.

¹⁰⁶ См.: Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 50.

¹⁰⁷ Цит. по: *Разумовская М.* Марина Цветаева. Миф и действительность. М., 1994. С. 387.

¹⁰⁸ Там же.

- 109 См., напр.: *Лосская В. Цветаева в жизни. Неизвестные воспоминания современников. Тенефлей, 1990. С. 110; Разумовская М. Марина Цветаева. С. 202.*
- 110 См.: Россия и Франция. XVIII–XX вв. М., 1995. С. 263.
- 111 Цит. по: *Разумовская М. Указ. соч. С. 387.*
- 112 *Патмус Т. (1972). Указ. соч. С. 281.*
- 113 Там же. С. 640–641.
- 114 См.: Последние новости. 1924. 1 февр.
- 115 См. подробнее: *Лавров В. Холодная осень... С. 132.*
- 116 *Вишняк М. «Современные записки». С. 85.*
- 117 См.: *Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. М., 1994. С. 508.*
- 118 *Вишняк М. З. Н. Гиппиус в письмах // Новый журнал. 1954. № 37.*
- С. 193.
- 119 См.: *Вишняк М. «Современные записки». С. 97.*
- 120 *Шаловская З. Отражение. Париж, 1975. С. 57.*
- 121 *Гиппиус З. Письма Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 5.*
- 122 *Патмус Т. (1972). Указ. соч. С. 378.*
- 123 Цит. по: Дальние берега. С. 362.
- 124 *Патмус Т. (1972). Указ. соч. С. 378.*
- 125 Там же. С. 387.
- 126 *Гиппиус З. Письма Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 105.*
- 127 Последние новости. 1926, 1 февр.
- 128 См.: *Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов Серебряного века.*
- С. 314.
- 129 См.: Россия и Франция. XVIII–XX вв. С. 259.
- 130 См., напр.: Последние новости. 1927. 13 янв.
- 131 Цит. по: *Вишняк М. «Современные записки». С. 138.*
- 132 См., напр.: Воля России. 1926. № 1. С. 185.
- 133 *Мережковский Д. В тихом омуте. С. 486.*
- 134 См.: Дальние берега. С. 109.
- 135 Знамя. 1990. № 3. С. 180.
- 136 См. предисловие к «Петербургским дневникам» З. Гиппиус. С. 14.
- 137 Там же.
- 138 Там же.
- 139 Там же.
- 140 См.: *Мережковский Д. С. Большая Россия. С. 247.*
- 141 *Гиппиус З. Автобиографические заметки // Гиппиус З. Чертова кукла.*
- С. 21.
- 142 *Патмус Т. (1972). Указ. соч. С. 343.*
- 143 См.: Дальние берега. С. 144, 146, 363.
- 144 Последние новости. 1925. 2 апр.
- 145 Возрождение. 1925. 3 июля.
- 146 Последние новости. 1926. 31 янв.
- 147 Там же. 1926. 6 мая.
- 148 Там же. 1927. 11 июля.
- 149 Дни. 1927. 25 окт.
- 150 См.: Даугава. 1989. № 9. С. 105.
- 151 См.: Дальние берега. С. 104.
- 152 *Разумовская М. Марина Цветаева. С. 195.*

- 153 См.: Дальние берега. С. 104.
- 154 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 52.
- 155 См.: *Иванов Г.* Собр. соч. Т. 3. С. 508.
- 156 Там же.
- 157 *Гиппиус З.* Письма Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 45.
- 158 *Яновский В.* Поля Елисейские // Звезда. 1991. № 9. С. 186.
- 159 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 36.
- 160 *Фельзен Ю.* Указ. ст. С. 105.
- 161 Там же. С. 106.
- 162 Там же.
- 163 Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фридман ошибочно относят дату появления «Зеленой лампы» к 1926 г. (см.: *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика. Т. 1. Харьков, 1994. С. 12).
- 164 См.: *Палмус Т.* (1971). Указ. соч. С. 238.
- 165 *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 2. С. 469.
- 166 *Палмус Т.* (1971). Указ. соч. С. 238.
- 167 Последние новости. 1927. 6 апр.
- 168 См.: *Гиппиус З. Н.* Соч. Л., 1991. С. 272.
- 169 Там же. С. 649.
- 170 См.: *Фельзен Ю.* У Мережковских по воскресеньям // Даугава. 1989. № 9. С. 52.
- 171 *Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 52.
- 172 *Туган-Барановский М. М.* Париж, 1925 г. (из восп.) // Россия и Франция. XVII–XX века. М., 1995. С. 263.
- 173 *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 45.
- 174 Там же. С. 12.
- 175 Д. Кнут (Д. М. Фихман — 1900–1965), с 1914 по 1918 г. печатался в кишиневских газетах. С 1933 г. жил в Париже, писал стихи. В 1922 г. организует выставку картин и стихов «13», в которой кроме 13 русских художников и поэтов принял участие проф. К. Мочульский, читавший на вернисаже выставки доклад «О парижской группе русских поэтов экспонатов выставки». Автор четырех поэтических сборников. Участник движения Сопротивления во Франции. После войны переехал в Израиль и отошел от русской литературной жизни (см. подробно: *Флейшман Л.* и др. Русский Берлин. Париж, 1983. С. 314–315).
- 176 См.: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. С. 243; *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 46; *Адамович Г.* Одиночество и свобода. С. 14.
- 177 См.: Последние новости. 1924. 11 апр.
- 178 *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. С. 243.
- 179 *Адамович Г.* О книгах и авторах. С. 253.
- 180 См.: Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 1. М., 1994. С. 295.
- 181 Там же. С. 297. См. также: *Терапиано Ю.* Встречи. С. 59.
- 182 Русская идея. Т. 1. С. 297.
- 183 Там же. С. 298.
- 184 Там же. С. 300. См. также: *Терапиано Ю.* Встречи. С. 61.
- 185 Русская идея. Т. 1. С. 303.
- 186 Там же. С. 304.
- 187 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 374.
- 188 *Терапиано Ю.* Встречи. С. 79.

- 189 Там же. С. 82.
- 190 *Патмус Т.* (1971). Указ. соч. Р. 239.
- 191 *Адамович Г.* О книгах и авторах. С. 59.
- 192 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 49.
- 193 *Терапиано Ю. Д. С.* Мережковский // Дальние берега. С. 112.
- 194 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 118.
- 195 *Мережковский Д. С.* В тихом омуте. С. 486.
- 196 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 118.
- 197 См.: Знамя. 1990. № 3. С. 180.
- 198 См.: Дальние берега. С. 112.
- 199 *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 64.
- 200 *Терапиано Ю.* Встречи. С. 38.
- 201 *Фельзен Ю.* Указ. ст. С. 107.
- 202 *Вишняк М.* «Современные записки». С. 160.
- 203 *Адамович Г.* О книгах и авторах. С. 161.
- 204 См.: *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 216.
- 205 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 47.
- 206 Там же.
- 207 Там же. С. 49.
- 208 См.: *Гиппиус З.* Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 43.
- 209 *Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974. С. 300; Русская литература в эмиграции. С. 297.
- 210 *Яновский В.* Поля Елисейские // Звезда. 1991, № 9, С. 196.
- 211 *Акимов В. М.* От Блока до Солженицына. СПб., 1994. С. 75.
- 212 См.: Воля России. 1925. № 6.
- 213 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 80.
- 214 *Яновский В.* Поля Елисейские. С. 194.
- 215 Там же. С. 187, 193.
- 216 *Померанцев К.* Сквозь смерть. Воспоминания. Лондон, 1986. С. 77.
- 217 Там же.
- 218 *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Нью-Йорк, 1966. С. 234.
- 219 См.: Дальние берега. С. 232.
- 220 *Вербов С.* Люди, пути и тропы. Париж, 1970. С. 477.
- 221 *Тэффи Н.* Житье-бытье. М., 1991. С. 19.
- 222 *Фельзен Ю.* Указ. ст. С. 106.
- 223 Там же. С. 166.
- 224 *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 5.
- 225 *Фокшт В. Б.* — журналист, увлекался поэзией. Довольно часто посещал дом Мережковских, хотя, как считает Т. Пахмус, они его не особенно приветствовали. В 1930-е годы стал монахом, уехал в Данию, где умер в 1942 г.
- 226 *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 350.
- 227 *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 11.
- 228 *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. XI.
- 229 Там же. С. 360, 432.
- 230 *Струве Г.* Русская литература в изгнании. С. 193.
- 231 См.: *Гиппиус З.* Опыт свободы. М., 1996. С. 19.
- 232 См.: Воля России. 1929. № 1. С. 122.
- 233 См.: Там же. 1927. № 11-12. С. 294.
- 234 *Патмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 360, 432.

- 235 Воля России. 1927. № 11–12. С. 294.
236 Там же. 1929. № 1. С. 121.
237 *Адамович Г.* Люди и книги // Современные записки. 1934. № 56. С. 286.
238 См.: Дни. 1928. 20 февр.
239 Там же. 29 февр.
240 *Вишняк М.* «Современные записки». С. 163.
241 См.: Знамя. 1991. № 12. С. 193.
242 *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 77.
243 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 370.
244 См.: *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 88.
245 Там же.
246 Там же. С. 90.
247 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 378.
248 *Шатовская З.* Отражение. С. 57.
249 См.: Дальние берега. С. 179.
250 Знамя. 1991. № 12. С. 195.
251 Там же. С. 193.
252 Дальние берега. С. 179.
253 См.: Воля России. 1929. № 1. С. 124.
254 Там же. С. 125.
255 Там же. № 2. С. 168.
256 Там же. № 4.
257 Там же.
258 Там же. № 8/9. С. 206.
259 Там же.
260 *Гиппиус З.* Петербургский дневник. М., 1990. С. 12.
261 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. М., 1993. С. 76.
262 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 381.
263 *Сорокина О.* Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994. С. 196.
264 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 220.
265 *Мережковский Д.* В тихом омуте. С. 498.
266 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. Р. 246.
267 Там же.
268 Там же. Р. 247.
269 Там же.
270 Там же.
271 Там же.
272 Там же.
273 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 83.
274 *Палмус Т.* (1971). Указ. соч. Р. 225.
275 См.: *Гиппиус З.* Петербургский дневник. М., 1990. С. 13. — По плану, одобренному сербской АН и королем, А. Белич выпустил около 40 томов русских авторов поколения людей, начавших свою литературную деятельность в начале XX в., в том числе две книги Мережковского, три — И. Шмелева, две — Куприна и др. (Там же. С. 12).
276 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 88.
277 См.: ВСЭ. Т. 14. С. 117.
278 *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 1. С. 284, 285.

- 279 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 33–34.
280 Там же. С. 42.
281 Там же. С. 46.
282 Там же. С. 47.
283 Там же.
284 Там же. С. 54.
285 Там же.
286 Там же. С. 113.
287 Там же. С. 114.
288 Там же. С. 181.
289 Там же. С. 182.
290 Там же.
291 Там же.
292 Там же. С. 188.
293 См.: Воля России. 1930. № 3. С. 301.
294 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 390.
295 См.: Воля России. Кн. I–III. 1932. Прага, С. 88.
296 См. об этом: Современные записки. 1931. № 46. С. 508.
297 *Шаховская З.* Отражение. С. 117.
298 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 131.
299 *Лаэров В.* Холодная осень. С. 188.
300 Там же.
301 См., напр.: *Костиков В.* Не будем проклинять изгнание... М., 1990.
- С. 435.
302 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 117.
303 *Костиков В.* Указ. соч. С. 437.
304 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 395.
305 Там же. С. 407.
306 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 64.
307 Там же. С. 100.
308 См.: Русский альманах. С. 390.
309 *Яновский В.* Поля Елисейские // Звезда. 1988. № 10. С. 195.
310 См.: Воля России. 1932. С. 88.
311 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 49.
312 *Вшиняк М.* «Современные записки». С. 160.
313 Там же.
314 См.: Воля России. 1927. № 11/12. С. 294.
315 Там же. 1929. № 1. С. 122.
316 Там же.
317 Там же.
318 Цит. по: Дальние берега. С. 270.
319 Цит. по: Там же. С. 108.
320 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 511.
321 Там же. С. 420.
322 *Мережковский Д.* Маленькая Тереза. С. 133.
323 Там же. С. 149.
324 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 257.
325 Там же. С. 450.
326 См. об этом: Литературный смотр. Париж, 1939.

- 327 См.: Минувшее. Т. 19. СПб., 1996. С. 271.
- 328 Там же. С. 263.
- 329 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 49.
- 330 См., напр.: *Гиппиус З.* Соч. Л., 1991, С. 47; см. также: *Пахмус Т.* (1971). Указ. соч. С. 239.
- 331 *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика. Т. 1. Харьков, 1994. С. 13.
- 332 Там же. С. 12.
- 333 *Иванов Г.* Собр. соч. Т. 3. С. 607–608.
- 334 См.: Современные записки. Кн. 58. Париж, 1935. С. 474.
- 335 *Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 22.
- 336 *Адамович Г.* О книгах и авторах. С. 161.
- 337 См.: Минувшее. Т. 19. С. 263.
- 338 *Гиппиус З. Д. С.* Мережковский. С. 307.
- 339 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 92.
- 340 *Гиппиус З. Д. С.* Мережковский. С. 521.
- 341 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 110.
- 342 *Вишняк М.* «Современные записки». С. 101.
- 343 *Бахрах А.* Бунин в халате. М., 1979. С. 144.
- 344 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 110.
- 345 *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 1. С. 288.
- 346 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 279, 280.
- 347 Дальние берега. С. 15.
- 348 *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 1. С. 288.
- 349 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 172.
- 350 См. об этом: *Лавров В.* Холодная осень. С. 106.
- 351 См.: Там же. С. 108. — Обратим лишь внимание на то, что в книге В. Лаврова речь идет о доме, хотя официально считается, что Леонардо да Винчи умер в замке Клу, близ Амбуаза (БСЭ. Т. 14. С. 337).
- 352 *Гиппиус З.* Письма к Н. Берберовой и В. Ходасевичу. С. 10.
- 353 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 110.
- 354 *Сорокина О.* Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. С. 223.
- 355 См.: Накануне. 1922. 24 июля.
- 356 См.: Там же.
- 357 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 128.
- 358 Там же. С. 129, 19.
- 359 Там же. С. 131.
- 360 Там же. С. 164.
- 361 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 194.
- 362 *Лавров В.* Холодная осень. С. 202.
- 363 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 59.
- 364 Там же.
- 365 Там же. С. 60.
- 366 *Кузнецова Г.* Грасский дневник. С. 249.
- 367 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 60.
- 368 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 202.
- 369 *Пахмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 540.
- 370 *Седых А.* Далекие, близкие. Париж, 1962. С. 190.
- 371 *Одоевцева И.* На берегах Сены. С. 61.
- 372 *Седых А.* Указ. соч.

- 373 Там же. С. 192.
- 374 См.: Письма Б. Зайцева и И. А. Бунина // Новый журнал. 1982. № 149.
- С. 137.
- 375 См.: *Шатовская З.* Отражение. С. 112.
- 376 См.: Новый журнал. 1982. № 144. С. 142.
- 377 См.: *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 130.
- 378 См.: Там же.
- 379 См.: Там же.
- 380 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 255, 260.
- 381 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 139.
- 382 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 522.
- 383 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 132, 133.
- 384 Там же. С. 133.
- 385 Там же. С. 135.
- 386 Там же. С. 137.
- 387 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 146.
- 388 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 136.
- 389 См.: *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 261, 262.
- 390 См. об этом: Последние новости. 1920. 13 июля; Руль. 1921. 27 февр.; Последние известия (Ревель), 1921. 12 июля.
- 391 Последние новости. 1920, 13 июля; Руль. 1921. 27 февр.
- 392 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 136.
- 393 Там же. С. 153.
- 394 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 230.
- 395 *Иванова Л.* Воспоминания об отце. М., 1990. С. 242.
- 396 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 257.
- 397 Там же. С. 140.
- 398 Там же. с. 141.
- 399 Там же. С. 273.
- 400 *Гиппиус З.* Дневник 1939 // Наше наследие. 1993. № 2. С. 65.
- 401 *Седых А.* Далекие, близкие. Париж, 1962. С. 208.
- 402 *Иванова Л.* Воспоминания об отце. С. 242.
- 403 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 285, 522.
- 404 Там же. С. 130.
- 405 Там же. С. 120.
- 406 Там же. С. 522.
- 407 Там же. С. 146.
- 408 Там же.
- 409 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 195.
- 410 Там же. С. 151.
- 411 Там же.
- 412 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 286.
- 413 Там же. С. 286, 287.
- 414 Там же. С. 287.
- 415 Там же; *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 20.
- 416 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 283.
- 417 См.: *Терапиано Ю.* Встречи. С. 25.
- 418 *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 156.

- 419 Там же. С. 161.
420 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 296.
421 Там же. С. 162.
422 *Пазмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 296, 305, 525.
423 *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. С. 173.
424 *Пазмус Т.* (1972). Указ. соч. с. 328, 291.
425 См.: *Иванова Л.* Воспоминания об отце. С. 372; *Маковский С.* Вячеслав Иванов в эмиграции // Новый журнал. 1952. Кн. XXI. С. 163.
426 *Пазмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 309.
427 Там же. С. 213.
428 *Гиппиус З.* Год войны. 1939 // Наше наследие. 1989. № 2. С. 35.
429 Там же. С. 35.
430 Там же. С. 39.
431 Там же. С. 36.
432 Там же. С. 41.
433 Там же. С. 43.
434 Там же. С. 66.
435 Там же. С. 45.
436 Там же. С. 38.
437 Там же. С. 40.
438 Там же. С. 42.
439 Там же. С. 36.
440 Там же.
441 Там же. С. 40.
442 Там же. С. 45.
443 Там же. С. 38.
444 Там же. С. 50.
445 Там же. С. 42.
446 Там же. С. 65.
447 *Пазмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 454.
448 См.: Литературный сбор. Париж, 1939. С. 6.
449 См.: Там же. С. 44.
450 Литературный смотр. С. 13.
451 *Пазмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 272.
452 *Гиппиус З.* Год войны. 1939. С. 57.
453 Там же. С. 60.
454 Там же. С. 59.
455 *Злобин В.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1970. С. 122.
456 См.: Новый журнал. Кн. 33. 1953. С. 211.
457 *Гиппиус З.* Серое с красным. Дневник 1940 г. С. 219.
458 Там же. С. 218.
459 Новый журнал. Кн. 33. 1953, С. 211.
460 Там же. С. 213.
461 Там же. С. 218.
462 См.: *Лавров В.* Холодная осень. С. 316.
463 Новый журнал. Кн. 33. 1953. С. 219.
464 Там же. С. 221; Возрождение. Париж, 1958. Кн. 81. С. 125.
465 *Злобин В.* Тяжелая душа. С. 122.
466 *Гиппиус З.* Серое с красным. Дневник 1940 г. С. 224.

- 467 Злобин В. Тяжелая душа. С. 122.
468 Там же.
469 Там же. С. 124.
470 Там же.
471 Цит. по: Лавров В. Холодная осень. С. 316.
472 Палмус Т. (1972). Указ. соч. С. 526.
473 Яновский В. Поля Елисейские // Знамя. 1991. № 10. С. 195.
474 Ковалевский П. Зарубежная Россия. С. 33.
475 Яновский В. Елисейские поля // Звезда. 1991. № 10. С. 195.
476 Вербов С. Люди, пути и тропы. С. 289.
477 Рубакин А. Над рекою времени. Воспоминания. М., 1966. С. 337.
478 Записки русской академической группы в США. Т. XXVI. Нью-Йорк, 1994. Р. 40.
479 Костиков В. Не будем проклинать изгнание... С. 334.
480 См.: Грани. 1991. № 161. С. 219.
481 Олейников О. Ю., Мамедов В. С. Интеллигенция, эмиграция, Отечество. С. 138.
482 Юсупов Ф. В изгнании // Аврора. 1995. № 3. С. 142.
483 См. об этом: Адамович Г. В. А. Маклаков: политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 222.
484 См. об этом: Там же. С. 222.
485 Рубакин А. Над рекою времени. С. 339.
486 Там же. С. 374.
487 Там же. С. 348.
488 Емельянов С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 80.
489 Вишняк М. Годы эмиграции. С. 119.
490 Злобин В. Тяжелая душа. С. 115.
491 См.: Гиптиус З. Опыт свободы. М., 1996. С. 21.
492 Одоевцева И. На берегах Сены. С. 66.
493 См.: Мережковский Д. С. Эстетика и критика. Т. I. 1994. С. 13, 14.
494 Терапиано Ю. Встречи. С. 42.
495 Терапиано Ю. Д. С. Мережковский // Дальние берега. С. 109.
496 Палмус Т. (1971). Указ. соч. С. 280.
497 Там же. С. 282.
498 Там же. С. 283.
499 Там же.
500 Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 86.
501 Мережковский Д. С. Маленькая Тереза. С. 20.
502 Злобин В. Тяжелая душа. С. 116.
503 Берберова Н. Курсив мой. Т. 2. С. 485. Ср.: Злобин В. Тяжелая душа. С. 128.
504 Берберова Н. Курсив мой. Т. I. С. 306.
505 См.: Возрождение. 1952. № 13. С. 176.
506 См.: Общее дело. 1921. 13 авг.; Голос России. 1921. 16 авг.; Новый путь (Рига). 1921. 24 авг.
507 Цит. по: Сегодня. 1922. 16 мая.
508 См.: Злобин В. Д. С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Дальние берега. С. 122.
509 См.: Грани. 1972. № 83. С. 117–120.

- 510 Яновский В. Поля Елисейские // Звезда. 1991. № 11. С. 187.
- 511 Палмус Т. (1972). Указ. соч. С. 455.
- 512 См.: Минувшее. Т. 19. М., 1996. С. 246.
- 513 Новая русская книга. 1922. № 1. С. 9, 10.
- 514 Там же. 1921. № 9. С. 22.
- 515 См.: Андреев В. Путешествие в прошлое. С. 298.
- 516 См.: Дни. 1927. 30 окт.
- 517 Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 335.
- 518 См.: Воля России. 1926. № 8-9. С. 96.
- 519 Там же. С. 97.
- 520 Дни. 1927. 13 нояб.
- 521 Там же. 30 окт.
- 522 Палмус Т. (1972). Указ. соч. С. 174.
- 523 Там же. С. 178.
- 524 См.: Сегодня (Рига). 1929. 22 дек.
- 525 Бунин И. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апр.
- 526 Осоргин М. Времена. Екатеринбург, 1992. С. 573.
- 527 См.: Минувшее. Т. 18. М.; СПб., 1995. С. 462.
- 528 Федотов Г. Завтрашний день. Письма о русской культуре // Современные записки. 1938. № 66. С. 360.
- 529 Гиппиус З. Год войны // Наше наследие. 1993. № 28. С. 34.
- 530 Гиппиус З. Дневник 1939 г. С. 412.
- 531 Там же.
- 532 Гиппиус З. Год войны // Наше наследие. 1993. № 28. С. 34.
- 533 Гиппиус З. Серое с красным. Дневник 1940 г. С. 213.
- 534 См.: Лавров В. Холодная осень. С. 187.
- 535 См.: Возрождение. 1952. № 13. С. 178.
- 536 Мережковский Д. С. Красная шапочка // Мережковский Д. С. В тихом омуте. С. 60-61.
- 537 Там же. С. 490; Берберова Н. Курсив мой. Т. 2. С. 485.
- 538 Злобин В. Тяжелая душа. С. 129.
- 539 Берберова Н. Курсив мой. Т. 2. С. 485.
- 540 См.: Дальние берега. С. 108.
- 541 Берберова Н. Курсив мой. Т. 2. С. 506-507.
- 542 Злобин В. Тяжелая душа. С. 130.
- 543 Цит. по: Там же. С. 129.
- 544 Берберова Н. Курсив мой. Т. 1. С. 490.
- 545 Там же. С. 507.
- 546 Там же. Т. 2. С. 508.
- 547 Тэффи Н. Зинаида Гиппиус // Возрождение. 1955. № 53. С. 91; Дальние берега. С. 130.
- 548 Злобин В. Гиппиус и Философов // Возрождение. 1958. № 74. С. 112.
- 549 Тэффи Н. Зинаида Гиппиус. С. 94.
- 550 Там же.
- 551 Там же. С. 88.
- 552 Там же.
- 553 См.: Гиппиус З. Петербургский дневник. С. 17.
- 554 Злобин В. Тяжелая душа.

- ⁵⁵⁵ Цит. по: *Бовин С., Семибратова И.* Судьбы поэтов Серебряного века. С. 122.
- ⁵⁵⁶ См.: *Возрождение*. 1968. № 198. С. 19.
- ⁵⁵⁷ *Злобин В.* Тяжелая душа. С. 89.
- ⁵⁵⁸ *Гиппиус З.* Серое с красным. Дневник 1940 г. С. 218; *Злобин В.* Тяжелая душа. С. 123.
- ⁵⁵⁹ *Гиппиус З.* Серое с красным. Дневник 1940 г. С. 205.
- ⁵⁶⁰ *Злобин В.* Гиппиус и Философов // *Возрождение*. 1958. № 74. С. 112.
- ⁵⁶¹ Цит. по: *Возрождение*. 1958. № 74. С. 117.
- ⁵⁶² См.: *Палмус Т.* (1972). Указ. соч. С. 643.
- ⁵⁶³ См.: *Русская литература в эмиграции*. С. 129.
- ⁵⁶⁴ См.: *Яновский В.* Поля Елисейские // *Звезда*. 1991, № 10. С. 195.
- ⁵⁶⁵ См.: *Берберова Н.* Курсив мой. Т. I. С. 281.
- ⁵⁶⁶ См.: *Дальние берега*. С. 379.
- ⁵⁶⁷ Чит. по: *Вишняк М.* «Современные записки». С. 161.
- ⁵⁶⁸ См.: *Берберова Н.* Курсив мой. Т. 2. С. 509.
- ⁵⁶⁹ См.: Там же.
- ⁵⁷⁰ *Дон-Аминадо.* Парадоксы жизни: стихотворения, воспоминания, афоризмы. М., 1991. С. 199.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	5

ПОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ В ЭМИГРАЦИИ

Из Петрограда в Варшаву	12
Несбывшиеся ожидания	17

ПАРИЖСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ (1920–1930-е годы)

«Русский» Париж 20-х годов	22
Сотрудничество с «Современными записками»	37
«Воскресники» и «Зеленая лампа»	44
От «Нового дома» к «Новому кораблю»	61
На съезде писателей-эмигрантов в Белграде	69
Мережковские на юге Франции	74
Снова в Париже	81
Мережковские и Бунин	90
Поездки в Италию	100
Вторая поездка	102
Третья поездка в Италию	110

ГОДЫ ВОЙНЫ

«Воскресники» в доме Мережковских накануне войны	115
В оккупированной Франции	122
Отношение Мережковских к России	131
Вынужденное одиночество (Последние годы жизни З. Гиппиус)	140
З. Гиппиус и Д. Философов: отблеск былой любви	144

Хрисанфов Валентин Иванович
**Д. С. Мережковский и Э. Н. Гиппиус:
из жизни в эмиграции**

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *Н. В. Ермолаева*
Верстка *И. М. Беловой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 08.02.2005. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 9,6.
Заказ № 15
Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9
Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

9 785288 036231